Г. ЧЕРЧИЛЛЬ

ДУЭЛЬ УМОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

П. Черчилль во время второй мировой войны был крупным агентом английской разведки. Его неоднократно засылали на территорию Франции для выполнения различных заданий.

В книге «Дуэль умов», написанной в форме воспоминаний, автор рассказывает о некоторых эпизодах своей нелегальной деятельности во Франции в 1942—43 гг., о методах подготовки агентов английской разведки и засылки их на вражескую территорию.

Значительное место отводится описанию героической, самоотверженной борьбы французских патриотов против фашистских захватчиков.

Насыщенная интересными фактами и подробностями, книга представляет интерес для широкого круга советских читателей.

- Питер Черчилль
  -
  - Предисловие автора
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава I
    - Глава II
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
    - Глава XI
    - Глава XII
    - Глава XIII
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - Глава I
    - Глава II

        - Глава III
        - Глава IV
        - Глава V
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18

Питер Черчилль
ДУЭЛЬ УМОВ

DUEL OF WITS

BY P. CHURCHILL

LONDON

П. ЧЕРЧИЛЛЬ

ДУЭЛЬ УМОВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1961

Предисловие к русскому изданию

П. Черчилль, известный английский разведчик, в годы второй мировой войны выполнял ряд заданий на территории Франции. В своей книге «Дуэль умов» он знакомит читателя с

разнообразными эпизодами своей работы в разведке.

События, описываемые в книге, переживания участников этих событий, собственные переживания автора воспринимаются с интересом, привлекают внимание читателя своей реалистичностью, не вызывая того чувства недоверия, которое невольно испытываешь, читая многочисленные произведения подобного жанра, вышедшие из-под пера других буржуазных авторов — сочинителей боевиков «шпионской» серии. Автор не прославляет шпионское ремесло, ему чуждо стремление заинтриговать читателя надуманными острыми ситуациями, сценами загадочных убийств, образами героев-сверхчеловеков и т. п. Он не делает попыток «обыграть» реальные события в духе модных детективов, заботясь прежде всего не о дешевой популярности, а о познавательной ценности книги. Он, например, отводит целую главу подготовке диверсии на радиостанции «Сент-Ассис» — важного военного объекта гитлеровцев на территории Франции, заведомо лишая себя возможности лишний раз пощекотать нервы читателя захватывающей сценой дерзкой диверсии, так как все закончилось довольно прозаически: немцы усилили охрану, и английское командование в самый последний момент отменило диверсию. Но зато ему удалось показать, с какой тщательностью английская разведка готовит своих шпионов и диверсантов, предусматривая все вплоть до мелочей, широко используя последние достижения техники. Так, для изучения радиостанции «Сент-Ассис» был изготовлен точный ее макет в уменьшенном виде, и диверсантам конкретно показали наиболее уязвимые детали, подорвав которые можно вывести из строя весь объект на продолжительный срок. Кроме того, их отвезли на аналогичную английскую радиостанцию и познакомили с ее работой, а затем организовали тренировку в специальном лагере, приготовили взрывчатку по размеру оттяжек антенной мачты, особые химические взрыватели к ней, не говоря уже о снаряжении, документах, деньгах…

Вместе с тем автор отнюдь не склонен проповедовать миф о «непогрешимости» английской разведки, который издавна усиленно распространяется британской пропагандой. Наоборот, он рассказывает о ряде провалов в деятельности английской разведки, о грубых промахах некоторых разведчиков, об их низких моральных качествах, о нарушении элементарных правил конспирации. Обо всем этом автор говорит особенно много в третьей и четвертой частях книги, где подробно останавливается на деятельности английской разведки на юге Франции, куда французский отдел военного министерства Англии направил его в качестве своего представителя при местном руководителе

движения Сопротивления Карте.

Но если первая и вторая части книги по своему содержанию не вызывают особых возражений, то последние две части нуждаются в серьезных критических комментариях, так как здесь затрагиваются события, связанные с деятельностью французского движения Сопротивления.

Как известно, буржуазные историки приложили немало усилий, чтобы извратить и запутать историю этого движения, пытаясь прежде всего принизить роль Коммунистической партии Франции, которая была не только подлинным организатором и вдохновителем Сопротивления, но и его основной силой. Уже с июля 1940 года под руководством Компартии начались патриотические демонстрации, проводились стачки и саботаж на предприятиях, работавших на оккупантов. Именно Компартия, несмотря на террор и репрессии, подняла на освободительную борьбу широкие массы французского народа и призвала создать массовое патриотическое объединение — Национальный фронт, который сплотил основную массу французских патриотов различных социальных слоев. В рядах вооруженной организации Национального фронта сражались рабочие-коммунисты, социалисты, католики, а также представители интеллигенции, мелкой и средней буржуазии и других слоев населения. Именно Компартия понесла наибольшие потери: в героической борьбе с оккупантами погибло семьдесят пять тысяч членов партии.

Но на все это закрывают глаза многие буржуазные историки, утверждающие, будто французское движение Сопротивления носило больше символический характер, а если и способствовало в какой-то степени разгрому фашистской Германии, то лишь постольку, поскольку им руководили английская и французская разведки из Лондона.

Справедливости ради, нужно отметить, что автор в своей книге нигде не высказывает подобной вздорной точки зрения, но он явно ее разделяет. Ведь если это не так, то почему ему изменила наблюдательность разведчика и он «не заметил» активно развернувшейся в стране борьбы против немецких оккупантов, которую вели широкие народные массы, возглавленные Национальным фронтом и, прежде всего, коммунистами?

Правда, автор ограничивает место действия своих героев главным образом неоккупированным югом Франции, где движение Сопротивления было далеко не таким активным, как в оккупированных районах. Однако и там наряду с Национальным фронтом и его боевыми отрядами действовали такие организации Сопротивления, как «Комба», «Франтирёр», «Либерасьон» и др.,

возглавляемые буржуазной интеллигенцией, социалистами и некоторыми деятелями клерикальных кругов. Хотя эти организации активной вооруженной борьбы не вели, ожидая вторжения англо-американских войск (т. е. придерживались так называемой политики «аттантизма»), они печатали и распространяли подпольные газеты и журналы, вели антифашистскую пропаганду и даже создавали свои вооруженные отряды. Тем не менее о существовании этих организаций читатель может лишь догадываться по вскользь брошенным туманным фразам, теряющимся в общем контексте повествования.

Кто же в таком случае представляет у автора Сопротивление на юге Франции? Это, прежде всего, группа Карте, состоящая из представителей интеллигенции, чиновников и мелких буржуа, группа, созданная и финансируемая французским отделом военного министерства Англии, группа, в которой пытается верховодить английский разведчик П. Черчилль — автор книги — отдавая приказы, читая нотации, сменяя руководителей, а также другие группы, где командуют коллеги автора по разведке.

Именно такими рамками хотели ограничить Сопротивление представители правящих кругов Англии, ибо они не меньше своих французских партнеров боялись широко развернувшегося патриотического движения народных масс, передовые силы которого во главе с коммунистами ставили себе целью не только изгнание захватчиков и наказание предателей, но и осуществление коренных изменений, направленных на обеспечение независимости и демократических свобод. Эти круги с первых дней зарождения Сопротивления стремились через свою агентуру — людей, подобных П. Черчиллю, — подорвать движение изнутри, взять руководство им в свои руки, чтобы обуздать народные массы, направить их усилия в спокойное русло.

Подробно останавливаясь на разнообразных эпизодах своей деятельности во Франции, П. Черчилль наглядно иллюстрирует эту антинародную политику в действии, помимо своей воли разоблачает ее. Автор удивляется некоторым странным, по его мнению, поступкам Карте, наивно объясняя их упрямством, честолюбием, строптивостью последнего. Он никак не желает понять, что многие члены группы Карте, принимая помощь англичан, сотрудничая с ними во имя победы над общим врагом, в — полной мере сохранили чувство национальной гордости и не склонны покорно сносить наглый диктат иностранной разведки. Советский читатель легко во всем разберется и поймет, почему, в конце концов, взбунтовавшийся Карте отказывается подчиняться

Лондону и с презрением бросает в лицо П. Черчиллю английские деньги.

Группа Карте конечно не типична для французского движения Сопротивления, точно так же как и сам Карте далеко не типичный французский патриот. И все же, опираясь на нее, П. Черчилль в известной степени опирался на французский народ. После разрыва с Карте он лишился этой опоры, оказавшись в окружении лишь немногочисленных своих угодников. Именно это в основном и предопределило печальный исход его миссии, а вовсе не те трудности нелегальной работы во Франции, которые он, не жалея красок, рисует, стремясь оправдать свой бездарный провал. Даже из самой книги видно, что эти трудности во многом преувеличены. Так, английские подводные лодки и даже надводные корабли свободно подходили к побережью Франции, высаживали агентов, выгружали оружие и продовольствие. Английские самолеты беспрепятственно летали над Францией, сбрасывали парашютистов и грузы, садились на специально подготовленные для них площадки и даже на стационарные французские аэродромы, а затем целые и невредимые возвращались на свои базы в Англии. Агенты-разведчики без труда передвигались по всему югу Франции и даже по оккупированной немцами территории. Следует также помнить, что автор большей частью работал в неоккупированной части Франции, которая управлялась «правительством Виши», где участники движения Сопротивления действовали почти открыто. Во всяком случае, трудности в их деятельности конечно не идут ни в какое сравнение с теми, которые приходилось преодолевать советским людям при организации партизанского движения на территориях, временно оккупированных немецкими захватчиками.

Книга П. Черчилля «Дуэль умов», которая знакомит читателя с методами шпионско-диверсионной и подрывной деятельности буржуазной разведки, особенно актуальна в наши дни, когда империалистические круги всемерно активизируют усилия своего разведывательного аппарата. В этих условиях советские люди должны бдительно следить за происками иностранных разведок.

А. Кушнарев

Предисловие автора

В первой своей книге «По собственному выбору» я рассказал о задании, с которым меня впервые направили во Францию во время второй мировой войны.

Потом я еще дважды побывал в оккупированной немцами Франции и оба раза успешно справлялся со своими заданиями. На четвертый раз меня схватили вскоре после приземления.

Многие из тех, кто читал книгу «По собственному выбору», писали мне, что, по их мнению, я приуменьшаю опасности, с которыми была связана работа во французском подполье. Но ведь в ней рассказывалось всего о двадцати восьми днях, проведенных во Франции, да к тому же тогда мне сопутствовала удача. В настоящей же книге, в третьей и четвертой частях, описываются двести с лишним дней, полные всяких неожиданностей, и здесь я попытался как можно правдивее рассказать об огромном напряжении тех дней.

В оккупированные страны заслали сотни подобных мне людей. Многих схватили сразу же, другие продержались по нескольку недель и даже месяцев, третьих арестовали накануне победы, и лишь очень немногим посчастливилось проработать в течение всей войны.

Деятельность движения Сопротивления в оккупированных странах приобрела огромный размах. Число погибших участников польского движения Сопротивления и польской «тайной армии», например, более чем вдвое превышает потери в людях, понесенные вооруженными силами США во второй мировой войне. Ни в одной другой войне движение Сопротивления не играло такой важной роли, как в этой.

Я уверен, что пережитое мной весьма типично для английского офицера — участника специальных операций во Франции. Почти каждый агент мечтал, чтобы на выполнение какого-нибудь особого задания его послали одного: уж если операция провалилась, сам виноват. Но совсем непривлекательной была перспектива сделаться резидентом. Среди множества людей, с которыми приходилось встречаться резиденту — встречаться вопреки всем правилам конспирации, против собственной воли и рассудка, — неизбежно оказывались и такие, кто либо по неведению, либо из-за чрезмерного рвения, либо просто умышленно проваливал дело.

На каждую удачу приходились десятки неудач. И при таких шансах на успех участники специальных операций делали все от них зависящее, так как знали, что любая ошибка, предательство

или неосторожность ведут к неминуемому провалу.

В книге «Дуэль умов» рассказывается о моей работе во Франции по 16 апреля 1943 года, то есть в тот период, когда меня забрасывали туда во второй, третий и четвертый раз.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I
ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО

Мощный лимузин бесшумно проскользнул под аркой и подкатил к Подъезду Орчард Корт. Майор Жак де Гели и Мишель поблагодарили одетую в военную форму девушку-водителя, которая везла их от самого побережья. Она мило улыбнулась в ответ, и никому из наблюдающих этот обычный обмен любезностями и в голову не пришло бы, что эта миловидная представительница шоферской профессии, направившаяся на своей забрызганной грязью машине к бензоколонке, не пожалела бы месячного жалования, лишь бы подслушать разговор, который во время долгого пути происходил за стеклом, отделяющим водителя от пассажиров.

Мужчины пересекли вестибюль и стали подниматься по лестнице. Только теперь Мишель почувствовал страшную усталость. Сказались все те опасности, которым он столько раз подвергался за минувшие два месяца: как-никак ему пришлось проделать тысячи миль на корабле, подводной лодке, поездах, машинах, самолетах и пешком. Ему даже показалось, что он стал намного старше.

Они прошли два пролета и позвонили у двери номер 6. Дверь тотчас же открылась, и их, как обычно, встретил вежливый Парк. Едва он успел произнести приветственные слова, как перед ними выросла худая длинная фигура майора Бакмастера.

Мишель официально доложил шефу о прибытии, тот дружески протянул ему руку, и они направились из приемной в основное помещение. Рядом шел Парк, радостно потирая руки. Он знал о затее шефа и де Гели и, стоя у двери, наблюдал, как они вели Мишеля к открытой двери. Заглянув туда, Мишель увидел наполненную водой ванну с клубящимся над ней паром. Он перевел недоуменный взгляд на начальника — тот с улыбкой кивнул ему.

— Для вас, не церемоньтесь. Я сейчас вернусь.

Изумленный Мишель разделся и влез в ванну.

Вскоре к нему вошел де Гели с бутылкой и тремя бокалами, а за ним — Бакмастер. Оба начальника, усевшись на чем попало, углубились в бумаги Мишеля. Они с радостью обнаружили среди них французские продовольственные карточки на 1942 год. Мишель, с мылом в одной руке и бокалом в другой, докладывал в общих чертах о своей поездке.

Он передал офицерам настойчивую просьбу Луи из Антиба

прислать ему радистов с рациями; предложил, чтобы Жермен сняла квартиру в Лионе; поделился своими впечатлениями о Шарле — ее начальнике, о Лоране из Канна, об Оливье из Марселя и спросил, не согласятся ли они платить жалованье, причитающееся Жоржу, его жене, которая живет в Лондоне. Он сообщил, что посетил Депре в Марселе и как после этого разыскивал Дюма. Он рассказал о бакалейной лавке в Перпиньяне, о своем возвращении в Лион и о поездке в Клерман-Ферран. Далее о том, как ему посчастливилось получить помощь американского консульства, и передал просьбу американцев не разглашать этого. Он вкратце описал свой переход через Пиренеи и попросил послать радиограмму с благодарностью консулу в Барселоне.

Опасаясь, что, пока он рассказывает, вода совсем остынет, Мишель стал торопливо смывать с себя мыло. Шеф и де Гели ушли, чтобы не мешать ему. Через несколько минут он вышел к ним и продолжил свой рассказ.

Когда он закончил, заговорил шеф (во время отчета Мишеля он делал пометки у себя в блокноте).

— До обеда мы успеем обсудить несколько вопросов, — сказал он. — Начнем с радистов. У нас есть опытные радисты, но мы еще не научились сбрасывать рации. До сих пор радистов и рации сбрасывают на отдельных парашютах, и получается, что или радист не может в темноте найти свою рацию, или же при приземлении бьются радиолампы. Мы придумали кое-что — прикреплять рации в толстой войлочной упаковке над головой радиста, но требуется время, чтобы опробовать новый метод…

— Из этого положения есть выход, — вставил Мишель.

— Какой? — заинтересовался Бакмастер.

— Разрешите мне перебросить пару радистов на подводной лодке.

— И чтобы они тащили свой груз двадцать шесть километров? Нет уж, увольте!

— Да нет же, — возразил Мишель. — Так думали раньше. Я знаю удобный выход на берег в самой бухте Антиба — бетонные ступеньки, метрах в четырехстах от дома Луи. Можно войти в бухту часа в два ночи — и успех обеспечен.

— Недурно. Совсем недурно, — произнес Бакмастер, постукивая карандашом по столу и обдумывая предложение. — Но дело-то вот в чем: нам бы хотелось, чтобы вы хорошенько отдохнули, ну, скажем, около месяца. А кроме вас, вряд ли кто сумеет отыскать эти ступеньки в темноте.

— Мне хватит десяти дней, и я к вашим услугам! Никто другой их, конечно, не найдет, — заявил Мишель не без гордости.

— Если десяти дней окажется мало, — продолжал Бакмастер, — дадим побольше отдохнуть в следующий раз. Я же тем временем побеспокоюсь о том, чтобы двадцать пятого марта двое лучших радистов ждали здесь своего проводника. — И, повернувшись к де Гели, распорядился — Пометьте эту дату, Жак, и обеспечьте вылет всех троих в Гибралтар. Кроме того, свяжитесь с адмиралтейством относительно подводной лодки.

— Хорошо, — ответил де Гели, делая запись в блокноте.

— Итак, вопрос решен. Теперь относительно квартиры Жермен. Я совершенно согласен и сообщу ей об этом через связника. Что касается того, чтобы жена Жоржа получала за него жалованье, то, по-моему, государственное казначейство затянет это дело. Но я потороплю их. А с бакалейной лавкой нужно обязательно разобраться. Произошла какая-то ошибка. Вы уверены, что правильно запомнили пароль?

— Конечно, — ответил Мишель.

— Назовите его! — попросил Бакмастер.

— «Bonjour, Madame. Je suis de passage»[1].

— Правильно, — проговорил майор Бакмастер, глядя в инструкцию Мишеля, напечатанную на машинке. — А что еще? — спросил он, поднимая глаза от бумаги.

— Не получив от нее ответа, я должен был сказать:

«Je viens de la Suisse et je vais en Amérique»[2].

— Вот это память! — воскликнул в восхищении де Гели, заглядывая в инструкцию через плечо начальника.

— Ну, ну! А то еще зазнается, — добродушно заметил тот и, обращаясь к Мишелю, продолжал: — Относительно радиограммы в Барселону, Мишель. Вы знаете, у нас не принято посылать благодарственные радиограммы представителям различных ведомств, которые помогают нам в нашем общем деле. Они и не ждут их: зачем загружать радистов? Мы и впредь должны пользоваться всеми средствами для достижения цели. Однако совершенно ясно, что вам больше не следует появляться в Мадриде, где вы устроили такой переполох.

— Конечно, сэр, — согласился Мишель, глядя из окна на крыши соседних домов и пытаясь подавить улыбку, вызванную едва уловимым подмигиванием де Гели.

— Мы проследим за тем, чтобы важная информация О'Лири попала к командованию ВВС сегодня же вечером. Стенографистка ждет нас за обеденным столом. Мы можем продиктовать ей специальные инструкции для летчиков о том, как опознать дома с конспиративными квартирами, и другие указания. Между прочим, к обеду нас ждут четверо наших коллег — вы всех их

знаете. Им не терпится услышать от вас всю историю. Идемте к ним, если вы, конечно, не слишком устали.

— Охотно, сэр.

Все встали. Парк остался, чтобы запереть за ними дверь.

Они вышли на улицу, взяли такси и вскоре уже были в нужном районе. Затемненный город был погружен во мрак. В то время когда они спускались по лестнице в подвал одного дома, вой сирен возвестил о воздушной тревоге.

Открылась входная дверь, и яркий свет ослепил их. Мишеля пропустили вперед, и он стал здороваться с офицерами, которые тепло встретили его.

Все сели за стол, тесно уставленный блюдами с холодными цыплятами, овощами, салатами. Здесь же стояли два графина с кларетом. Свет от двух свечей в серебряных подсвечниках подчеркивал изысканность сервировки.

Звуки разрывов приближались, и вдруг раздался оглушительный грохот — дом сильно тряхнуло, погасло электричество. Пламя свечей неуверенно заколыхалось и вспыхнуло ярче прежнего. Немногочисленная группа разведчиков хладнокровно продолжала слушать рассказ возвратившегося скитальца. Они не пропускали ни одной мелочи и прекрасно все понимали, даже если он чего-нибудь не договаривал. Было уже далеко за полночь, когда он начал рассказывать о том, как выбрался из багажника автомашины в Гибралтаре, как ему удалось подслушать важный разговор, происходивший в ночном поезде, который следовал в Клермон-Ферран…

Бомбардировка прекратилась. Загорелся свет. Специалисты по подделке документов уже трудились над продовольственными карточками. Каждое слово Мишеля стенографировалось, так как решили больше не отрывать его от непродолжительного отдыха для бесконечных докладов в отделе…

Бакмастер вышел вместе с Мишелем.

— Вы сделали большое дело, Мишель, — сказал он ему на улице. — Задание выполнено успешно. Поздравляю вас с чином капитана. Завтра прочтете приказ. Кроме того, я представляю вас к награде за эту операцию. Мы гордимся вами.

Мишель не знал, что ответить. В полном замешательстве он смотрел на своего начальника.

Видя, что Мишель смущен, Бакмастер слегка подтолкнул его к дверце подошедшего такси.

— Поезжайте, поезжайте!

Уже в машине Мишель осознал, что это был один из самых прекрасных моментов в его жизни. Радовал не только новый чин или мысль о возможной награде: ему только что оказали

величайшую честь, дав понять, что он чем-то выделяется из среды простых смертных. Разве можно желать лучшей награды?

Глава II
В ТЫЛ ВРАГА НА ПОДВОДНОЙ ЛОДКЕ

Пока Мишель отдыхал, французский отдел договорился с адмиралтейством о подводной лодке и через связника уведомил Луи из Антиба, чтобы он в определенные дни ждал гостей после полуночи до четырех часов утра. Ему также сообщили, что один из двух радистов предназначен для группы Лорана в Канне, а другому радисту перед отправкой к месту назначения необходимо обеспечить десятидневный отдых после утомительного перехода на подводной лодке.

После отпуска Мишель встретился в отделе с отобранными радистами. Представил ему их Бакмастер.

— Мишель, познакомьтесь. Это Жюльен и Меттью. А это, друзья, ваш проводник. Он высадит вас в четырехстах метрах от конспиративной квартиры в Антибе. Это один из наших наиболее опытных работников, и с ним вы избежите многих неприятных моментов, которые обычно приходится переживать в первые часы пребывания в тылу врага.

Мишель пожал радистам руки, мысленно оценивая каждого. Жюльен был высокого роста, брюнет, чуть постарше двадцати, Меттью — приземистый, средних лет. Хотя оба были англичане, по-французски говорили безупречно и бегло, а по внешнему виду их невозможно было бы выделить из толпы французов на улице, в поезде или ресторане.

Опытные радисты, они оба были вполне подготовлены к своему первому рискованному предприятию. Французского пошива одежда, белье, различные предметы туалета, вплоть до последней мелочи, — все было уложено в чемоданы. Им не терпелось пуститься в путь. Каждому вручили пояс, содержащий 100 тысяч франков. В бумажнике находилось удостоверение личности и другие французские документы: фотографии, старые газетные вырезки, местные трамвайные билеты и т. п. — для подтверждения легенд, которые прочно засели в их памяти.

Для Мишеля сделали точную копию старого удостоверения личности, которое уже служило ему при выполнении первого задания и которое он уничтожил при переходе через Пиренеи.

Все, конечно, понимали, что, если его поймают с поличным при высадке на берегу, удостоверение на имя Пьера Шовэ поможет ему не больше, чем английский паспорт. Это удостоверение вместе с некоторой суммой денег ему выдали на тот случай, если он будет бежать через Францию после того, как

по непредвиденным обстоятельствам не найдет в темноте глубокой ночи подводную лодку.

26 февраля Мишель со своей группой выехал поездом в Бристоль. Там для них, словно для каких-нибудь важных персон, специально подготовили самолет, на котором они с комфортом прилетели в Гибралтар. Затем им снова пришлось довольствоваться положением простых смертных.

Капитан Бенсон, представитель объединенной разведки, исполнявший в Гибралтаре, помимо своих прямых обязанностей, поручения управления специальных операций, встретил их на аэродроме и повез в отель «Рок». Присутствие шофера лишало их возможности говорить о делах, и беседа ограничивалась погодой и полетом. После того как Жюльен и Меттью ушли в отведенные им комнаты, Бенсон и Мишель уединились в комнате капитана, чтобы поговорить о задании.

— Они, кажется, основательно вас загружают, не так ли? — начал Бенсон.

— Нужно же кому-то перебросить ребят, — ответил Мишель, — а я как раз вернулся оттуда и подумал, что смогу взяться за это сам.

— Но сейчас не так легко достать подводную лодку, как в прошлый раз, хотя капитан первого ранга С. и получил от адмиралтейства указания на этот счет через нашего старого друга Панда[3]. Дела здесь идут все хуже и хуже. Подводные лодки заняты поставками на Мальту. Лишь немногим надводным кораблям удается прорываться туда. Положение на Мальте стало угрожающим, и С. опасается, что у вас войдет в привычку пользоваться его скудным подводным флотом для надобностей «плаща и шпаги». Предупреждаю, С. встретит вас в штыки.

— Вот здорово! — возмутился Мишель. — Почему же в адмиралтействе не разберутся с этим и не дадут простым людям возможность воевать без помех? Как может армейский капитан сам упросить флотского офицера, который по чину равен полковнику, отдать одну из его любимых игрушек? Лично я не могу попрекать его за то, что он беспокоится прежде всего о своих интересах. Кстати, что в таком случае мешает мне пойти со своими ребятами на фелюге?

— Только то, что она будет битком набита другими агентами, которых надо высадить в различных пунктах Южной Франции, — сказал Бенсон.

— А они сейчас здесь?

— Нет, но их ждут со дня на день.

— Где их разместят? — спросил Мишель.

— В специальном доме, в нижней части города.

— Так вот почему вы оставили нас здесь?

— Совершенно верно.

— Забавно, что нас держат в строгой изоляции у себя на родине только для того, чтобы собрать всех вместе в этом «доме отдыха»!

— Это неизбежно.

— Как мне вести себя с С.? — спросил Мишель, возвращаясь к главному вопросу.

— Мой совет — держаться твердо. Рано или поздно вы получите подводную лодку. В конце концов вы же не доставили им неприятностей в прошлый раз.

— Очень хорошо. Последую вашему совету.

* * *

Бенсон оказался прав: пришлось потратить немало сил и времени, прежде чем им выделили подводную лодку. А пока Мишель и разведчики ждали, из французского отдела прибыли новые люди, и нежданно-негаданно к их группе прибавились еще двое. Мишель совершенно не представлял себе, каким образом удастся пристроить этих двух на небольшую подводную лодку, где его самого встретили не очень-то радушно. Один из прибывших был тоже радистом, а другой — агентом со специальным заданием. Высадить их нужно было у мыса Э'Агей. Решили, что это лучше сделать после Антибской операции.

В ожидании подводной лодки они тренировались на складных шлюпках. Тренировки проходили за аэродромом на узкой полоске побережья, рядом с испанской границей. Майор, руководивший занятиями, оказался умным и находчивым инструктором. В доске на носу шлюпки он сделал углубление для компаса, необходимого при возвращении на подводную лодку, которую в темноте можно отыскать только по пеленгу. Далее майор оборудовал свой карманный фонарик маскировочным щитком, и теперь только вахтенные на подводной лодке, вооруженные сильными биноклями, смогли бы заметить узкий луч света.

После подготовки провели генеральную репетицию. Ночью Мишеля высадили с десантной баржи. Течение было сильное, и он греб несколько часов, тщетно пытаясь достигнуть берега. Когда он повернул обратно, на помощь пришла десантная баржа, вахтенные которой внимательно следили за крохотным огоньком фонарика. Мишеля удалось подобрать лишь после того, как его отнесло течением примерно на две мили по направлению к

Танжеру. После репетиции начальство на плавучей базе подводных лодок «Мейдстон» пришло к выводу, что настоящая операция тоже не удастся. Однако их предсказание не произвело на Мишеля никакого впечатления, так как он по собственному опыту знал, что течение на юге Франции значительно слабее.

Наконец Мишель познакомился с подводной лодкой, которая должна была доставить их к Антибу. Командиру английской подводной лодки «П-42» лейтенанту Аластеру Марсу было около 26 лет, он готовился к своему первому выходу в дозор после перехода лодки из Клайда в Гибралтар. Лейтенант получил указание не начинать никаких активных действий, пока четверо пассажиров не будут высажены в назначенных пунктах. После этого ему разрешалась охота за кораблями противника.

Перед выходом из Гибралтара они всю ночь тренировали четырех агентов в правильном спуске с подводной лодки в складные шлюпки, так чтобы шлюпки не опрокинулись. Даже в штиль это не просто, ибо шлюпки очень легки и требуют деликатного обращения. А в ту ночь, когда агенты практиковались в центре гавани за волнорезом, сильно мешал шторм. Но в конце концов все четверо овладели этим искусством.

Ранним утром подводная лодка вышла в море. Пять пассажиров — это слишком много для такой маленькой лодки, как «П-42». И только радушие членов команды, уступавших свои койки в определенные часы, дало возможность попутчикам Мишеля пользоваться некоторыми удобствами в течение десятидневного перехода. Мишель по старой привычке устроился в центральном посту. Здесь с наступлением темноты становилось свободнее, так как лодка всплывала и шла полным ходом под дизелями, заряжая огромные аккумуляторы.

Меттью страдал от клаустрофобии[4]. С каждым днем он чувствовал себя все хуже, хотя по ночам часто выходил на мостик подышать свежим воздухом. Бедный Меттью! Думал ли он, что познает худший вид клаустрофобии — в одиночном заключении в застенках гестапо.

Жюльен и двое других приспособились к жизни довольно сносно. Они сидели сложа руки, верные мудрому солдатскому правилу: не стой, если есть возможность сесть, и не сиди, если можно лечь. Сидели молча, избегая лишних движений, ибо, когда лодка идет на глубине двадцати метров, кислорода не хватает. Четверо боевых друзей Мишеля искренне недоумевали, как можно воевать в подобных консервных банках? Подводники же, чувствуя себя в полной безопасности в своем маленьком домике, глубоко запрятанном под водой, никак не могли понять тех людей, которые в здравом уме добровольно становятся

диверсантами. В результате обе стороны молча восторгались друг другом, и обстановка во время перехода была вполне дружественной.

Наконец лодка достигла нужного района. На девятые сутки показались огни Сен-Рафаэля, и вскоре она была на траверзе бухты Э'Агей, где позже предстояло высадить вторую группу. Прошли Ла-Напуль, Канн и остров Сент-Маргерит, а затем погрузились, так как стало светать. На другой день утром лодка маневрировала в подводном положении у Антиба, а Мишель разглядывал берег в перископ.

День тянулся очень долго. Когда стемнело, лодка всплыла на поверхность. Месяц, который, казалось, вот-вот спрячется за Приморские Альпы, бледным пятном отражался в воде. Мишель стоял на мостике рядом с командиром. Лодка находилась в четырех милях от Антиба.

Вдруг Марс подтолкнул его локтем и сказал:

— Смотрите! Проклятые рыбачишки! Видите, вон там, болтаются без огней? Черт знает что такое! Сообщат еще о нас. Кажется, придется их протаранить.

— Подождите! — сказал Мишель. — Может быть, это безобидные французские рыбаки украдкой ловят рыбу. Они сами боятся, чтобы их не обнаружили, и погасили огни.

Тут Мишелю неожиданно пришло в голову, что рыбацкое суденышко скорее похоже на испанскую фелюгу с польской командой. Он вспомнил беседу с де Гели две недели назад и затем разговор в Гибралтаре. С ним советовались, где лучше всего высадить с фелюги остальных людей, которых не могли перебросить на подводной лодке. Он тогда указал одно место на полпути между Антибом и Э'Агеем. Так и договорились. Помнится, перед уходом с совещания он еще сказал:

— Ни в коем случае не посылайте фелюгу к Антибу, где будет подводная лодка, иначе все струхнут.

Мишель тут же рассказал все командиру.

— Тогда какого черта они мне ничего не сказали?! — воскликнул тот.

— Кто его знает…

На фелюге — как потом оказалось, это была именно она — подводную лодку, очевидно, заметили в тот момент, когда Марс заметил фелюгу. После некоторого замешательства она стала уходить на предельной скорости. Мишель так и не узнал, почему его друг поляк Ян Быковский привел сюда свою фелюгу. Так или иначе, он спутал им все планы на эту ночь: пока лодка погрузилась, снова всплыла, а затем сошла с курса, следуя за «рыбаками», она оказалась в полумиле от острова Сент-

Маргерит. Высадка была отложена. Меттью и Жюльен стали нервничать, а это больше всего тревожило Мишеля.

Весь следующий день они опять маневрировали у берега. В эту ночь нужно было все закончить. Чтобы чем-то заполнить медленно тянувшееся время, Мишель до мельчайших подробностей описывал своим друзьям место предстоящей высадки. Нарисовал план, показал на нем сады, куда они попадут, поднявшись по бетонным ступенькам. Затем обстоятельно объяснил, как, повернувшись лицом к ступенькам и глядя на авеню Фош, проследить весь путь вплоть до третьего поворота направо, за которым находится дом Луи под номером 31.

— И вы, Мишель, так хорошо все запомнили просто на всякий случай, без всякого умысла? — усомнился Жюльен.

— Представьте, запомнил, — ответил Мишель. — Именно тогда у меня в голове зародился план подобной высадки.

— А вдруг вы что-нибудь забыли? Какую-нибудь мелочь… Скажем, это четвертый поворот, а не третий? — вставил Меттью.

— Вот что, — сказал Мишель, желая успокоить их, — вы оба останетесь с грузом в садах, а я схожу и проверю, действительно ли дом находится там, где я думаю. Ну как, согласны?

— Так было бы намного спокойнее, — сказал Жюльен. — Просто глупо шататься по Антибу с рацией и чемоданом поздно ночью, когда ходить по городу запрещено. Правда, Меттью?

— По-моему, глупо навязывать Мишелю еще и эту заботу. Он и так нянчится с нами, как с детьми. Ведь если бы не он, нам бы пришлось делать все самим и полагаться только на себя…

Этот день тянулся особенно долго, но всему бывает конец — кончился и он. Лодка снова всплыла. Ждали, пока погаснут огни и город уснет. Операцию решили начать около полуночи.

В половине двенадцатого лодка начала приближаться к берегу. Примерно на расстоянии двух миль заметили яркие огни, которые медленно двигались взад и вперед прямо перед ними. Никто, однако, не имел ни малейшего представления, что это такое. Лодка все приближалась, до ступеней осталась миля. Мишель пристально всматривался в огни. В Англии он надеялся, что ночью операцию удастся провести легко и спокойно. На деле оказалось не так. Взять хотя бы встречу с незнакомым судном вчера. Он был почти уверен, что не ошибся, приняв неосвещенное судно за фелюгу, но все же не мог не беспокоиться, так как хорошо знал характер Яна. Как-то незадолго до отплытия этот отчаянный двадцатилетний парень горячо убеждал его объединиться и вместе идти охотиться за немецкой подводной лодкой. В течение нескольких минут, пока на лодке и на фелюге наблюдали друг за другом, Мишель припомнил этот разговор и

стал бояться, что соблазн для Яна слишком велик: перед ним, как дар небесный, словно во сне, предстала его мечта. И какое ему дело, что с ним восемь агентов, которых следовало высадить? Можно высадить и позже. Воображение уже рисовало Мишелю шумный бой, который, несомненно, завязали бы сорвиголовы с фелюги, возникни у них хоть малейшее подозрение, что перед ними немецкая лодка. А теперь еще эти проклятые огни, и как раз там, где он надеялся бесшумно провести высадку. Нелегко будет найти в темноте ступени и еще труднее отыскать на обратном пути по пеленгу подводную лодку на таком расстоянии. Огни тоже ничего хорошего не сулят. Вместе с тем он знал, что Марсу не терпится поскорее отделаться от агентов, чтобы начать свою войну, настоящую. Поэтому нечего было и думать о том, чтобы опять отложить высадку из-за каких-то огней. До Мишеля донесся приглушенный переговорной трубой голос командира, который приказывал спустить складные шлюпки.

Потом командир повернулся к нему:

— Ну, Мишель, вам следует поторопиться. Кто знает, что означают эти огни? Я обеспечу прикрытие. Мои ребята будут следить за вашим фонариком, когда вы будете возвращаться на лодку. Желаю удачи.

— Спасибо, — ответил Мишель, спускаясь с мостика.

Его шлюпка была уже на воде, и в ней лежали рация и чемодан, принадлежащие одному из радистов. По канату Мишель соскользнул в шлюпку.

Сбоку в кобуре у него висел кольт, на шее — фонарь, а в кармане лежал компас, стрелка которого была закреплена на нужном пеленге, взятом по корабельному компасу. Когда он покидал лодку, она находилась в полутора тысячах метров от места высадки.

Перед тем как сойти с мостика, Мишель посоветовал командиру вызвать на мостик одного из парней, которых предстояло высадить следующей ночью. Зная французский язык, он смог бы в случае необходимости ответить на вопросы чересчур любопытных рыбаков, если такие найдутся, и посоветовать им убираться прочь подобру-поздорову. Пусть скажет, что лодка из Тулона и отрабатывает здесь учебную задачу по постановке мин. Марс охотно согласился с предложением Мишеля. Оба пулемета на мостике находились в полной готовности, словом, чувствовалось, что командир любыми средствами намерен обеспечить успех операции…

Мишель греб к берегу. Скоро он увидел, что свет идет от мощных ацетиленовых фонарей, установленных на трех больших гребных судах. Но он никак не мог понять одного: зачем здесь эти

суда. Похоже, они охраняют бухту. Он налег на весла. Прежде всего он намеревался втащить груз наверх и спрятать его под деревом в саду, а потом вернуться на подводную лодку. Вторым рейсом он повезет оставшийся груз, а следом за ним, в другой шлюпке, пойдут Меттью с Жюльеном.

В тот момент, когда он выбирался из шлюпки на прибрежные камни, все вокруг осветилось ацетиленовым фонарем. Даже не оглянувшись, он сразу понял, что одно судно идет прямо на него. Бросившись обратно в шлюпку, Мишель развернул ее и быстро начал грести прочь от берега. Оглянувшись, он увидел, что его настигает какое-то гребное судно с ослепительным носовым фонарем. Весла опускались и поднимались размеренно, как у опытных моряков. Когда же он увидел, что нос судна, покрашенный белой краской, окаймляют голубые полосы, он больше не сомневался, что его преследует береговая охрана и что все эти суда охотятся за ним.

К счастью, была кромешная тьма, а на морс— полный штиль. Мишель напряг последние силы и стал уходить от судна. Оторвавшись от него на сотню метров, он зажег свой электрический фонарь, вытащил компас и поместил его в углубление на носу. Глядя на стрелку компаса, Мишель надеялся, что еще сможет взять правильный курс на подводную лодку го пеленгу, ибо проплыл не так много. Расстояние в тысячу метров, отделявшее его от подводной лодки, в такой шлюпке можно покрыть довольно быстро. Мишель греб, ничего не видя перед собой, и вдруг неожиданно подводная лодка, как ангел-спаситель, выросла перед ним.

Кто-то поддержал шлюпку, пока он поднимался. На палубе стояла мертвая тишина, и в темноте никого нельзя было различить.

— Где командир? — спросил Мишель.

— Рядом с вами, — услышал он сдержанный смех Аластера Марса.

Тяжело дыша, Мишель начал рассказывать, что с ним произошло, но Марс сразу же перебил его:

— Мы все время хорошо видели вас. Здорово гребли, как на Хенлейской регате[5]. Эти суда — не береговая охрана, дружище, а всего лишь свежеокрашенные рыболовные суда, вышедшие на ночной лов. Одно из них чуть не напоролось на нас, когда вы были уже почти у берега.

— Вот оно что! — произнес Мишель, несколько сконфуженный.

— Вы правильно поступили, Мишель, — утешил его Марс. — Пожалуй, вам нелегко было бы доказать, что вы, скажем, искатель

жемчуга. Ведь сейчас ночь. На всякий случай я распорядился, кроме пулеметов, подготовить трехдюймовое орудие. Если вам опять кто-нибудь помешает, я быстро с ними разделаюсь.

— Не забудьте, — произнес Мишель упавшим голосом, — что я тоже буду там.

Командир рассмеялся, а затем сказал:

— Ребята ждут вас в шлюпке примерно в кабельтове справа по носу.

— Все это порядком затянулось. Так что запаситесь терпением и не вздумайте уйти.

— Не беспокойтесь. Я подойду как можно ближе к берегу, чтобы вам было не так далеко возвращаться.

— Спасибо, — ответил Мишель, снова спускаясь в шлюпку.

Вскоре, примерно на расстоянии двухсот метров, он различил шлюпку Меттью и Жюльена. Ацетиленовых фонарей больше не было, бухта погрузилась во мрак. Лишь всплеск весел выдавал их присутствие.

— Не отставайте от меня, — сказал Мишель, — говорите шепотам. — И он медленно погреб к берегу.

Через минуту Мишель оглянулся и не увидел второй шлюпки.

— Господи! — пробормотал он, поворачивая обратно. Проплыв сотню метров, он оказался рядом с похожими на призрак компаньонами, которые, еле двигая веслами, почти стояли на месте.

— Ради всего святого, нажмите, друзья, — прошептал Мишель, — не забывайте, что мне нужно проделать этот рейс вторично. Я же не сумел вытащить на берег первую часть груза из-за проклятых рыбаков.

— Разве за вами угонишься? Вы взяли такой темп…

— Хорошо, буду грести медленнее, — ответил Мишель, едва сдерживая нетерпение. И он сбавил ход своей «мощной флотилии» до двух узлов.

В темноте было очень трудно отыскать ступени. Один раз шлюпка Мишеля даже наскочила на подводные камни, но, к счастью, не получила никаких повреждений. Преодолев это препятствие, они благополучно добрались до нужного места.

Мишель выбрался из шлюпки, снял груз, вытащил шлюпку из воды и поставил ее носом к морю. Поддерживая вторую шлюпку, он помог высадиться Меттью и Жюльену.

После этого он перенес наверх сначала чемодан, потом рацию: он хотел, чтобы одна рука оставалась свободной. Но предосторожность оказалась излишней, так как вокруг не было ни души, и сады наверху казались темнее ночи.

Оставив все под деревом, он привел туда своих друзей и,

перед тем как уйти от них, сказал:

— Схожу к дому и проверю дорогу. Вы укрыты надежно, и вам нечего беспокоиться. Когда буду возвращаться, просвищу мотив «Ла Мадлон». Пока.

Не успел он сделать и шагу, как на дороге замелькали огоньки двух велосипедов. Все трое инстинктивно присели. Мимо проехали двое полицейских.

Затем Мишель поднялся и отправился посмотреть, верно ли он запомнил путь к дому. Прежде всего он стал искать знак, указывающий название широкой улицы, которая тянулась прямо вверх от садов. Мишель не обнаружил знака ни на той, ни на другой стороне. Решив, что он ошибся, Мишель пошел по прибрежной дороге в западном направлении. Однако в темноте он ничего не мог разобрать. Днем тогда все выглядело по-другому.

Он вернулся обратно в сады, чтобы произвести разведку в восточном направлении. Просвистав «Ла Мадлен», он подошел к Меттью и Жюльену.

— В такой тьме ничего не разберу. После всех передряг я даже не уверен, тот ли это город.

— Неважно, — сказал Меттью, который на суше чувствовал себя довольно уверенно, — во всяком случае, это та страна.

— Что правда, то правда, — сказал Мишель, ободренный его оптимизмом. — Пойду разведаю в другом направлении. Думаю, долго не задержусь.

Он пошел по дороге, огибающей сады с противоположной стороны, и увидел знакомый форт. Но он не мог узнать ни одну из улиц. Дома казались какими-то большими, странными. Понемногу им стало овладевать беспокойство, так как было уже три часа ночи. Мишель пошел назад той же дорогой, по какой шел сюда. Глаза его уже привыкли к темноте. И вдруг он увидел, что улица, идущая от садов вверх в город, именно та, которую он искал. Отсутствие уличного знака не смутило Мишеля, он быстро перешел на правую сторону и уверенно зашагал по тротуару, считая повороты. Как он и говорил, за третьим поворотом находился дом Луи под номером 31.

Чтобы окончательно убедиться, что он не ошибся, Мишель всмотрелся в фамилию на дощечке. Там было написано: «Доктор А. Леви». Мишель засмеялся про себя при мысли, как дорого заплатило бы местное гестапо, лишь бы узнать, какого рода деятельностью занимается обитатель этого невинного на вид жилища.

Мишель быстро зашагал обратно. Всякий раз, когда он слышал шум приближающихся шагов, он немедленно прятался.

Его же шагов не было слышно: он заблаговременно сменил ботинки на мягкие парусиновые туфли. Труднейшая часть операции была выполнена. Мишель больше не боялся прозевать подводную лодку, так как был уверен, что только сверхъестественные силы заставят Марса уйти из бухты без него. Мишель чувствовал огромное удовлетворение и оттого, что полностью выполнил обещание, данное друзьям.

Снова он просвистал мотив «Ла Мадлон», приближаясь к дереву, где они скрывались.

— Я думал, вы не вернетесь, — признался Меттью.

— Все в порядке, — объявил Мишель, — извините, что задержался.

— Нашли улицу?

— Да, и дом также.

— Вот здорово!

— Он находится именно там, где я показывал вам на своем плане. По этой улице третий поворот направо, и сразу за поворотом угловой дом. Идите туда, а я вернусь на подводную лодку за оставшимся грузом, доставлю его и спрячу здесь же. Заберите его до рассвета. Я всегда буду помнить о вас, ребята. Кто знает, может, мы еще встретимся.

— До свидания, — сказал Жюльен, — вы свое дело сделали, спасибо.

— Большое, большое спасибо, — проговорил Меттью.

Они пожали друг другу руки. Это было необычное расставание. Обошлось без пышных фраз, но сколько чувства было вложено в прощальное рукопожатие!

Мишель смотрел им вслед, пока они не скрылись в темноте. Вернувшись к шлюпке, он осторожно столкнул ее на воду, положил перед собой компас и пустился в обратный путь. Немного погодя он зажег сигнальный фонарь и огляделся вокруг, нет ли признаков рассвета. Хотя время приближалось к четырем часам, все вокруг по-прежнему было окутано густой тьмой. Мишель греб уже несколько минут. За кормой тянулась на буксире вторая шлюпка. Подводной лодки пока не было видно. Мишель чувствовал, что в состоянии грести хоть всю ночь. Вероятно, сказалось действие фенаминовых таблеток.

В голове роем проносились мысли. Мишель вспоминал, как прежде, до войны, приезжал сюда, как нежился здесь на солнечном пляже. О такой экспедиции, как сегодняшняя, он, конечно, тогда и не думал. А родители… Разве могло прийти им в голову, что, давая сыну деньги на приятные путешествия, они тем самым невольно готовили его к этому рискованному предприятию?

Вдруг Мишель увидел справа три синие вспышки. Он просигналил в ответ фонариком и повернул туда. Не было сомнения, что эта подводная лодка. «По-видимому, течение прибило ее ближе к скале», — подумал Мишель. Аластер Марс явно старался сделать значительно больше того, что входило в его обязанности. Он отлично знал, что на берег нужно доставить остальной груз, а по вспышкам, пусть даже слабым, лодку могли обнаружить. И Мишель с благодарностью подумал, как все-таки приятно работать с военными моряками.

Через несколько минут Мишель подошел к борту подводной лодки. Лейтенант Хеддоу молча, без всякой суеты подал ему два чемодана, перерубил буксирный конец между шлюпками и оттолкнул шлюпку Мишеля.

— Ради бога, поторопитесь, — предупредил он, — мы уже стоим здесь четыре часа. Пока вас не было, около нас прошли еще три суденышка.

— Вы сейчас метров на восемьсот северо-восточнее, — сказал Мишель, — я едва нашел вас.

— Нас отнесло течением.

— Здесь подводные камни.

— Знаю, — ответил Хеддоу. — Торчать около них — дело рискованное. Командир тащит нас еще ближе к ступеням, чтобы быстрее забрать вас и уйти. С минуты на минуту начнет светать.

— Не беспокойтесь, на этот раз я потрачу не больше десяти минут. Я хорошо изучил путь. Пока!

Теперь до берега было всего семьсот метров. Мишель ловко обошел подводные камни, которые чуть не преподнесли ему сюрприз в первый раз, а при теперешней скорости могли, как бумагу, пропороть тонкое дно шлюпки. У самой скалы на берегу он заметил несколько снующих фигур. Мишель тотчас перестал грести, расстегнул молнию на тужурке, вытащил кольт и положил его перед собой.

Что там за суета? Десятки предположений промелькнули у него в голове. Если он не сгрузит сейчас вторую рацию, пройдет не один месяц, пока здесь получат ее. Можно, конечно, попросить доставить её одного из тех, кто высадится с лодки позже, но тогда придется открыть ему адрес, а это совсем нежелательно.

Мишель развернул шлюпку и стал осторожно грести в обратном направлении, готовясь в случае необходимости быстро уйти.

Теперь фигуры запрыгали вниз по ступеням. Впереди бежал лысый мужчина. Мишель облегченно вздохнул, он узнал в нем старого друга Луи. Луи, вероятно, пришел забрать груз, а может быть, и что-нибудь сказать ему. Когда Мишель окончательно

убедился, что это Луи, он убрал кольт и, уцепившись руками за выступ скалы, подтянул шлюпку.

Луи легко, как мальчишка, перепрыгивая с камня на камень, подбежал к Мишелю, горячо пожал ему руку и сразу заговорил:

— Как насчет свидетельств о рождении, которые ты в прошлый раз обещал достать для моих дочерей?[6]

— Ты когда-нибудь бываешь доволен? — шутливо спросил Мишель. — Я только что доставил двух самых настоящих радистов, а с меня еще требуют поддельные свидетельства! Знаешь, протестантские документы подделывать довольно легко, но католические… Но ничего, получишь, как только будут готовы. — Затем, осмотревшись вокруг, Мишель поинтересовался — А это что за люди?

— Двое — твои парни, они пришли помочь отнести груз, а остальные здесь просто из любопытства.

— Луи, слышал ли ты хоть что-нибудь о мерах предосторожности?

— Нет, жду, когда ты расскажешь, — засмеялся тот.

— Эх, Луи, схватят тебя когда-нибудь, — предостерег Мишель.

— Ну, если они пожалуют ко мне сегодня ночью — встретят хороший прием!

— Сегодня ночью они не пожалуют. А вот как-нибудь часика в три ночи, когда ты будешь один сладко почивать…

— Я знаю, что делаю, Мишель, — дружески перебил его Луи и добавил: — Между прочим, хочу просить тебя об одном одолжении.

— О чем именно, Луи?

— Я хотел бы перебросить на этой подводной лодке одного своего друга в Англию.

— Кто он?

— Ты, наверное, его не знаешь. Его зовут Бернар…

— Брось ерунду молоть, Луи. Ты же сам меня знакомил с Бернаром в своем доме три месяца назад. Или, может быть, это не тот Бернар?

— Конечно, тот самый!

— Ну к чему все эти разговоры? Этой ночью мне пришлось порядком повозиться, Луи, и я очень тороплюсь. Скажи ему, пусть садится. А то на лодке все вне себя от нетерпения.

— Извини, Мишель. Не могу не повалять дурака. Так приятно видеть тебя и вообще людей, которые выполняют свои обещания. Не заметил, как и время пролетело. Надеюсь на скорую встречу!

С этими словами он вытащил груз из шлюпки, и тотчас из темноты появился Бернар. Он собирался занять освободившееся

место. С ужасом Мишель увидел, как этот здоровенный детина занес над шлюпкой свою ножищу, словно собирался ступить на палубу океанского лайнера. В мгновение ока Мишель подал шлюпку в сторону, и лишь вовремя подоспевший Луи с трудом удержал Бернара, избавив его от утреннего морского купания.

— Ради бога, Бернар, — проворчал Мишель, — присядьте и осторожно сползайте в шлюпку, иначе вы пропорете наш бумажный кораблик.

Бернар повиновался, но Мишель успокоился только тогда, когда тот уселся на место. Держась левой рукой за выступ скалы, Мишель протянул правую доктору и попрощался с ним. Помахав рукой в сторону Меттью и Жюльена, он быстро двинулся в обратный рейс.

Дорогой Бернар рассказывал, что ждал лодку целых десять дней. Всего несколько минут назад Луи стащил его с постели, и он еще не успел прийти в себя. Мишель в свою очередь пытался объяснить, что, если бы не рыбаки, ему не пришлось бы совершать третий рейс. Но до Бернара, который все еще находился в состоянии оцепенения, его слова не доходили. Мишель чувствовал, как содрогается шлюпка оттого, что новый пассажир, не привыкший к такому виду транспорта, изо всех сил старается удержать равновесие.

Мишель почти не пользовался компасом, так как подводная лодка находилась всего в каких-нибудь пятистах метрах от берега. Вскоре он увидел ее. Когда они подходили к борту лодки, Мишель, сложив ладони рупором, тихо произнес в направлении мостика:

— Я не один…

Но его явно не поняли. В тишине ночи слышно было, как старший помощник Бак Тайлор доложил командиру:

— С ним, кажется, дама.

Командир ответил:

— Пусть хоть Клеопатра или Мария Стюарт, лишь бы нам до рассвета благополучно выбраться из этой проклятой бухты!

С помощью матросов Бернар и Мишель взобрались по канату на палубу. Пока они поднимались на мостик, их шлюпку взяли на борт и спустили в передний люк. Поднявшись, они увидели, что лодка уже на ходу.

Понимая, что командиру не до них, Мишель провел Бернара в кают-компанию. В ней не было ни души, так как четверо офицеров подводной лодки, как и большинство матросов, стояли на вахте, горя желанием быстрее убраться подальше от этого места.

Мишель предложил Бернару сигарету и закурил сам, сделав

сразу одну за другой несколько глубоких затяжек. Рев дизелей, которые заработали на максимальных оборотах, казался Мишелю сладкой музыкой. Он был уверен, что Марс не будет возражать против нового пассажира, когда узнает, кто это. Теперь оба успокоились и, окутанные облаками табачного дыма, дружески улыбались Друг другу.

Раздался пронзительный гудок ревуна. Мишель погасил свой окурок, и Бернар последовал его примеру: топот ботинок по трапу, ведущему с мостика в центральный пост, смешавшийся с отрывистыми словами команды, подсказали Мишелю, что лодка готовится к срочному погружению.

Через несколько секунд в кают-компанию почти вбежал Марс. При его появлении они оба встали, но он, словно не замечая их, слегка наклонил голову и, опершись рукой на верхнюю койку, к чему-то прислушивался. Потом и до их ушей донесся звук. Вначале он был похож на шум экспресса. Быстро приближаясь, шум усиливался. Пролетев мимо, он стал стихать. Только когда вокруг наступила мертвая тишина и снова стало слышно слабое жужжание электромоторов, Марс облегченно вздохнул. Именно в эти роковые секунды глубинные бомбы могли сделать свое черное дело.

— Фу! — с облегчением вздохнул командир, вытирая лоб. — Он был совсем близко. Хорошо, что не послал свою визитную карточку. Я делал разворот, чтобы выйти из бухты, и вдруг мы заметили французский миноносец, он полным ходом шел прямо на нас, но, по-видимому, не заметил.

— Чувствую, что должен принести двойное извинение, — воскликнул Бернар довольно сносно по-английски, протягивая руку командиру. — Во-первых, я был виновником того, что задержал вас на несколько минут и, во-вторых, что вашими врагами оказались мои соотечественники на миноносце. Я прежде командовал французским эскадренным миноносцем и, должен признаться, впервые оказался под килем такого корабля при подобных обстоятельствах.

— Извинения излишни, — сказал Марс, — рад вас видеть на своем корабле, особенно если вы с Мишелем коллеги. Путешествие, конечно, будет не из приятных, так как, высадив сегодня ночью оставшихся двух агентов, мы отправимся патрулировать к берегам Италии, и только потом вы сможете вернуться в Англию.

— Я задержал вас здесь почти на четыре с половиной часа, — начал Мишель, — и, без сомнения, рыбаки сообщили о нашем присутствии. Скорее всего, кто-нибудь из них позвонил в Тулон. Просто сказать спасибо за все, что вы сделали, по-моему, явно

недостаточно.

— Пустяки, — возразил Марс, — я, как и все остальные, с радостью помогал вам.

Тем временем было подано отличное какао, и начался подробный разбор ночной операции. В летопись подводной лодки «П-42» была вписана первая страница. У английских подводников принято, возвращаясь на базу после удачного похода, поднимать флаг с изображением черепа и двух скрещенных костей. Теперь их флаг украсится первым крестиком — за успешную высадку агентов на вражеской территории. Еще один появится в случае удачного исхода второй операции…

Получив заслуженный отдых, они проспали почти весь день. После полудня Мишель посмотрел в перископ и, убедившись, что они на рейде Э'Агей, снова уснул. Лодка ожидала наступления ночи.

Наконец они всплыли. Ночь была похожа на вчерашнюю — сплошная тьма и тот же свет от ацетиленовых фонарей на рыбацких судах. Но на этот раз операция была значительно проще. Решили так: Мишель с грузом отправится в первой шлюпке, а во второй — оба агента. Высаживаться будут в любом удобном месте. Груз небольшой, у радиста всего лишь легкая компактная рация. После высадки им предстояло добраться до ближайшей железнодорожной станции, а дальше следовать на поездах.

Командир решил подойти ближе, чтобы сократить расстояние для шлюпок. Когда последний рыбацкий корабль растворился во тьме ночи, лодка подошла к берегу на расстояние 250 метров. В 23 часа приступили к высадке. Оба агента сохраняли полнейшую выдержку. На протяжении всего пути они были хорошими пассажирами, а теперь им не терпелось начать дело, которому их обучали. Перед высадкой Мишель взял у них и уничтожил все записи, по которым они запоминали адреса.

Сели в две шлюпки. На этот раз Мишель не взял компас. Море было спокойно. Когда они достигли скалистого берега, Мишель передал им багаж, пожелал удачи и, развернувшись, поплыл обратно. Больше он никогда их не видел.

Через полчаса Мишель вернулся. Шлюпки убрали, и подводная лодка полным ходом пошла к берегам Италии.

Глава III
В ДОЗОРЕ

Наконец и для Марса настал черед в полной мере проявить свои способности. Если Мишель уже доказал, что он принадлежит к числу людей решительных и смелых, то Марсу такая возможность пока не представлялась. Молодой, полный энтузиазма, офицер впервые вышел в море с боевым заданием, и Мишелю казалось, что Марс больше всего опасается, как бы война не кончилась прежде, чем ему удастся по-настоящему повоевать. Все в нем говорило, что он твердо решил или получить крест ордена Виктории, или погибнуть. Мишель, да, бесспорно, и вся команда лодки, с радостью поздравил бы его со столь высокой наградой. Одно плохо: в случае неудачи пришлось бы отправиться на дно морское с ним за компанию.

К месту охоты у берегов Италии шли недолго. Погода стояла прекрасная. Жизнь в лодке протекала по заведенному порядку. Днем лодка находилась под водой, время от времени всплывая на перископную глубину. Быстро оглядывали небо, затем, если не было самолетов противника, горизонт и уже потом тщательно просматривали всю водную поверхность.

Хотя они находились недалеко от Генуи, в первый день они не заметили ни одного корабля. Казалось, итальянский торговый флот вообще не существует. На ночь они остались в тех же водах.

На следующий день вахтенный офицер увидел корабль. Сразу же позвали командира. Марс посмотрел на корабль в перископ и бросил вахтенному: «Боевая тревога». В центральный пост сбежались матросы. Рядом с командиром стоял молодой матрос с карандашом и журналом. Другой за его спиной считывал показания картушки компаса, каждый раз четко докладывая, когда Марс спрашивал: «Курс?». Юноша с карандашом быстро записывал каждую цифру.

Марс изучил судно в перископ и обсудил результаты наблюдения со старшим помощником. Они посмотрели в альбом «Джейн файтинг шипс», в раздел иностранных торговых судов, и установили, что это итальянское торговое судно 115 метров длиной и водоизмещением примерно в 4 тысячи тонн.

Заработал центральный автомат торпедной стрельбы — прибор поразительной точности. Как только в него вводятся соответствующие данные — скорость цели, скорость лодки и расстояние между ними, — он автоматически дает курс, на который нужно лечь для выхода в атаку, чтобы выпущенная

торпеда, идущая, скажем, со скоростью 45 узлов при скорости цели в 12 узлов, поразила цель в упрежденной точке.

Они издали наблюдали за удивительным прибором. Бернар выглядывал из кают-компании, а Мишель устроился с другой стороны у радиорубки. Остальные офицеры готовили еще какие-то данные для прибора, а какие именно — непосвященному человеку сказать трудно.

Кажется, итальянское судно находилось в сорока кабельтовых, когда по трансляции прозвучала команда: «Приготовить торпедные аппараты номер один, два, три!.. Интервал сорок пять секунд. Аппараты, товсь!» и наконец короткое: «Пли!»

При выстреле лодку слегка толкнуло назад. Тот же самый толчок повторился через 45 секунд, за ним последовал третий. После первого выстрела секундомер начал отстукивать секунды. Все нетерпеливо ждали звука разрыва, который означал бы, что торпеда попала в цель. Когда между лодкой и судном большое расстояние, то звук доходит не сразу. Была дана команда: «Опустить перископ».

Потянулись долгие минуты ожидания. По грубым подсчетам, раньше чем минут через шесть они ничего не услышат… Каждая торпеда стоит около 2 тысяч фунтов стерлингов, и, следовательно, стоимость минуты — тысяча фунтов. Если выпускать торпеды каждую минуту в течение одних суток, это составит миллион 440 тысяч фунтов…

Этот мысленный подсчет был прерван гулким ударом, словно что-то тяжелое упало на железную крышу. «Поднять перископ», — послышалось торопливое приказание командира. Затем, ко всеобщему ликованию, раздался возглас: «Накрыли! Тонет! Старший помощник, взгляните!»

Старшего помощника не пришлось приглашать дважды.

— Вы совершенно правы, сэр! Оно погружается кормой, — произнес он, едва сдерживая порыв радости. Это была их первая добыча, притом какая!..

Подводники всего мира могут с недоверием отнестись к данной истории и подумать, что это лишь плод воображения восторженного пассажира. Но гибель итальянского судна позднее подтвердилась, а победа подводной лодки «П-42» зарегистрирована в архивах военно-морских сил.

Это была великолепная прелюдия к блестящей карьере Аластера Марса. Но тогда счастье больше не улыбнулось ему до самого конца плавания. Возможно, капризная фортуна хотела подорвать в нем веру в собственную непогрешимость, которая стала чуть ли не наследственной прерогативой всех

подражателей Нельсону.

Остаток дня прошел без всяких происшествий. Они находились в море уже тринадцать дней, а на обратный путь им требовалось еще десять. Наступила пора возвращаться на базу, так как всего в их распоряжении было три недели. Ночью всплыли и пошли полным ходом. Правда, немецкие подводники назвали бы такой ход «черепашьим», так как их лодки были значительно быстроходнее.

На другой день перед самым рассветом заметили шхуну.

Сквозь сон Мишель услышал команду: «Приготовить торпедные аппараты номер один и два! Интервал две секунды. Пли!» Затем, как и раньше, последовал легкий толчок. Мишель начал было считать секунды по своим ручным часам, но тут вдруг раздался сильный взрыв.

Погас свет. Казалось, лодку выбросило из воды и она неуклюже плюхнулась набок. На голову Мишелю свалилась электрическая сухарница; в ногу, чуть пониже колена, впился циркуль, лежавший на штурманском столике. Когда зажегся свет, Мишель увидел, что в проходе валяется корабельный компас. Выскочивший из нактоуза, он до ужаса напоминал выбитый из орбиты человеческий глаз. Гидролокатор исковеркало так, что он годился только в утиль.

Какие мысли пролетали в голове командира в этот жуткий миг, Мишель мог только догадываться. Торпеда явно угодила в дно моря из-за неисправности горизонтальных рулей. Будь здесь мельче, подводная лодка неминуемо погибла бы. Командира, конечно, больше всего угнетала мысль, что они едва не погибли от собственной торпеды. О таком ли конце он мечтал!

Но самым обидным было то, что их жертвой чуть было не стало безобидное парусное суденышко водоизмещением самое большее в 80 тонн, которое из-за плохой видимости, а может быть ввиду известной склонности к преувеличению, было принято за более солидную добычу.

Этот парусник можно было назвать плавучим шатром Лиги Наций: он плавал сразу под тремя флагами — португальским, итальянским и швейцарским. Когда парусник окликнули и приказали убираться прочь, перепуганная насмерть команда с радостью подчинилась.

Марс предпочитал хранить полное молчание по поводу всего происшедшего. Такое ведь может случиться с любым командиром подводной лодки, вышедшим первый раз в дозор. Конечно, в дальнейшем он постарается, чтобы многочисленные блистательные победы вытеснили из памяти и у него самого, и у всей команды это досадное недоразумение. Нечто подобное

случалось с самим Мишелем на его поприще и может случиться с любым человеком, поскольку люди учатся уму-разуму на жизненном опыте, на основе пережитых ошибок.

Мишелю нравился Марс, мужественный, немного увлекающийся командир, и он молил богов пощадить лейтенанта во время первого похода. Правда, молитвы Мишеля были не совсем бескорыстными…

Приступили к ремонту лодки. Все не скрывая радовались, что плавание подходит к концу. Марс предупредил команду, что радоваться еще рано, и он оказался прав! До Гибралтара оставалось всего 36 часов ходу, когда они услышали два отдаленных взрыва, означающих, что где-то завязывается бой. Через некоторое время на лодке была получена следующая радиограмма из Рэгби:

НЕ НА ВАС ЛИ СБРОСИЛИ ЛЕТЧИКИ ГЛУБИННЫЕ БОМБЫ? НАШИ САМОЛЕТЫ ОХОТЯТСЯ ЗА НЕМЕЦКОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКОЙ В ВАШЕМ РАЙОНЕ.

Командир ответил:

НЕТ. РАЗРЫВЫ ГЛУБИННЫХ БОМБ СЛЫШНЫ ПРИМЕРНО В ДВАДЦАТИ МИЛЯХ ЗАПАДНЕЕ.

Вскоре им сообщили точные координаты немецкой подводной лодки и приказали вступить с ней в бой.

Вахтенные напряженно всматривались в морскую гладь, в которой отражалась огромная луна. Мишелю стало страшно, и он пошел спать, надеясь проснуться либо на том свете, либо когда все кончится. Засыпая, он посмотрел на своего товарища и пробормотал:

— Бернар, этот дозор ни за что не кончится, пока лодку не пришвартуют намертво к плавучей базе в гавани.

— Странно, Мишель. Вы просто читаете мои мысли.

Едва Мишель заснул, как его разбудил гудок ревуна.

Затем он услышал команду: «Прямо по носу немецкая подводная лодка! Приготовить торпедные аппараты номер один, два, три! Интервал три секунды. Товсь! Пли! Ныряй на пятнадцать метров!»

Мишель облегченно вздохнул. Но не прошло и полминуты, как последовало приказание: «К всплытию! Задраить водонепроницаемые переборки! Приготовиться к тарану!»

Да, Марс шел ва-банк. Гидролокатор вышел из строя, трехдюймовое орудие заклинило, аккумуляторы сели и не позволяли делать под водой более семи узлов. Торпеды кончились. Поднявшись на поверхность, лодка становилась легкой добычей для немецкой подводной лодки, которая могла атаковать с перископной глубины. Вдобавок ко всему немцы

могли выпускать торпеды даже с кормы.

Мишель решил про себя, что это, несомненно, конец. Он дружески улыбнулся Бернару, и они закурили. («В последний раз!») Руки Бернара дрожали, и Мишелю стало жаль его. Правда, сохраняя внешнее спокойствие, он и сам ощущал страшную слабость.

Мишель достал колоду карт, и они начали играть. Но не картами было поглощено их внимание. Напряженно прислушиваясь, они ждали, что вот-вот, заглушив гул дизелей, раздастся ужасный треск и погаснет свет, на этот раз — навсегда.

Мучительно медленно тянулись секунды. Затаив дыхание люди сидели в отсеках за наглухо закрытыми водонепроницаемыми переборками и взывали к небу.

Вдруг в кают-компанию вошел штурман Тирск и, словно извиняясь, произнес:

— Думаю, она ушла. Наши самолеты и миноносцы основательно погоняли ее по Гибралтарскому проливу. Пожалуй, на сегодня ей хватит.

Мишель и Бернар, совершенно обессиленные после огромного напряжения, не проронили ни слова.

Как потом выяснилось, вахтенный подводной лодки «П-42» заметил немецкую лодку в дорожке лунного света, когда та пересекала курс «П-42» почти прямо по носу. Немцы заметили английскую лодку в момент торпедного залпа и развернулись в ее направлении. Неизвестно, хотели ли немцы атаковать англичан или они просто стремились уклониться от торпед. Возможно, они тоже выпустили несколько торпед. Так или иначе, в последний момент лодки одновременно погрузились. Они разошлись, как встречные поезда, всего в нескольких метрах друг от друга.

Рассвет лодка «П-42» встретила уже в безопасных водах. Она была совершенно беззащитной. Облупилась краска особой голубизны, делавшая ее малозаметной в Средиземном море. Кое-где облезла и серая краска, которой лодка была покрыта раньше, когда плавала в свинцово-серых водах Атлантики. Тут и там проступали пятна красного сурика. Эскортируемая двумя торпедными катерами, лодка возвращалась в плачевном состоянии, команда выбилась из сил. Для девяти членов команды по радио были заказаны места в лагере отдыха «Лорд Горт». Если бы догадались спросить о самочувствии Мишеля и Бернара, заказ пришлось бы увеличить до одиннадцати мест.

День угасал, когда подводная лодка «П-42» начала швартоваться к плавучей базе «Мейдстон». За швартовкой наблюдали несколько элегантно одетых офицеров с других подводных лодок. Они казались надменно-равнодушными, в то

время как матросы на нижней палубе без стеснения отпускали шуточки по адресу своих обтрепанных собратьев. Равнодушие офицеров было только кажущимся, напускным. За ним скрывалась застенчивость людей, страстно желающих найти нужные слова для своих пострадавших в бою товарищей по оружию. Даже внешнее, равнодушие угнетало, и когда Марс отдавал последние приказания, какая-то неведомая сила потянула Мишеля к нему. Он чувствовал себя не просто пассажиром на его лодке, их связывали опасности, через которые они прошли вместе.

Давая возможность офицерам сойти первыми, Мишель неторопливо собирал свои скудные пожитки и бросал прощальные взгляды на лодку «П-42», которая чем-то напоминала поезд, только что подошедший после долгого пути к конечной станции.

Когда они с Бернаром поднялись на палубу плавучей базы «Мейдстон», оживленный разговор между «чистыми» и «нечистыми» прервался и их представили собравшимся для встречи офицерам.

После нескольких рюмок установилась дружеская атмосфера. Равнодушия и сдержанности как не бывало.

Мишеля познакомили с Тедди Вудвордом, который поддерживал веселое настроение до конца вечера.

Бернара утащил с собой офицер-разведчик, а Мишеля пригласили провести ночь на базе. Долго веселились и пели. В помещение для гостей перетащили фортепьяно, за него усадили Мишеля, и он играл до четырех часов утра.

Начальству на плавучей базе «Мейдстон» и без доклада стало ясно, что «П-42» вернулась из дозора.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I
РАДИОСТАНЦИЯ «СЕНТ-АССИС»

— Добро пожаловать домой! — приветствовал Мишеля Бакмастер, протягивая ему руку. — Вы, как всегда, отлично справились с заданием. Трое высаженных радистов с тех пор поддерживают с нами непрерывную связь. Теперь дела у нас действительно пошли на лад. Бернар — хороший парень. На прошлой неделе у нас с ним был интересный разговор. Он мне рассказал кое-что, довольно странное о его первой встрече с генералом де Голлем. Когда де Голль узнал, что Бернара доставили сюда на английской подводной лодке, он сердито проворчал: «Прибрали вас к рукам эти англичане!» Бернар пытался объяснить, что, наоборот, ему оказана большая услуга, но генерал и слушать не хотел. По крайней мере, так мне рассказывал Бернар.

— Ни черта не понимаю, — ответил Мишель, пожимая плечами.

— Ничего не поделаешь — политика. С такими недоразумениями нам приходится сталкиваться ежедневно. Как вы себя чувствуете после всех передряг?

— Вполне прилично. Когда возвращались на подводной лодке, были, конечно, неприятные минуты. Зато потом, пока ожидали самолет, я много спал и валялся на солнце. Сон и солнце в течение недели, пожалуй, стоят месячного отдыха.

— Рад это слышать, потому что готовится серьезное дело, а я не забыл своего обещания насчет отпуска, которого вы добровольно лишились в прошлый раз.

— Пустяки, — улыбнулся Мишель. — Неужели вы полагаете, что я могу спокойно загорать на пляже, когда готовится что-то важное, допустим открытие второго фронта?

— Ну, до таких масштабов нам пока далеко. В комитете начальников штабов вам как разведчику-специалисту наметили нечто более знакомое, — намекнул Бакмастер.

— В комитете начальников штабов? А откуда там меня знают? — спросил Мишель с явным любопытством.

— Французский отдел растет, и уже многие большие начальники присматриваются к нашей деятельности. Как-то меня спросили, есть ли у нас человек, который смог бы выполнить одно довольно трудное задание. Я ответил «да», если только он согласится. А когда я назвал вашу фамилию, присутствовавший при этом Уинстон Черчилль сказал:

— Немедленно переговорите с этим Мишелем и сообщите мне, согласен ли он.

— Уинстон Черчилль так и сказал? — спросил Мишель недоверчиво.

— Так и сказал.

— В таком случае я принимаю предложение, каким бы оно ни было.

— Итак, Мишель, — продолжал Бакмастер, переходя на серьезный тон и глядя ему прямо в глаза. — Это очень трудная и опасная операция. Прежде всего я хочу, чтобы вы с ней ознакомились в общих чертах. Затем я вам дам сорок восемь часов, чтобы все хорошенько обдумать, и только тогда вы дадите окончательный ответ. Но это не значит, что потом уже нельзя будет отказаться. Для такого, как вы, всегда найдется дело. Вас с радостью бы взяли в любое специальное училище. Вас можно назначить на штабную работу. Вы ничуть не пали бы в моем мнении, согласившись на подобное назначение. Я и сам собирался предложить вам работать у меня в отделе.

— Мое место — в тылу врага, сэр. Спасибо за добрые слова. Расскажите мне об этой опасной операции, я обещаю не задержаться с ответом.

— Хорошо, слушайте. Под Парижем, между Меленом и Корбеем, находится большая радиостанция «Сент-Ассис». Немцы используют ее для передачи приказов своим подводным лодкам. Станция эта очень мощная, и немецкие подводные лодки могут принимать ее сообщения, не всплывая на поверхность. Если с ней что-нибудь случится и радиограммы станет передавать более отдаленная станция, то подводным лодкам придется всплывать, а это даст нашим гидросамолетам возможность легко обнаруживать и бомбить их.

— И вы хотите, чтобы я занялся этой станцией? — спросил Мишель, который уже соображал, как приступить к делу.

— Вы не ошиблись. Теперь пойдемте в другую комнату. Я покажу кое-что весьма интересное.

Оба встали и вышли. Как только Бакмастер открыл дверь в соседнюю комнату, Мишель застыл на месте, широко открыв от удивления глаза. На полу, занимая площадь не менее десяти квадратных метров, стоял превосходно выполненный макет радиостанции.

— Это и есть «Сент-Ассис», — сказал Бакмастер. — Макет точен до мельчайшей детали. Показаны сравнительные высоты опор и центральных мачт, на которых висит антенна. Антенное поле занимает участок длиною в два километра. Каждые тридцать сантиметров на макете равны ста метрам на местности. Стальные

оттяжки, поддерживающие мачты, расположены здесь точно, как в действительности. Есть специальный чертеж, на котором указано точное расстояние между бетонными блоками, где эти оттяжки закреплены, и их высота.

Глядя на целый лес опор, Мишель спросил:

— Что же здесь можно сделать?

— Как ни странно, нужно заняться всего одной центральной мачтой. Видите в центре макета две мачты, на которых висит антенна? Если одна из них упадет, антенна выйдет из строя примерно на шесть месяцев. Больше того, из четырех оттяжек, которые держат мачту, достаточно повредить одну, поскольку десятитонная оттяжка на противоположной стороне своим весом свалит мачту. Если повредить внешнюю оттяжку, добавится еще и вес антенны, да она сама порвется и запутается при падении мачты.

— Ясно, — сказал Мишель. — Значит, две боковые оттяжки не смогут удержать мачту?

— Совершенно верно. Когда мачта начнет падать внутрь, вес внутренней и двух боковых оттяжек будет способствовать падению.

— Тогда это дело под силу одному человеку.

— Нет. В том-то и загвоздка, — возразил Бакмастер. И, показывая на одну из мачт, он начал объяснять, в чем трудность: — Смотрите, каждая оттяжка состоит из трех стальных тросов. Они прикреплены к бетонным блокам, расположенным друг от друга на расстоянии девяноста метров. Нужно перервать только два верхних троса — самый верхний, который закреплен на блоке, расположенном рядом с оградой радиостанции, и следующий, закрепленный на девяносто метров ближе к мачте. Третий трос можно не трогать, так как он порвется сам. Беда в том, что высота бетонного блока почти три метра и на него нужно взобраться. Даже если взять с собой складную алюминиевую лестницу и сто метров детонирующего шнура, чтобы соединить взрыватели на двух блоках, вы не справитесь с этим один. Да и тащить все эти принадлежности одному слишком тяжело.

— Как же быть?

— В нашей организации есть два брата. По профессии они акробаты цирка, так что трехметровый бетонный блок будет для них просто игрушкой.

— Великолепная мысль. Мы можем координировать свои действия с помощью хронометров.

— Совершенно верно. Вы можете сами решить, как это сделать. Я предполагаю поставить вас во главе операции. Братья Ньютоны, которые уже кое-что слышали о вас, не возражают.

— Что это за ребята? — спросил Мишель.

— Два чрезвычайно крепких парня. Оба они потеряли свои семьи: корабль с беженцами торпедировали после выхода из Гибралтара. Так что Ньютоны жаждут взять реванш.

— Бедняги. Я бы хотел познакомиться с ними.

— Вы встретитесь с ними у меня после отпуска, если, конечно, решите взяться за это дело, — сказал Бакмастер, а затем продолжал — Учебный центр номер семнадцать в Хертфордшире готов начать с вами тренировки, необходимые для выполнения операции. У них есть два бетонных блока соответствующей высоты, и расположены они на таком же удалении друг от друга, как блоки на «Сент-Ассисе». Сходство полное во всех отношениях, даже в мелочах. Точно такое же положение ограды, точно так же крепятся тросы к трем отдельным кольцам на каждом бетонном блоке, даже заделка концов такая же. Во время операции наши ВВС обещали послать двадцать истребителей-бомбардировщиков, которые пройдут на бреющем полете в нужный, по вашему мнению, момент.

— Вы уже все продумали, — рассмеялся Мишель. — И вы по-прежнему считаете, что мне нужно обдумывать предложение целых сорок восемь часов? Да я ни за что на свете не откажусь от такого дела!

— Тем не менее обдумайте его. Так и порешим, — произнес Бакмастер, вставая.

Мишель тоже встал. Протягивая ему руку, Бакмастер сказал:

— Поезжайте, подумайте и развлекитесь. Позвоните мне через два дня. Недельку отдохните. Все равно сразу приступить к делу нельзя.

— Благодарю вас, сэр, — произнес Мишель, пожимая ему руку. — Я оставлю свой адрес в канцелярии.

Мишель вышел из комнаты и направился к дежурному офицеру. Получив проездные документы, он оставил свой домашний адрес в Ворсестершире. Посмотрев на листок, где был записан адрес, офицер рассмеялся и сказал:

— Домашний-то адрес нам и так известен, дружище… Ну, ладно. Надеюсь, вас оставят в покое. Вы, конечно, заслужили хороший отдых. Желаю приятно провести время.

— Постараюсь, спасибо.

Мишель взял такси и направился на вокзал Паддингтон. Там он сел в экспресс Оксфорд — Хертфорд, неизменно отходящий в 16 часов 45 минут. Мишель устроился в вагоне, предназначенном для пассажиров, едущих в Мальверн. Оказалось, что напротив сидит земляк. Увидев зеленые нашивки и эмблему разведывательного корпуса, земляк поинтересовался, что

представляет собой служба в разведке. Мишель ответил, что она не очень опасна. Лично он занят тем, что втыкает булавки с флажками в развешанные на стенах карты. Ему не хотелось вступать в беседу с попутчиком, и у того после сухого и краткого ответа Мишеля пропало желание продолжать разговор.

Мишель стал думать об операции. Но его воображение рисовало одну и ту же картину: вот он укладывает взрывчатку у трех тросов, закрепленных с помощью колец на блоке, прилаживает химический взрыватель и надламывает его с учетом времени, нужного братьям, которые заняты тем же на блоке в девяноста метрах от него… Нет, в воображении все складывалось слишком уж удачно — в действительности так не бывает. Мишелю хотелось обдумать операцию до последней мелочи. Допустим, всех троих сбрасывают с парашютами с одного самолета где-то недалеко от объекта. Но какова охрана на радиостанции? Через какое время должен сработать химический взрыватель? Вдруг они не уложатся в это время и не успеют отойти на достаточное расстояние от станции, прежде чем будет поднята тревога. Если же выбрать взрыватель, который срабатывает позже, их обнаружат и взрывчатку отсоединят прежде, чем она взорвется. Он еще не знал, есть ли там надежное место, чтобы укрыться, когда после взрыва начнется облава. Каковы шансы остаться в живых после такой операции? Рано еще делать выводы, он знает слишком мало…

Несомненно, операция должна начаться после наступления темноты. Он, конечно, сможет установить по макету и другим данным, сколько времени понадобится на все дело, включая отход. Если он выберет химический взрыватель, срабатывающий через час, и условится, что через полчаса после их ухода обещанные самолеты сбросят фугасные бомбы, а бомбы вдруг не попадут в бетонные блоки, немцы сразу же точно определят причину катастрофы, так как после сгорания детонирующего шнура остаются кусочки обгоревшей ленты — следы диверсии.

Мысли, сменяя одна другую, не давали Мишелю уснуть. Он составил в уме перечень вопросов, которые нужно выяснить, и решил, что отказаться от задания его заставит только отсутствие дома, где можно будет спрятаться, или, по крайней мере, надежного плана, который бы гарантировал безопасный отход после взрыва.

Поезд опаздывал, и путь до Мальверна показался бесконечно долгим.

На станции у выхода стоял любезный контролер, старый знакомый Мишеля.

— Добро пожаловать домой, господин Питер, — сказал он,

беря протянутый ему билет. Поджидая пассажиров, стояли те же древние такси с не менее древними водителями, которые управляли еще конками. Несмотря на затемнение, было видно, что город ничуть не изменился.

Вот и дом — все там же, на склоне холма, фасадом к реке Северн.

Радостная встреча с семьей. Как много похожего в таких встречах! Гордый своим сыном отец открывает бутылку шампанского, а мать влюбленными глазами смотрит ему в глаза, словно опасаясь, что больше никогда его не увидит.

Мишель, как всегда веселый, тотчас же рассмешил мать какой-то шуткой. Потом, уступив просьбам родных, под большим секретом рассказал о некоторых самых безопасных моментах прошедшей операции. Отец довольно ухмылялся. Мишель не видел ничего особенного в том, что посвящает в свою деятельность дорогих сердцу людей, которые вот уже шестнадцать лет как живут в одиночестве, удалившись от дел. Он знал, что после его отъезда здесь будут снова и снова вспоминать и заново осмысливать каждое его слово. Поэтому он старался не сказать лишнего. Даже если его рассказы и наведут потом родителей на неприятные мысли, все же они будут их тревожить куда меньше, чем их собственные мрачные домыслы, останься они в полном неведении.

Братья Мишеля были в несколько ином положении. Уолтер, конечно, никогда не расскажет о своих воздушных боях на «Спитфаерах» и «Харрикейнах», но это как-то само собой разумелось: вовсе не интересно слушать о том, как падает на землю объятый пламенем вражеский самолет, особенно когда знаешь, что это могло случиться и с тем, кто его сбил.

Оливер — в далеком Каире, и они не знали, когда он приедет в отпуск. Он писал пространные, полные недомолвок письма, предоставляя матери разгадывать их, как кроссворд.

Мишель ни словом не обмолвился о предстоящей операции и, желая пресечь родительское любопытство, объявил, что в течение шести месяцев будет занят как сопровождающий офицер. Мать лишь сказала: «Как хотелось бы верить в это».

На другой день утром Мишель позвонил в отдел и попросил к телефону Бакмастера. Шефа на месте не оказалось. Тогда, назвав себя, Мишель попросил позвонить ему и сообщить, куда и когда он должен прибыть. Через четверть часа Мишелю сообщили, что его ждут через пять дней в 11 часов утра.

Теперь Мишель мог спокойно наслаждаться отдыхом: играл в гольф, помогал отцу в саду и вообще старался как можно больше времени проводить с родителями. Дни пролетели быстро, и вот

настал час расставания. Он простился просто, сказав при этом, что самое большое месяца через три снова приедет.

Итак, короткий отпуск кончился. В поезде Мишель снова стал думать об операции и плане, который он хотел бы предложить, заручившись всесторонней поддержкой со стороны военного министерства.

В назначенный день в 11 часов утра Мишель позвонил у двери дома номер 6 в Орчард Корт. Парк провел его в перегороженную комнату, где пришедших прятали от глаз других диверсантов, чтобы те не знали их в лицо. Бакмастер был занят, и Мишель поболтал немного с Парком, пока кто-то не позвонил у входной двери. Парк пошел открывать. Мишель развернул газету «Таймс» и занялся кроссвордом.

Парк вернулся быстро и проводил его в комнату, где находился макет радиостанции «Сент-Ассис». За письменным столом сидели Бакмастер и де Гели. Мишель поздоровался и, когда ему предложили сесть, опустился на стул. Увидев на груди де Гели орден «Британской империи», Мишель поздравил офицера с наградой.

— Итак, — начал Бакмастер, — вы готовы взяться за это дело?

— Да, сэр, — ответил Мишель, — только вот что мне не совсем ясно: радиостанция находится в излучине Сены. Когда нужно будет уходить, мы не сможем переправиться через реку, так как мост сильно охраняется и, кроме того, уже настанет комендантский час. Остается одно — спрятаться на том же берегу, где находится радиостанция. Иначе придется идти по мосту. Есть ли у вас на примете дом, где можно будет спрятаться?

— Это называется брать быка за рога. Вы правы, Мишель. Мы все еще ищем дом. Пока не найдем, операция, конечно, не начнется. Наши люди занимаются этим, а вы пока приступайте к тренировкам. Вы готовы?

— Готов, — ответил Мишель.

— Хорошо. Сейчас пойдем в другую комнату, и вы познакомитесь с Ньютонами. Когда побеседуете с ними, возвращайтесь сюда и доложите свое мнение о них. Им я предложу сделать то, же самое о вас. Если подойдете друг другу, сегодня же после обеда отправитесь вместе в Хертфордшир. Если вы свободны, давайте пообедаем вместе.

— Спасибо. С удовольствием, — ответил Мишель. Все поднялись.

Бакмастер повел Мишеля по коридору в отдел. Там их ждали два лейтенанта.

— Мишель, знакомьтесь. Это Генри и Альфред. А это, —

сказал Бакмастер, указывая на Мишеля, — руководитель операции. Пока я вас оставлю одних. Побеседуйте, а потом каждый из вас скажет мне, сможете ли вы работать вместе.

Когда они остались втроем, Мишель вкратце рассказал братьям о своем плане проведения операции. Потом он попросил их высказать свои замечания по поводу плана, так как для успешного проведения операции необходимо обдумать все сообща и выбрать лучший вариант.

Братья обсудили предложение Мишеля, и Генри сказал, что у них только одно замечание — им обоим нужно взять с собой автоматы и несколько дисков с патронами, чтобы в случае столкновения уничтожить как можно больше немцев, прежде чем проглотить яд. Они добавили, что вовсе не собираются лезть на рожон, а просто хотят приготовиться к самому худшему. Они полностью полагаются на Мишеля, ибо уже слышали, что тот всегда тщательно готовит операции, а они впервые участвуют в подобном деле.

На этом разговор закончился. Мишель вернулся к Бакмастеру и сообщил, что согласен работать с братьями.

Бакмастер поднялся и вышел в соседнюю комнату. В его отсутствие де Гели достал карту района радиостанций «Сент-Ассис» и ее окрестностей в радиусе пятнадцати километров.

— Вас сбросят где-нибудь здесь, — показал он на карте. — Заучите названия ближайших населенных пунктов, чтобы после приземления сориентироваться по первому попавшемуся указателю. В учебном центре номер семнадцать есть три экземпляра этой карты, там проведут с вами тренировки по вашему выбору. Советую поупражняться в стрельбе из пистолетов «Стен», испробовать силы в рукопашном бою и отработать способ крепления взрывчатки на блоках, сначала днем, а затем и ночью. Блоки для вас уже изготовили. Там только нет макета радиостанции. Мы оставим его здесь, чтобы перед вылетом вы могли изучить все тропинки и установить место встречи. В учебном центре вам во всем пойдут навстречу. Они отлично понимают, что вы не новичок.

Вернулся Бакмастер и объявил:

— Ну, братья довольны решительно всем. Они явятся на вокзал Сен-Панкрас к трехчасовому поезду. Между прочем, Мишель, — продолжал шеф, — сказал ли вам Жак, что в учебном центре номер семнадцать для данного задания специально приготовили взрывчатку. Они также наметили для вас поездку на радиостанцию «Рэгби», так что вы получите полное представление о радиостанции «Сент-Ассис», которая, правда, намного больше «Рэгби», но планировка у них одинаковая.

— Какая охрана на «Сент-Ассисе»? — спросил Мишель.

— В настоящее время только один старик сторож, его звать Август, и немецкая овчарка по кличке Бруно. У агентурного управления в этом районе есть свои люди, и, если обстановка изменится, нам сразу же сообщат. Сейчас нужно думать не о том, что вам могут помешать, а о том, как поскорее убраться подальше от этого места после того, как дело будет сделано. Ведь после взрыва на ноги будет поднят каждый немецкий солдат на сто километров в округе. Укрыться, конечно, следует где-то поблизости. А как найти подходящий дом? Это главная наша задача.

— Как вы предполагаете сбросить нас, сэр? — поинтересовался Мишель.

— Мы думаем, лучше всего сбросить вас с двух самолетов с двухчасовым интервалом, чтобы увеличить шансы на успех. Мало ли что может случиться? Например, сейчас в районе радиостанции войск нет, а в самый последний момент может оказаться, что там кишмя кишит солдатами. Надеюсь, и вам и братьям ясно, что, если вы трое не соберетесь к месту встречи в назначенное время, задание должен выполнить тот из вас, кто туда доберется. Нужно подорвать, по крайней мере, одну ближайшую к ограде оттяжку и таким образом свалить хоть верхнюю часть мачты.

— Великолепно продумано, — изумился Мишель. Он встал, обошел вокруг стола, чтобы рассмотреть карту, которая лежала перед начальником. — Так как ночи к тому времени будут короткими, я думаю, целесообразнее назначить место встречи в лесу Сен-Лё, вот здесь, всего метрах в восьмистах от ограды станции, и укрыться до следующей ночи у этой лесной тропинки, сразу за поворотом. Будет конец мая, к девяти вечера стемнеет. Если все пойдет по плану, мы успеем заложить взрывчатку до десяти. Возьмем химические взрыватели, которые срабатывают через час. Взрыв произойдет около одиннадцати, а ровно в одиннадцать наши ВВС совершат налет на станцию. Взрыв совпадет с грохотом бомб, сброшенных первой группой самолетов. Хочется надеяться, что Август со своим Бруно не станет совать нос в это дело.

— Я свяжусь с нашими ВВС и окончательно договорюсь о времени налета после того, как все будет детально отрепетировано в учебном центре. Предупредить Августа трудно, он может выдать нас. Может быть, кто-нибудь среди наших друзей в этом районе знает его? Посмотрим.

Вставая, Бакмастер спросил:

— Есть вопросы? До обеда успеем их обсудить.

— Нет, — ответил Мишель, — все ясно. Мне кажется, есть два шанса из трех, что операция будет иметь частичный успех, и один из трех, что кто-нибудь из нас вернется.

— Пусть хоть частичный, — сказал майор де Гели. — И все же вы вправе будете сказать, что основательно навредили немецким подводникам.

— Не думайте, что я струсил. Просто хочется знать высоту трамплина, раз уж приходится прыгать.

— Ну, довольно. Пошли, — сказал Бакмастер. — Надо выпить чего-нибудь. — И он повел их в уютный бар на Бэйкер-стрит, хорошо знакомый работникам отдела.

Там они оживленно о чем-то беседовали, и, глядя на них, никто бы не подумал, какой план они только что обсуждали. Обедать поехали в небольшой ресторан на Грик-стрит. В ресторане за одним из столиков сидели сержант и два капрала из разведывательной школы. Они близко знали Мишеля, но сделали вид, будто не замечают его. Мишель обратил внимание Бакмастера на этот отличный пример конспирации среди его сотрудников. Тот ответил, что им известно о его поездках во Францию и они с удовольствием поговорили бы с ним на эту тему, но приходится держать язык за зубами.

Пообедав, они вернулись в отдел. Мишель собрал все необходимое и, взяв такси, поехал на вокзал Сен-Панкрас. Братья Ньютоны уже ожидали его на платформе, и они втроем вошли в купе. Поезд был почти пустой.

Через час они доехали до места назначения. Это была маленькая деревня в районе Хертфордшира. Их встретила девушка-шофер в военной форме, она приехала за ними на маленьком армейском грузовике. Не прошло и пяти минут, как они въехали в ворота учебного центра номер 17. Девушка остановила машину у прекрасного особняка.

Они вошли в огромный вестибюль, широкий коридор вел из него в жилые комнаты. Комнаты были довольно хорошо обставлены, но, как и везде в учебных заведениях, в спальнях стояли простые койки. В комнате отдыха их встретил начальник учебного центра и познакомил с инструкторами. Старший инструктор и Мишель наметили программу тренировок на последующие три дня. После этого у них будет пять свободных дней до наступления лунных ночей. Мишелю предложили выбор — или оставаться все это время здесь, или поехать в сортировочный лагерь. Мишель бывал там раньше, правда не очень долю, и хорошо запомнил это восхитительное место. Начальником лагеря был молодой майор-шотландец, а в столовой хозяйничала дама, которой помогали очаровательные создания из

корпуса медицинских сестер. В учебном центре номер 17 тоже было много женщин, и Мишель решил посоветоваться с братьями и узнать, хотят ли они остаться здесь или предпочитают провести остальное время в лагере.

После чая Мишель и Ньютоны пошли прогуляться. Перед домом был разбит большой газон и дальше за ним находилось искусственное озеро, по форме напоминающее канал. Они направились в конец озера, к лодочной станции, где им разрешили в любое время брать лодку. День выдался ясный, теплый. На голубом небе лениво плыли белые облака. Не верилось, что где-то идет война. Лодка скользила по зеркальной поверхности воды. Генри и Альфред сказали Мишелю, что с нетерпением ждут следующего дня, когда можно будет начать тренировку. Им доверили настоящее дело сразу же после окончания разведывательной школы, и они считали себя счастливчиками. Их радовало также, что ими руководит такой опытный человек, как Мишель, хотя раньше они мечтали отправиться на задание самостоятельно.

Настал первый день тренировок. Позавтракав вместе с инструкторами в 8 часов, разведчики облачились в тренировочные костюмы и три четверти часа занимались джиу-джитсу. Братья проявили подлинное мастерство. Обладая атлетическим сложением, эти акробаты, которым не было еще и тридцати, заставили инструктора здорово потрудиться. Мишель старался не отставать от них, и к концу тренировки они то и дело бросали на ковер выбившегося из сил профессионального борца. Больше всего Мишеля удивило то, как серьезно они относились к занятиям, когда один из них нападал, а другой защищался. При этом они не останавливались ни перед какими хитростями и презирали условности. Мишель восхищался братьями. Когда он учился, ему не было равных в джиу-джитсу среди товарищей по школе. Устраивая показательные схватки с целью изучения новых приемов, инструкторы избирали Мишеля своим противником. Как ученику, ему часто приходилось терпеть поражение. Но эти двое не щадили друг друга и вели себя, как в настоящей схватке. Вот Генри, отбиваясь, нанес брату ребром правой руки молниеносный удар прямо в висок, а тот перехватил его руку в нескольких сантиметрах от своего лица и закрутил ему за спину. Упав ничком, Генри захватил Альфреда левой рукой за шею и бросил через плечо. Альфред, падая на ковер, сразу же, как барс, перевернулся лицом к противнику. Генри тут же попытался нанести Альфреду удар ногой в незащищенный подбородок. После такого удара человек обычно попадает в госпиталь суток на десять. Альфред вовремя схватил занесенную для удара ногу.

Генри упал на ковер, а Альфред тотчас же оказался на нем, выкручивая ему ногу и вдобавок навалившись на него всем корпусом. Замычав от нестерпимой боли, Генри нанес Альфреду страшный удар в переносицу. Мишель слышал, как хрустнули хрящи. Инструктор наблюдал за схваткой с явной тревогой. Альфред тем не менее не выпустил своего противника. Изловчившись, он схватил брата за левую ногу и стал выкручивать ее вместе с правой. Время от времени он приподнимался сантиметров на десять и снова падал всей своей тяжестью на брата. Как только у Генри выдерживал позвоночник? Мишель, хорошо знавший, чем обычно кончаются подобные схватки, недоумевал, из какого материала сделаны эти парни. Когда Альфред приподнялся в третий раз, Генри все-таки удалось вывернуться, но он слишком ослаб, чтобы продолжать тренировку. Поэтому он просто сел и засмеялся. Альфред тоже засмеялся и сел рядом с Генри.

Инструктор смотрел на них в замешательстве.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Я хочу просить командира вообще прекратить занятия, иначе вы оба окажетесь в госпитале, не успев попробовать свои силы на немцах.

Как только инструктор вышел, Мишель расхохотался. Он получил огромное удовольствие от этого зрелища. Подойдя к братьям, он дружески стукнул их лбами.

— Не следовало бы, ребята, огорчать бедного инструктора, — сказал он, и за добродушным упреком слышались нотки удовлетворения: раз с ним два таких богатыря, «Сент-Ассис» вряд ли уцелеет.

Потом они упражнялись в стрельбе из пистолета «Стен». Все трое с увлечением стреляли по различным мишеням, которые внезапно появлялись из-за кустов или делали зигзаги. Пули попадали точно в цель. После утренней схватки Мишеля ничуть не удивило, что братья оказались первоклассными стрелками.

После стрельбы пили чай с печеньем прямо на лужайке. Потом до обеда рассматривали аэрофотоснимки радиостанции «Сент-Ассис» и ее окрестностей. В разведывательном управлении снимки увеличили, и они давали превосходное представление о местности. Сразу же бросалось в глаза, что с трех сторон — с юга, севера и запада — радиостанцию огибает Сена, причем западная граница территории проходит прямо по берегу. Значит, выбрасываться нужно на восточном берегу. На специальной крупномасштабной карте были тщательно подняты отдельные группы деревьев и все дороги, имеющиеся в радиусе десяти километров от места выброски. Инструктор показал поле, где выбросят Альфреда и Генри. Оно находилось в центре карты, в

пяти километрах к востоку от реки. Место выброски Мишеля находилось на три километра юго-восточнее. Его выбросят в час ночи, и он успеет зарыть парашют и дойти до леса — места встречи с братьями, расположенного более чем в километре восточнее ограды радиостанции.

Братья выбросятся в три часа ночи, так как идти до леса им значительно меньше.

Все трое заучили свои маршруты и названия близлежащих деревень. Мнение Мишеля относительно места сбора полностью совпало с мнением инструктора, тем более что рядом с учебным центром находился очень похожий лес. Рядом с ним поставили бетонные блоки. Когда разведчики начнут практиковаться в креплении взрывчатки на этих блоках, можно будет установить, сколько времени потребуется на операцию.

После обеда они пошли в лес, из которого виднелся огражденный объект. Инструктор посмотрел на Мишеля и сказал:

— Принимайте командование.

И Мишель приступил:

— Представьте, что мы пролежали здесь в укрытии весь день и не видели никого, кроме случайного прохожего. По правилам я должен вначале провести рекогносцировку один, чтобы освоиться с местностью. Так как мы будем в штатском, то неважно, если меня и заметят. Потом не торопясь мы всей группой подойдем к нашей цели. Двигаться будем по возможности бесшумно, стараясь не наступать на сухие ветки. Захватим с собой по пакету с перцем на случай, если собака Бруно проявит любопытство. После того как доберемся до ограды, я назначу вам другое место встречи, где-нибудь в кустарнике. Мы соберемся там, когда закончим свое дело. Я, по-видимому, освобожусь первым, так как мой бетонный блок находится ближе к ограде. Приближаясь к месту сбора, вы дадите о себе знать — просвистите мотив «Ла Мадлон» как можно тише и только первые два или три такта, вот так… — И Мишель засвистел, потом он продолжал: — Я вам отвечу свистом первых тактов «Мадам ля Маркиз», вот послушайте… Сейчас это немного смешно, но нужно разобраться во всех деталях днем, прежде чем приступить к тренировке ночью. Собравшись в кустарнике, мы возвратимся опять сюда, так как в этом направлении будет находиться дом, где мы сможем укрыться. Если придется бежать, то тоже в этом направлении. Все ясно?

— Ясно! — ответили в один голос Генри и Альфред.

— Тогда пойдемте.

И он медленно повел их. До ограды было около 800 метров. Братья, осторожно ступая, шли за Мишелем. Им нужно было хорошо запомнить местность, чтобы сориентироваться ночью.

Инструктор молча следовал за ними.

У ограды Мишель указал на кустарник, и братья кивнули в знак того, что поняли. Так же молча он указал на ближайший бетонный блок и дал понять, что займется им сам. Братья направились к другому, трехметровому блоку в девяноста метрах от первого. Одним прыжком Мишель вскочил на блок. Внимательно осмотрев три кольца, он определил толщину прикрепленных к ним стальных тросов. Для ночных тренировок у них будет учебная взрывчатка, они научатся крепить ее к кольцам и устанавливать взрыватель. Мишель посмотрел на гигантский бетонный блок, к которому подходили братья. Генри встал, прислонившись спиной к блоку, а Альфред, разбежавшись, поставил ногу на сомкнутые руки брата и в мгновение ока оказался наверху. Затем он лег на живот и протянул брату обе руки. Генри, подпрыгнув, ухватился за них. Альфред, поочередно перенося тяжесть то на левую, то на правую руку, поднимал Генри все выше и выше, пока тот не ухватился рукой за край блока. Тогда Альфред встал на колени и легко подтянул брата наверх. Осмотревшись, они начали, как и Мишель, обследовать кольца.

Мишель уже вернулся в условленное место и видел, как братья легко, по-кошачьи, спрыгнули на землю. Приближаясь к нему, они просвистели, как было условлено, и все вернулись в лес. В лесу, посмотрев на часы, Мишель сказал:

— Ну, мы проделали все за сорок пять минут. Ночью времени потребуется больше, да еще нужно будет укрепить взрывчатку. Так что, если нам ничто не помешает, хватит часа. — Потом, повернувшись к инструктору, спросил: — Ваше мнение?

— Днем все получилось хорошо. Только мне хотелось бы кое-что предложить.

— Выкладывайте! — сказал Мишель.

— Мне кажется, — начал инструктор, обращаясь к братьям, — что вам не следует вдвоем подниматься на блок. В любую минуту может прибежать собака, она начнет лаять, а вы наверху ничего не сможете сделать. Может появиться и охрана. На мой взгляд, одному из вас лучше остаться внизу и прикрывать другого.

— Я полностью согласен, — сказал Генри. — Я полезу наверх, а ты, Альфред, будешь прикрывать меня внизу.

— Ну да! Я не хочу участвовать в деле как наблюдатель.

— Хорошо, — сказал Мишель. — Мне понятны ваши чувства. Но чтобы не спорить, вы бросите жребий, а пока сделаем так: Генри полезет сегодня ночью, а Альфред — завтра.

Окончив тренировку, разведчики вернулись к себе и после

чая вышли на лужайку. Братья стали упражняться в прыжках и сальто. Они не нуждались в уроках по приземлению с парашютом, а просто использовали каждую свободную минуту для занятий физическими упражнениями.

Позднее в комнате отдыха читали газеты и до темноты развлекались разговорами. Много шутили в адрес Альфреда, у которого сильно распух и посинел нос. Настроение у всех было отличное. Офицеры-инструкторы относились к братьям с явным уважением.

После ужина взяли на складе учебную взрывчатку, изготовленную местными специалистами. Каждый получил по три продолговатых пакета пластической взрывчатки, обернутой в тонкую прочную ткань. Пакет, весивший около полукилограмма, плотно прилегал к стальному тросу по окружности и крепился на нем двумя тесемками с пряжками. Пакеты соединялись между собой детонирующим шнуром, и к одному из них крепился химический взрыватель в виде карандаша. Они внимательно осмотрели все это и сложили в два рюкзака, один для братьев, другой для Мишеля. Когда совсем стемнело, они отправились к месту операции в сопровождении инструкторов. Тот инструктор, который занимался с ними днем, повел разведчиков в лес, а остальные остались наблюдать за операцией у трехметрового бетонного блока, который был, конечно, гвоздем программы всего вечернего представления.

Как только группа остановилась у опушки леса, Мишель сказал:

— Ну, это уже больше похоже на действительность! Сегодня мы в полном снаряжении. У нас есть пистолеты с запасными обоймами и даже взрывчатка, правда учебная. Приступив к делу, мы сразу потеряем друг друга из виду. Поэтому, когда подойдем к кустарнику, я еще раз покажу, где мы должны встретиться. Как только соедините все три пакета, согните химический взрыватель. Он сработает через десять минут. Инструкторы захватили с собой лестницу и потом проверят весь ли шнур сгорел, правильно ли прикреплена взрывчатка, словом, всю работу. Не обращайте внимания на присутствующих и действуйте как можно тише, ибо на тишину будет обращено основное внимание. Понятно?

— Понятно! — ответили братья.

— Генри, — сказал Мишель, — вы возьмете рюкзак, и, когда будете наверху блока, Альфред передаст вам пистолет. Пошли.

Они двигались по изученному в дневное время маршруту медленно и осторожно, в полном молчании. Легкий ветерок дул в лицо. В такой кромешной тьме Мишелю только по памяти удалось привести их к месту встречи в кустарнике. Затем

двинулись к первому блоку. Когда подошли к нему, Мишель остановился, а братья направились дальше.

Мишель забрался наверх и закрепил на тросах пакеты с взрывчаткой, тщательно затянув тесемки с пряжками. Проверив на ощупь, что детонирующий шнур не перекрутился, он взял в руку химический взрыватель. Прежде чем согнуть его, он немного помедлил, всматриваясь в темноту. В направлении другого блока Мишель различил какие-то неясные силуэты. Он напряженно прислушался, но оттуда не донеслось ни единого звука. Тогда он согнул взрыватель.

Не торопясь, Мишель вернулся той же дорогой к месту встречи. По светящемуся циферблату ручных часов он засек время. Через три минуты послышались осторожные шаги, а затем легкий свист на мотив «Жду тебя». Мишель не обратил на это внимания, так как сразу догадался, что какой-то шутник-инструктор пытается разыграть его. Свист прекратился. Человек сел на землю. Вскоре Мишель опять услышал шорох. Подходили двое. Вот едва уловимо прозвучали начальные такты «Ла Мадлон». Он просвистел в ответ «Мадам ля Маркиза» и вышел из укрытия, когда Генри и Альфред подошли совсем близко.

В полном молчании разведчики направились обратно в лес. Пока они шли, раздалось два негромких взрыва с интервалом в семь — десять секунд. На всю операцию, вместе с возвращением в лес, ушло сорок шесть минут.

Снова направились к блокам и встретились с идущими оттуда инструкторами, те сказали, что все проведено согласно графику. Работа выполнена качественно и бесшумно. Начальник учебного центра предложил пойти в бар и обсудить все более подробно.

В баре, подняв бокал, он поздравил разведчиков с прекрасно проведенной тренировкой. Мишель, предложив тост за его здоровье, сказал:

— Спасибо за устройство этих сооружений. Иначе нам пришлось бы идти на задание вслепую. Теперь мы проделали все до мельчайших деталей, и, если не будет непредвиденных помех, дела пойдут как по маслу.

Потом они пошли спать, но, перед тем как лечь, снова все обсудили. Всем троим было ясно, что во французском отделе немало потрудились и тщательно подготовили операцию. Нерешенной оставалась одна проблема — где укрыться после окончания операции. Но об этом позаботится Бакмастер.

На следующий день с утра занялись физическими упражнениями, стрельбой из пистолетов и изучением карт. Днем совершили 25-километровый переход по сельской местности, где были сняты все указательные знаки (впрочем, как и по всей

Англии во время войны). Ориентировались по компасу. Это было необходимо на случай, если после операции им придется бежать, полагаясь только на себя. Кроме того, переход оказался хорошей физической тренировкой.

Ночью они прорепетировали все сначала, практикуясь в креплении взрывчатки на бетонных блоках. Теперь, хорошо ориентируясь, они все проделывали значительно быстрее. Еще больше окрепла вера в успех.

На третий день поехали в Рэгби и осмотрели радиостанцию. Здесь разведчики убедились, что сооружения станции мало чем отличаются от искусственных конструкций, с которыми они освоились в учебном центре.

Мишеля удивило то обстоятельство, что радиостанция «Рэгби» не охранялась. Ее охрана не входила даже в функции отрядов местной обороны. Мишель утешался надеждой, что к охране радиостанции «Сент-Ассис» относятся столь же халатно[7].

Глава II
ОЖИДАНИЕ

Тренировки окончились. Теперь разведчики знали наверняка, что им предстоит делать. На один день их вызвал к себе Бакмастер, чтобы оформить документы и сообщить легенды. Чуть ли не целый день провозились с документами для братьев Ньютонов. А Мишелю нужно было еще ознакомиться с их легендой, на случай если всех схватят вместе.

Альфред и Генри провели два часа с де Гели, который занимался всеми вопросами, касающимися их задания. С Мишелем беседовал Бакмастер. В частности, он сообщил, что в сортировочном лагере они получат все снаряжение: пистолеты «Стен» с шестью обоймами каждый, взрывчатку, два рюкзака, яд и двухсуточный рацион.

— Хочу сообщить вам приятную новость. Мы нашли дом, где можно спрятаться. Это ферма с фруктовым садом, называется ла-Пепиньер. Она находится в восьми километрах восточнее Сен-Лё. Я обозначил ее на карте. Пойдете лесом, придерживаясь вот этой дороги, которая идет с востока на запад. Она вас приведет к ферме. Можете взять с собой карту и показать ее Ньютонам. Здесь вы пересечете дорогу, чтобы подойти к ферме ла-Пепиньер полями. Пароль такой: «Bonsoir, Monsieur. Je suis Françesco d'Assisi»[8].

На калитке с задней стороны дома вы увидите деревянную дощечку с названием фермы. Там вас будет ждать старик. Имя его Паскаль. У него огромные седые усы и желтые зубы. Под домом есть потайной погреб. Укроетесь там недели на две, пока все не успокоится.

Я свяжусь с вами, и вас перебросят домой на самолете. Ну как?

— Знаете, если что-нибудь и случится, то вашей вины в этом не будет. Впервые мне приходится браться за операцию, настолько хорошо подготовленную.

— Сейчас, как никогда, нам помогали все ведомства. Между прочим, вы по-прежнему считаете, что налет должен состояться в двадцать три ноль-ноль?

— Да. Практика подтвердила, что время выбрано правильно.

— Хорошо. Сегодня двадцать четвертое мая. Значит, налет наших самолетов состоится двадцать восьмого в двадцать три ноль-ноль.

Потом Бакмастер спросил:

— Какое впечатление произвели на вас Ньютоны?

— Впечатление потрясающее, и я рад тому, что не они будут моими противниками.

— Я знал, что они понравятся вам. Говорят, в учебном центре они всех переполошили? Этой операцией интересуются многие, даже сам Уинстон Черчилль…

Позавтракали все вместе в ресторане «Коукилл». Затем до конца дня Мишель изучал легенду братьев. Майор де Гели предложил им поверх штатских костюмов надеть военную форму, на случай если они неожиданно столкнутся с противником сразу же по приземлении. На это Генри заметил:

— Когда нас окружат и у нас кончатся патроны, нас схватят и, обнаружив наши штатские костюмы под формой, все равно расстреляют как шпионов.

— Не обязательно. Нет закона, запрещающего воздушно-десантным войскам высаживаться на оккупированной территории. Никто не докажет и того, что вы намеревались снять военную форму после приземления. Даже летчики иногда надевают штатские костюмы под форму, чтобы иметь больше шансов скрыться, если их самолет собьют. В конце концов это ваше дело, но я решительно вам советую.

— Я, пожалуй, так и сделаю, — сказал Мишель. Братья тоже согласились, что от этого они ничего не теряют, только жарковато будет…

— Отлично, — сказал де Гели, — тогда мы снабдим вас всех военными документами. И если все обойдется благополучно, вы их зароете вместе с формой после приземления, а уж если что-нибудь случится, уничтожите французские документы, иначе вам не оправдаться.

— Я все же думаю придерживаться прежнего плана, — сказал Альфред. — Я недостаточно находчив, чтобы вовремя сориентироваться, и предпочитаю лететь в штатском с французскими документами. Если что-нибудь случится, я постараюсь израсходовать свои патроны все до последнего и не забуду, где у меня спрятан яд.

— Мне этот план тоже больше подходит, — сказал Генри.

— А как вы, Мишель? — спросил де Гели.

— Мне кажется, они правы. Я согласен на этот упрощенный вариант.

— Хорошо. Мне понятно ваше настроение, — сказал де Гели. — Возможно, вы правы.

Занялись легендами, а когда покончили с ними, серьезных вопросов больше не оставалось.

Работа с бумагами вымотала их больше, чем

пятидесятикилометровый пеший переход. Поэтому все с удовольствием поехали на автомобиле в Темпсфорд Хауз — так назывался сортировочный лагерь в Бедфордшире.

Прощаясь с Мишелем и братьями, Бакмастер и де Гели обещали приехать перед их вылетом, а пока они будут поддерживать с ними постоянную телефонную связь.

У ворот лагеря часовой справился у девушки-шофера о пассажирах, позвонил куда-то и только тогда пропустил машину.

Сортировочный лагерь ничем не напоминал обычный лагерь. Это было прекрасное загородное имение с огороженными садами и огромными лугами. Мишелю оказали радушный прием: несмотря на правила конспирации, люди, работающие в подобных заведениях, просто не в силах сдержаться и не полюбопытствовать у начальства, что стало с теми, кто прошел через лагерь. Начальству же было приятно сообщить, что такой-то (или такая-то) вернулся цел и невредим. Когда кто-то не возвращался, говорили, что он в длительной командировке.

Мишель представил братьев Ньютонов молодому начальнику майору Арчи Роузу, который сразу повел всех троих в буфет. Он позаботился, чтобы им наливали все, что они пожелают. Со свойственным ему радушием, какое, впрочем, и следовало ожидать в подобном месте, он быстро добился того, что они почувствовали себя, как дома. Атмосфера установилась непринужденная, и никому из отъезжающих и в голову не приходило спрашивать, почему другие остаются, или, тем более, дурно думать о них.

Каждый поступает согласно своей совести и в меру своих способностей. Но это чувствовали только те, кто оставался. Мишель, Ньютоны и многие другие, подобные им, никогда над этим не задумывались. Единственное, что они хотели замечать и замечали, — так это плохо или хорошо их кормят и с подобающим ли вниманием относятся к их запросам. А в этом отношении персонал лагеря, начиная от начальника и кончая последним из его подчиненных, упрекнуть было нельзя.

В лагере ежедневно устраивались развлечения. Разведчики участвовали в различных спортивных состязаниях, в которых также выступали и девушки из корпуса медицинских сестер. Словом, здесь, как и в учебном центре номер 17, царила приятная атмосфера. Изредка девушек перемещали по службе, чтобы они имели возможность познакомиться с работой в других местах. Но они умели хранить тайну не хуже мужчин, может быть лучше. Присутствие девушек в разведывательных школах, как и повсюду в вооруженных силах, имело успех.

Чтобы отвлечь разведчиков от грустных размышлений,

начальник сортировочного лагеря постоянно находил для них какие-нибудь дела. Помимо этого, они, конечно, продолжали изучать карту местности и работали над легендами. Время от времени Мишель бегло разбирал со своими товарищами различные моменты операции. Мишель задавал братьям вопросы, желая лишний раз убедиться, что они все запомнили не хуже его самого. На случай неудачи они разработали несколько резервных вариантов к своему основному плану. Но вот наконец все было закончено.

Стояла чудесная погода. Наслаждаясь прелестями Бедфордширского имения, они не заметили, как пролетели пять дней.

В полдень 28 мая Бакмастер и де Гели, верные своему слову, приехали в лагерь. Они объявили, что синоптики предсказывают летную погоду. Последние напутствия заняли остальную часть дня. Мишель передал де Гели пачку писем для своих родителей с просьбой пересылать их из различных учебных лагерей в дни, указанные на обороте. В случае если с операцией произойдет что-нибудь неладное, родители будут получать раз в месяц обычные, ничего не значащие письма. Мишель верил, что фортуна поможет ему вернуться целым и невредимым, вопреки всем обычным законам, тяжесть которых он уже не раз испытывал на себе. В глубине души он надеялся, что проживет еще долго и поработает как следует, прежде чем счастье и удача отвернутся от него.

Став старше и опытнее, он с юношеской пылкостью был готов на все. Но если в прошлом он стремился добиться цели любой ценой, время и жизненный опыт научили его осмотрительности. Вот почему он так тщательно готовил свою операцию. Он хотел свести риск к минимуму, чтобы вернуться и поделиться опытом с другими, а самому взяться за следующее дело, еще более зрелым и опытным. Чем больше предосторожностей он принимал перед операцией, тем больше крепла вера в ее успех и тем меньше он боялся за себя. Вместе с тем он знал, что совсем страх не исчезнет. Это враг, с которым нужно бороться каждый раз и который со временем не слабеет.

Братья Ньютоны наслаждались солнцем. Им некому было писать. После незабываемого чаепития под тенью старого дуба (незабываемого потому, что спокойная окружающая обстановка была настолько не похожа на ту, с которой им предстояло встретиться всего через несколько часов) трое диверсантов в сопровождении Бак-мастера, де Гели и начальника лагеря пошли на склад проверить приготовленное для них снаряжение. Войдя в помещение, они увидели три аккуратно сложенных десантных комбинезона цвета хаки. В специальном кармане комбинезона

находилась маленькая острая лопата, а на шнурке был прикреплен большой складной нож. У каждого комбинезона лежали заряженный кольт с тремя запасными обоймами, пистолет «Стен» с шестью обоймами, пакетик с перцем, электрический фонарик, пояс с уложенными в нем 100 тысячами франков, пакет с бутербродами, фляжка с водой, фляжка с ромом, компас и пустой вещевой мешок. На столе лежали два рюкзака, а рядом — боевая взрывчатка и две жестяные коробки, в каждой по три химических взрывателя и капсюли к ним. Заблаговременно прикрепить взрыватели к взрывчатке не рискнули из-за опасения, что они могут случайно сработать во время полета, который будет продолжаться около двух часов.

На небольшом столике лежали три картонные коробочки со смертоносными таблетками.

Все молча рассматривали эти принадлежности. Бакмастер сказал:

— Эксперты посоветовали мне передать вам, что для абсолютной гарантии вы должны придерживаться следующего порядка: закрепив по куску взрывчатки на каждом из трех тросов и проверив, надежно ли они соединены между собой детонирующим шнуром, вы нащупываете отверстие в одном из кусков. Найдя его, открываете банку, прилаживаете капсюль к взрывателю и втыкаете туда взрыватель капсюлем вперед. (Извините меня за такую подробность, но в темноте легко перепутать.) Воткнув взрыватель, прочно закрепите его во взрывчатке, а затем проделайте то же со вторым куском, совершенно неважно которым, так как все три соединены шнуром. И когда оба взрывателя будут на месте, только тогда можно согнуть их. Сгибать нужно почти одновременно. Не сгибайте первый взрыватель, пока не закрепите второй, если, конечно, не придется срочно уходить. Согнув один взрыватель, вы станете нервничать, а это затруднит поиски отверстия во втором куске взрывчатки. Третий взрыватель с капсюлем — запасной. Все понятно?

— Понятно, — сказал Мишель и, посмотрев на братьев, спросил: —А вам?

— Все ясно, — подтвердил Генри, который обычно отвечал за двоих.

Чтобы не обидеть братьев, Мишель не стал заставлять их повторять слова начальника, а сделал это сам и слово в слово пересказал последовательность действий.

Де Гели вручил им французские документы. Все трое одели пояса с деньгами, повесили через плечо кобуры, рассовали по карманам запасные обоймы с патронами для кольта, банки со

взрывателями и таблетки с ядом. Остальное имущество было вверено охраннику, который должен был отвезти его на аэродром в грузовике.

После этого пошли в буфет. Начальник лагеря под каким-то предлогом оставил их одних. Захватив по бокалу с вином, вышли на лужайку. Было за полдень, и вокруг стояла навевающая сонливость тишина. Они наслаждались последними драгоценными минутами в этой блаженной обстановке. Поблизости, под деревом, сидели девушки из корпуса медицинских сестер, образуя живописную группу вокруг своей начальницы миссис Бингхем. Девушки слышали, какое снаряжение хранится на складе, и понимали, что готовится нечто серьезное. Время от времени они искоса поглядывали на пятерых мужчин, стараясь рассмотреть тех троих, которые уедут после ужина. Они восхищались всеми, кто проходил через лагерь, и потом гадали о судьбе каждого.

Мужчины подошли к девушкам. Бакмастер предложил им присоединиться к компании и, осведомившись, что они будут пить, вместе с де Гели пошел в буфет.

— Что бы вы хотели заказать на ужин, Мишель? — спросила миссис Бингхем.

— То же, что и в прошлый раз, — сказал Мишель, решив подшутить над ней: чья память способна выдержать такую проверку, когда приходится кормить столько людей?

— Энн, позаботься, чтобы Мишель получил яичницу из трех яиц, бекон, жареный картофель, подсушенный хлеб с маслом и ром «Нельсон». — Она торжествующе улыбнулась Мишелю, перед тем как выяснить, что закажут братья.

Они стали раздумывать, а Мишель растерянно молчал, пока кто-то из компании не окликнул его.

Вернулись Бакмастер и де Гели и принесли напитки. Посыпались веселые шутки, смех не умолкал почти до самого ужина.

За ужином все пятеро сидели вместе, потому что им еще многое надо было сказать друг другу. Бакмастер, хотя и был уверен, что дело закончится быстро, все же посоветовал помнить, что Альфреда зовут Жан, а Генри — Винсент. Если даже им и не придется звать так друг друга, все равно сообщения из Лондона о их переброске из тыла врага будут посылаться на эти имена. Он снова спросил, все ли им ясно и нет ли каких-нибудь хоть малейших сомнений. Он хотел также убедиться, что каждый из них точно знает, как добраться до ла-Пепиньер.

Да, теперь они были готовы. Все, что нужно делать, они знали на память.

Но вот ужин окончен, оставалось лишь сделать по последнему глотку из кружек. Мишель, который летел первым в 23 часа, увидел по своим часам, что ему пора. До аэродрома ехать четверть часа, а там еще час ждать вылета. У дома уже стоял автомобиль, должно быть на аэродром, так как в той части кузова, где размещается заднее сиденье, были задернуты черные занавески. Делалось ли это для того, чтобы укрыть пассажиров от любопытных глаз, или, наоборот, чтобы укрыть от глаз пассажиров аэродром, — этот вопрос Мишель всегда забывал выяснить. Во всяком случае, черные занавески казались ему чем-то зловещим.

Не дожидаясь напоминания, Мишель объявил, что пора ехать.

Все пятеро медленно направились к машине, вокруг которой, словно по мановению волшебной палочки, мгновенно собралась толпа. Мишель, прощаясь с Альфредом и Генри, сказал:

— До скорой встречи в лесу. — Он также пожал руку де Гели, который оставался с братьями, чтобы проводить их на аэродром и отправить на самолете в час ночи. Бакмастер провожал Мишеля. Они сели в машину на заднее сиденье. Раздвинув на своей стороне занавески, Мишель попрощался с начальником лагеря, с миссис Бингхем и поблагодарил их за все заботы.

Машина рванулась с места. Мишель помахал на прощание рукой. Оставшиеся махали вслед, пока машина не скрылась за первым поворотом.

В пути говорили мало. Мишель был под впечатлением приятных проводов и добрых пожеланий. Действительно, волнующий момент.

На аэродроме их встретил командир базы. Бакмастер представил ему Мишеля. Когда вошли в помещение, Мишеля познакомили со штурманом четырехмоторного бомбардировщика «Галифакс», на котором его доставят к месту выброски. Штурман подвел Мишеля к столу и показал карту окрестностей радиостанции более крупного масштаба, чем та, которую Мишель видел до этого. Ткнув карандашом в точку километрах в восьми восточнее радиостанции, штурман сказал:

— Здесь мы предполагаем сбросить вас. Это как раз между рекой и дорогой, идущей почти параллельно ей. Как видите, дорога проходит западнее реки. Это обычная проселочная дорога, но отыскать ее нетрудно или по звездам (сегодня они сверкают необыкновенно ярко) или по компасу.

— Понимаю, — сказал Мишель, разглядывая карту. На память зная весь район в радиусе десяти миль, он сразу понял, что где-то недалеко от этой точки находится ферма ла-Пепиньер. Но карта была более крупного масштаба, и он не сразу отыскал

ферму. Установив, что от места приземления до фермы меньше километра, он обрадовался и, взглянув на штурмана, сказал:

— Спасибо! Я отлично все запомнил.

Потом они перешли в другое помещение, где находилось снаряжение, доставленное со склада. Он надел десантный комбинезон и застегнул молнию. Затем ему приладили за спиной парашют, пристегнув все четыре лямки к круглой хромированной пряжке на груди. Чтобы освободиться от этой сложной подвесной системы, достаточно было повернуть зажим против часовой стрелки и одним движением отстегнуть сразу все лямки. Мишель опустил компас в карман брюк комбинезона и застегнул пуговку. Кроме этого кармана, на его комбинезоне с каждой стороны было еще по три. Инструктор рассовал по ним шесть снаряженных запасных обойм к пистолету. После приземления их следовало переложить в рюкзак, на дне которого лежали три куска взрывчатки, солидный пакет с бутербродами и несколько пачек французских сигарет.

Навьючив на себя это тяжелое снаряжение, Мишель стал примерять резиновые шлемы. Ему подошел первый же шлем.

Инструктор стал объяснять, как крепится пистолет. Пистолет мог потребоваться еще до приземления, и поэтому его зарядили. Чтобы открыть огонь, достаточно снять курок с предохранителя. Мишель попробовал, легко ли вытаскивается пистолет. Так как за спиной уже висел парашют, дотянуться до пистолета было почти невозможно. Инструктор объяснил, что, когда раскроется парашют, пистолет достать будет очень легко.

Мишеля украсили всем. этим снаряжением, словно рождественскую елку. Его радовало одно то, что ему не придется идти пешком с таким грузом.

Когда рюкзак и пистолет сняли, он почувствовал, что стал легким, как перышко, но по-прежнему было очень жарко.

Они снова сели в машину и прямо через аэродром подъехали к капонирам, где, замаскированные деревьями, стояли гигантские бомбардировщики. У соседних капониров собрались небольшие группы людей, среди них — по одному или по два человека с парашютами.

— Беспокойная ночь, — сказал Мишель Бакмастеру.

— Да, — ответил тот. — В такую погоду, как сегодня, все отделы стараются протолкнуть своих ребят как можно быстрее. Возможно, завтра будет дождь или здесь, или в Чехословакии, Бельгии, Голландии, Норвегии, или в Польше. Плохая погода — наш бич, и, возможно, некоторые из них долго дожидались такой ночи. Сегодня погода отличная.

В этот момент к бомбардировщику подъехала маленькая

машина. Из нее выскочил де Гели. Он подошел прямо к Мишелю, у него было мрачное выражение лица.

— Даже не знаю, как и сказать, — начал он неуверенно.

— Что такое, Жак? — спросил Мишель, предчувствуя недоброе.

— К радиостанции перебросили для охраны до батальона немцев. Нам только что сообщили об этом. Операция откладывается.

— Черт возьми! — простонал Мишель.

Оба майора молча переглянулись. Что они могли сказать? Такие вещи случаются часто, и их не избежать. Но сами они давно привыкли к подобным разочарованиям, а вот каково агентам! Мишеля словно дубиной по голове стукнули. Он как-то сразу обмяк, руки безжизненно повисли. Рядом с огромным могучим бомбардировщиком он выглядел теперь особенно жалким.

Оба начальника сочувственно смотрели на него. Ведь и они только что верили в то, что Мишель и Ньютоны на длительное время выведут из строя «Сент-Ассис» и тем самым значительно затруднят деятельность немецких подводных лодок[9].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I
ОРГАНИЗАТОР

Прошло три месяца. Мишеля посылали то на одни, то на другие курсы и пока держали в Англии, собираясь направить во Францию не иначе, как с самостоятельным заданием, для чего он, по мнению начальства, был наиболее подходящей кандидатурой. Намеревались послать его в Швейцарию, но дальше разговоров дело не пошло. Предложение послать Мишеля во Францию с целью подыскания подходящих площадок для посадки самолетов также было отклонено, потому что с подобной задачей справились бы не хуже, а, пожалуй, даже лучше уже находящиеся там люди.

Хотя время от времени кто-нибудь из адмиралтейства советовался с Мишелем о возможности высадки агентов в различных пунктах побережья (кроме того, Мишель не прекращал тренировок как диверсант и парашютист), он не знал, куда деться от скуки. События, которые до сих пор сменяли одно другое с точностью часового механизма, казалось, замерли на месте.

Но как и всем другим, ему приходилось считаться с обстановкой и, набравшись терпения, ждать. Он знал, что далеко не все складывается так, как хотелось бы. Разве можно забыть те одиннадцать бесплодных лет, в течение которых он, окончив Кембридж, переходил с одной службы на другую в поисках своего призвания? После двух успешно выполненных заданий он было обрел уверенность, что наконец-то нашел себя. Но теперь снова потерял эту уверенность.

На операции «Сент-Ассис» поставили крест. Макет радиостанции разобрали, и все, кроме Мишеля, занялись другими делами. Бакмастер сказал, что ему, Мишелю, здорово повезло: если бы сведения о немцах не поступили вовремя, он приземлился бы прямо им в руки. Что бы тогда он подумал о тех, кто готовили операцию? Он, конечно, не стал бы никого винить в случившемся. Подобные дела всегда связаны с риском. Когда работаешь в строгой изоляции, не зная, чем занимаются другие, всегда может оказаться, что кто-то еще занят тем же, на том же месте и в тот же час. Меньше всего Мишель мог предполагать, что в недалеком будущем сам окажется свидетелем такого рокового совпадения.

Во второй половине августа 1942 года шеф вызвал его к себе и сказал:

— Наконец я могу кое-что предложить, Мишель. Правда,

задание не вполне соответствует вашему профилю. Не знаю, возьметесь ли…

— Сейчас я готов взяться даже за отскабливание ракушки с днищ фелюг, — ответил Мишель.

— Ну, для этого у нас достаточно охотников.

— Я весь — внимание. Что вы имеете в виду?

— О, дело это большое, трудное, со множеством нераскрытых возможностей.

— Обычный удел тех, кто находятся в тылу врага? — спросил Мишель.

— Да, если хотите, так. Но это действительно большое дело, Мишель. Я хочу послать вас как офицера для связи при одном человеке по имени Карте, который руководит Сопротивлением в юго-восточной зоне. В зону входит семнадцать городов, и в деле заняты сотни людей. Там создается огромная организация. Мы выбрали вас потому, что вы встречались с Карте через Луи во время первой поездки. Ваша резиденция будет в Канне, место для вас не новое.

— Сколько времени Карте руководит организацией?

— Месяц или около этого.

— Есть ли у него кто-нибудь из наших?

— Был… Недавно схвачен.

— Вот как! — воскликнул Мишель. — Я его знаю?

— Да. Боюсь, это ваш старый друг Лоран. Помимо всего прочего, вам нужно будет попытаться освободить его.

— Понимаю, — медленно протянул Мишель. — Другие мои обязанности?

— Кроме работы в организации Карте, вам нужно будет войти в контакт с ячейками Лорана. Люди, естественно, притаились и будут противиться тому, чтобы кто-то заменил их старого начальника. Этот вопрос полностью отдаем на ваше усмотрение. Сами решите, что сможете здесь сделать. Теперь в общих чертах о деле, — продолжал Бакмастер. — Вас сбросят где-нибудь около Монпелье. Там вы сядете на поезд и поедете в Канн. Мы дадим вам точное расписание поездов. Остановитесь ненадолго у Антония, адрес которого получите позже. Обязанности Лорана временно исполняет Пьеро, наш человек из главного управления. Он интересовался мнением Карте о назначении вас в Канн, Карте ответил положительно. Вам нужно будет организовать прием сброшенного на парашютах оружия и взрывчатки, обеспечить встречу людей, высаживаемых с фелюг, подобрать посадочные площадки для «лизандеров» и «гудзонов» и, кроме того, подготовить диверсии на всех железных дорогах в вашем районе. Перед отъездом вам дадут текст условного сообщения Би-Би-Си,

которое, когда настанет время, будет передаваться открыто через каждые полчаса в течение дня. Сообщение означает, что железнодорожные пути нужно взорвать в эту же ночь, после того как все французские пассажирские поезда прекратят движение. Только для вашего сведения скажу, что это произойдет за два дня до высадки наших войск.

Вы будете отвечать за финансирование группы. Общая сумма ежемесячно составляет около миллиона франков. Триста с лишним членов группы получают в месяц по три тысячи каждый. На эти жалкие гроши прожить трудно. Руководители совсем ничего не получают. Деньги будем посылать регулярно. Поскольку это неоккупированная часть Франции, пока пусть все остается по-прежнему. Никаких диверсий. О конкретных задачах, на которые нужно будет обратить внимание, вам в свое время сообщат. Все ли ясно?

— Вполне, — сказал Мишель. — Это так же захватывающе, как наблюдать за мухами, ползающими по дохлой селедке.

— В вашем распоряжении будет инструктор, — невозмутимо продолжал Бакмастер, — по имени Жерве. В тех краях он обучает местных ребят и делает из них специалистов. Там же есть инструктор разведывательно-диверсионной подготовки Робер, который работает в Антибе самостоятельно. Радист — ваш старый друг Жюльен. Вашим помощником будет Портос. Он подробно расскажет о положении дел Лорана. До сих пор там нет агента-связника. Подберите его на месте. В настоящее время мы готовим для этой работы женщин и, если потребуется, порекомендуем вам одну из них. Кроме подготовки диверсий на железных дорогах, ваша вторая задача — сообщать нам, где скрывается французская молодежь, которая бежала в горы, чтобы не попасть на принудительные работы в Германию. Если какие-нибудь из этих групп сочтете достаточно крупными и в них найдутся решительные и достойные командиры, сообщите нам, где они базируются, а мы сбросим там оружие и превратим их в партизанские отряды.

— Замечательно, — вставил Мишель. — Может быть, и мне разрешат вступить в партизаны?

— Очень возможно, — начал было Бакмастер, но, поймав радостный взгляд Мишеля, добавил: — Давайте сначала найдем такие группы и вооружим их!

— Когда мне отправляться, сэр?

— С наступлением лунных ночей. Но, Мишель, не забудьте, что я сказал вначале: дело это не вполне соответствует вашему профилю. Вы понимаете, что, как руководитель, вы должны поручать работу другим, а сами оставаться в тени. Все

распоряжения вы передаете своему помощнику, а он обеспечивает их выполнение. По правилам, вы вообще больше ни с кем не должны вступать в контакт. Но на практике это оказывается почти невозможным, и тем не менее следует как можно тверже придерживаться этого правила. Помните, Мишель, если вы не свыкнетесь с этой мыслью, лучше вовсе не браться за дело. Это скорее дипломатический пост. Помимо всего прочего, не допускайте распрей между своими людьми. Согласованность — основа всей работы.

— Я принимаю предложение, — быстро ответил Мишель, на которого слова «высадка наших войск» и «партизанские отряды» произвели магическое действие.

— Между прочим, вам придется возиться и с бумагами. В дополнение к радиограммам вы будете посылать донесения, касающиеся общей обстановки. Это вас не очень обременит. Вера Аткинс как-то рассказывала мне, что некоторые ваши донесения старались разобрать всем отделом, так что даже работа приостанавливалась. Продолжайте писать в том же стиле, а для фамилий употребляйте свой код. Если донесения попадут в чужие руки, их не смогут расшифровать. Подписывайтесь — «Рамон».

Мишелю вернули старое удостоверение личности с именем Пьера Шовэ и документы о демобилизации из французской армии, выдали комплект французской одежды, пояс с деньгами, продовольственные карточки и талоны на табак. Небольшой чемодан с сорочками, носовыми платками, бритвенными принадлежностями и сменой белья будет прикреплен к его парашюту. Когда парашют раскроется, чемодан окажется у него над головой.

27 августа 1942 года он снова прибыл в чудесный лагерь «Темпсфорд Хауз». Несмотря на то что именно здесь он пережил огромное разочарование, так охладившее свойственный ему пыл, он все же не мог не признать, что гостеприимство в лагере по-прежнему на высоте.

И вот он снова едет на аэродром. Чудесный летний вечер. Далеко на горизонте светится ободок заходящего солнца. В капонире — гигантский «Галифакс», похожий на сказочную птицу. Через какие-то минуты его четыре мотора взревут, нарушив мирную тишину вечера. Мысль, что через несколько часов он окажется по ту сторону фронта среди хаоса потрясенной войной Европы, заставила невольно содрогнуться. «Снова в путь!» — подумал Мишель про себя.

Подкатила маленькая машина с экипажем «Галифакса», и внезапно нахлынувшее нервное возбуждение тотчас исчезло. Очевидно, ему передалась спокойная уверенность летчиков.

— Отличная погода для полета, — сказал командир экипажа, — штурман выбросит вас точно там, где ему показали на карте. В полете я не могу покинуть свое место, чтобы попрощаться с вами, поэтому заранее желаю вам большой удачи. — С этими словами он пожал Мишелю руку.

Потом штурман представил выпускающего:

— Это Янек, поляк. Говорит по-английски не блестяще, но все понимает. В нужное время он даст вам бутерброды и кофе с ромом и скажет, когда подойти к люку. Когда будем близко, я включу красный сигнал у люка. Янек поднимет руку и подождет, пока загорится зеленый сигнал. Потом крикнет: «Пошел!» и опустит руку. Он будет также слышать мои указания по переговорному устройству.

Если вы выпрыгнете точно по команде, то приземлитесь самое большое в десяти метрах от места, которое отмечено на карте.

Мишель пожал руку сопровождающему его Андре Симону.

Один мотор уже заработал, и пора было садиться в самолет. Мишель крикнул прямо в ухо Симону:

— Спасибо, что пришли проводить! — И забрался в самолет.

Теперь проверяли сразу все четыре мотора, и «Галифакс» содрогался от напряжения, но оставался на месте, удерживаемый колодками. Затем газ сбросили, и моторы заработали на малых оборотах. Пилот доложил на вышку, что готов выруливать для взлета.

Тормозные колодки убрали, моторы снова взревели, и гигантская птица медленно двинулась по рулежной дорожке к дальнему концу взлетной полосы. Там самолет развернулся и стал ждать разрешения с вышки.

Мишеля попросили пересесть ближе к носу, и через открытые двери кабины ему стала видна взлетная полоса, простирающаяся километра на три прямо перед ними. Он подумал, что для разбега потребуется почти вся полоса, так как в эту ночь не было встречного ветра. Но вот тридцатитонная машина устремилась вперед со все нарастающей скоростью. Огоньки взлетной полосы замелькали и как-то сразу очутились далеко внизу под самолетом, который метр за метром набирал высоту.

Мишель и выпускающий вернулись на свои места, а хвостовой пулеметчик закрыл за собой дверь. Свет в самолете выключили, лишь маленькая красная лампочка светилась над закрытым люком.

Мишель прилег, положив голову на рюкзак. Самолет развернулся, взяв курс на Монпелье. Мишель лежал с полузакрытыми глазами в каком-то странном состоянии.

Операция началась, нужно быть готовым ко всяким неожиданностям. В любую минуту их могут атаковать ночные истребители, а над Францией — обстрелять зенитки. Но ему было все безразлично. Если самолет подобьют и он загорится, ему скажут, когда прыгать. По приземлении он будет действовать исходя из обстановки. Что бы ни случилось в полете, его совесть спокойна. Как еще можно относиться к подобным случайностям? Если человек спокойно переходит улицу, а его сбивает машина, нарушившая правила уличного движения, в чем он может упрекнуть себя? Ведь правила нарушил не он! Судьба оказалась несправедливой к нему, но по поводу такой несправедливости даже сам апостол Петр сказал бы, в смущении поглаживая бороду: «Что ж, браг, не повезло. Такое не часто случается…»

Сейчас Мишеля беспокоило лишь то, чтобы в нужный момент набраться решимости и сразу же по команде выброситься из люка. При скорости 230 километров в час каждая секунда промедления означает лишние 80 метров пути пешком…

На этот раз особых затруднений не предвиделось. Через небольшие застекленные щели виднелся полумесяц, ровно освещающий местность. Мишель посмотрел вниз и увидел двигающуюся по земле тень их самолета. Он подумал, что для него ночь слишком уж светлая, зато для штурмана она превосходна.

В застегнутом комбинезоне было жарко, монотонное гудение моторов убаюкивало. Расстегнув карман брюк, Мишель достал пачку сигарет и предложил Янеку закурить. Тот кивнул в знак согласия, но, взяв сигарету, отложил ее. Мишель закурил и глубоко затянулся.

Ла-Манш остался позади, но по-прежнему летели на большой высоте, опасаясь огня зениток. С такой высоты все на земле казалось мирным и спокойным. Мишель улегся поудобнее и крепко заснул.

Когда он проснулся, Янек стоял, наклонившись над ним, протягивая термос и пакет с бутербродами. Кофе был восхитительный и щедро разбавлен ромом. Мишель выпил две чашки этого эликсира и съел бутерброды. Ужин означал, что пора собираться. Мишель вытер руки о комбинезон, закурил и натянул на голову шлем, затянув ремешок под подбородком. Янек тем временем стал открывать дверь парашютного люка. Когда люк был открыт, он рукой подал знак, что все готово. Держась за край бомбодержателя, Мишель добрался до люка. Янек пристегнул карабин вытяжной стропы парашюта к тросу, проходящему по всей длине самолета. Подтолкнув Мишеля, он потянул за стропу, показывая, что карабин надежно пристегнут. Мишель кивнул и,

сев на край люка, посмотрел вниз. Они уже летели довольно низко и все еще продолжали снижаться. Вскоре он увидел огни города. «Это, должно быть, Монпелье», — решил Мишель. До прыжка оставалось полторы минуты. Сейчас ровно час. Возможно, самолет снижался, и выпускающий внимательно слушал, что ему говорят в переговорное устройство. Он не отрываясь смотрел на светящуюся панель в ожидании красного сигнала. Туда же были устремлены глаза Мишеля.

Вдруг зажегся предупредительный сигнал. Мишель приготовился прыгать, уголком глаза поглядывая на поднятую руку выпускающего. Он почувствовал, как резко уменьшается скорость самолета, и понял, что опустили подкрылки. Значит, круг делать не будут.

Его охватил знакомый страх. Он сделал глубокий вдох, стараясь подавить волнение. Хорошо практиковаться в прыжках дома, когда внизу ждут друзья. Но сейчас — другое дело. Под ним незнакомая местность, там его никто не встретит, — во всяком случае, из друзей. Эта мысль вихрем пронеслась у него в голове. «Слава богу, — подумал он, — что выпускающий поляк». Англичанина Мишель, пожалуй, попросил бы вытолкнуть его пинком, если он станет колебаться. «Так лучше. Сейчас важно не ударить в грязь лицом, очень важно…»

— Пошел! — крикнул выпускающий, махнув рукой перед лицом Мишеля.

Мишель стиснул зубы и выбросился из люка, закрыв глаза и задержав дыхание. Потоком воздуха его отбросило под хвост самолета. Секунды три, показавшиеся необычайно длинными, его, как пушинку, несло по ветру, пока вдруг резкий рывок не подсказал ему, что купол раскрылся.

Страх прошел. Но тут, к своему ужасу, Мишель почувствовал, что вертится на перекрутившихся стропах. Он схватился руками за обе главные стропы, чтобы, как только они раскрутятся, развести их в стороны и не дать закрутиться в обратную сторону. До земли оставалось каких-нибудь 100–150 метров, и секунд через 15 он будет там, а стропы раскручиваются так медленно… Готовясь к приземлению, он слегка согнул ноги в коленях. Вот уже и последнее переплетение расходится. Он быстро развел стропы. Почти в тот же миг его чем-то сильно ударило по голове, и он потерял сознание.

Очнулся он от нестерпимой боли: в голове словно что-то раскалывалось, перед глазами плыли огненные круги. Осторожно приоткрыл глаза, но, так ничего и не разглядев, снова закрыл. Тошнило. Хотел повернуться на бок, но резкая боль не дала. Надо лежать спокойно, пока боль стихнет хоть немного.

Вскоре, несмотря на звон в ушах, Мишель услышал какое-то монотонное гудение. Он затаил дыхание и прислушался. Ах вот оно что, комары!

Он снова чуть приоткрыл глаза. Круги стали бледнее, и он мог кое-что различить. Прямо перед глазами — виноградная лоза. Она так близко, что почти заслоняет собой яркий месяц…

Одолевали комары. Приподнявшись на локте, Мишель ощутил острую боль в копчике. Хорошо еще, что спина была защищена мягкой резиновой подкладкой. Без нее он неминуемо сломал бы позвоночник. Впрочем, пока нельзя быть уверенным, что не сломал.

Отогнув рукав комбинезона на левой руке, он посмотрел на светящиеся стрелки часов. Было час пятнадцать минут. Почти десять минут он лежал без сознания. Такое с ним впервые. Какая удача, что поблизости нет ни души. Надо поскорее убираться отсюда, а то вдруг кто-нибудь заметил парашют в воздухе и сейчас уже спешит к нему.

Осмотревшись, Мишель обнаружил, что полулежит на большом камне, а ноги свешиваются вниз. Так вот в чем дело! Ноги не достали до земли, и он ударился спиной о камень, опускаясь со скоростью 30 километров в час! Еще легко отделался…

Мишель скатился с камня на мягкую землю у виноградника. Он расстегнул хромированную пряжку на груди, и все четыре лямки упали. Преодолевая острую боль и тяжело дыша от напряжения, он снял комбинезон. Силы почти покинули его. С трудом повернувшись на левый бок, достал фляжку с ромом и сделал несколько больших глотков. Ром сразу же восстановил силы.

Положив фляжку на землю, Мишель обхватил руками колени и подтянул их к подбородку. Переломов, пожалуй, нет. Правда, чувствуется боль в позвоночнике. Огляделся по сторонам. Он находился у края большого виноградника, окаймленного оливковыми деревьями. Вокруг не было ни одного камня, кроме того, на который он упал. Если бы стропы парашюта не закрутились, то такой опытный парашютист, как он, мог бы приземлиться здесь вполне благополучно. Почему так получилось? Ведь прыгал он правильно. Может быть, укладчицы парашютов, от скуки напевая за работой какую-нибудь сентиментальную чепуху, перепутали стропы? Заподозрить кого-нибудь в злом умысле он не мог: достаточно было просто перерезать стропы.

Освободив свой чемоданчик от толстой войлочной упаковки, Мишель завернул парашют в комбинезон, а сверху обернул

войлоком. Потом, внимательно осмотревшись, подобрал фляжку, положил ее в боковой карман и, убедившись, что ничего не забыл, потащил сверток с парашютом в заросли между оливковыми деревьями. Забравшись в заросли довольно далеко, он забросил эту единственную улику.

После первых же шагов Мишель почувствовал боль в левой ноге. «Ничего, пройдет, — подумал он, — очевидно, растяжение. Нужно идти».

Если его выбросили в нужном месте, то он находится где-то между шоссе и железной дорогой, километрах в десяти западнее Монпелье. В ярком звездном небе он отыскал Полярную звезду и, сориентировавшись по ней, определил, где находится дорога. Вскоре треск мотоцикла подтвердил его предположение. Он заковылял обратно к чемодану, взял его и пошел дальше. Голова была как чугунная, а поясница и левая нога нестерпимо ныли. «Хоть бы голова прошла, — взмолился он про себя. — А то иду как одурманенный. Так и до беды недолго…»

Глава II
ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Добравшись до дороги, Мишель посмотрел в обе стороны — ни души, ночную тишину нарушал лишь звон цикад да кваканье лягушек. Он пошел на восток и вскоре увидел указатель. При лунном свете можно было прочесть: «Монпелье —10 км».

Радостно улыбнувшись, он вытащил компас, который ему так и не потребовался, и втиснул его глубоко в землю под камень в высокой траве. Возможно, когда-нибудь, путешествуя по этим местам на собственной машине с английским флажком на радиаторе, он остановится здесь и вытащит свой сувенир.

На востоке виднелось слабое зарево — огни освещенного города. Он решил сойти с дороги, которая делала крюк влево, и направился прямо к городу через виноградники. «Так будет разумнее во время комендантского часа», — подумал он.

Страдая от боли, Мишель медленно тащился по виноградникам, пока наконец не вышел к довольно широкой речушке. Она оказалась очень кстати.

Он измерил глубину длинной палкой — около метра. Разделся и вошел в воду, держась за ветку склонившегося к воде дерева. Нащупав ногами дно, он опустил ветку и с головой окунулся. Вынырнув, слегка потряс головой. Сразу стало легче. Он погрузился еще и еще. Ледяная вода творила чудеса. Голова прошла. Остальное — пустяки.

Осторожно вылез, стараясь не оступиться. Если больная нога подведет его и он шлепнется обратно в воду, сразу поднимется собачий лай. Стряхнув с себя воду, Мишель быстро оделся. Дрожа всем телом, но заметно приободрившись, он отправился на поиски моста или брода, чтобы перебраться на другой берег.

Мишель медленно удалялся от дороги. Он никак не мог понять, что с левой ногой. Боль почти утихла, но нога онемела. Приходилось, сделав шаг правой ногой, левую подтягивать рукой. И он двигался таким довольно необычным способом.

Скоро он освоился с новым способом передвижения, и идти по тропинке, которая тянулась вдоль реки, стало сравнительно нетрудно. Он рассчитывал днем добраться до Монпелье.

Каждый раз, дойдя до изгиба реки, он всматривался в даль в надежде увидеть мост. Он далеко отклонился к югу, а было уже полчаса третьего. Он решил, что пройдет еще два изгиба и, если не будет моста, попытается перейти реку вброд.

Моста не оказалось, и он стал искать какие-нибудь торчащие

из воды камни или отмель. Подходящее место вскоре нашлось, но противоположный берег оказался крутым. Все же Мишель решил перейти здесь.

Он снял ботинки, носки и повесил все на шею, затем осторожно вошел в воду. На полпути, размахнувшись, перебросил чемодан на другой берег. Обе руки освободились, и идти стало легче. Добравшись до противоположного берега, Мишель напряг последние силы, подтянулся на руках и вылез из воды рядом с чемоданом. Измученный, он лежал тяжело дыша, не в состоянии даже дотянуться до фляжки.

Отдохнув минут пять, вытащил фляжку и сделал большой глоток, приняв одновременно фенаминовую таблетку. Ром сделал свое дело. Когда силы вернулись к Мишелю, он начал медленно подниматься по склону.

Поднявшись, окинул взглядом виноградники, простирающиеся до самого города, и определил, что идти надо еще километров десять. Он побрел дальше, намереваясь пройти побольше и только тогда немного отдохнуть. С виноградных листьев падала роса, и почва под ногами была очень вязкой. Брюки внизу совсем промокли и стесняли движение. Не прошел он и трех километров, как совсем выбился из сил. Тогда, завернувшись в свой макинтош, улегся в винограднике и мгновенно уснул.

В половине шестого его разбудило взошедшее солнце. Щебетали птицы. Небо было безоблачное. Роса высохла, лишь на отдельных листьях сверкали капельки.

Теперь только Мишель заметил, что его ботинки, носки и брюки покрыты коричневой грязью. Он открыл чемодан и достал синие хлопчатобумажные брюки, чистые носки и сандалии. Быстро переоделся, грязную одежду уложил в чемодан, предварительно соскоблив глину с ботинок.

С чемоданом на плече он не спеша зашагал по узкому проселку. И как раз вовремя: к винограднику стекались крестьяне — в повозках, на велосипедах, пешком, — и вскоре он кишел людьми, начавшими трудовой день.

Проселок вывел Мишеля к железной дороге. Но почему она оказалась слева? Возможно, ночью он не заметил, как перешел ее? А может быть, она где-нибудь проходит через туннель? Он пошел по полотну, убрав левую руку в карман, чтобы незаметно помогать ею больной ноге.

Заметив недалеко укромное место между огромными камнями, Мишель сошел с насыпи. Там он причесался и осмотрел себя в зеркальце. На лице он не обнаружил ничего подозрительного. Правда, он был небрит, но во Франции это

никого не удивит. Пересмотрел содержимое бумажника. Продовольственные карточки на месте. Пересчитал деньги: скоро они понадобятся, чтобы купить железнодорожный билет. К своему ужасу, он, кроме французских денег, обнаружил английские — десять шиллингов, а также вырезанный из газеты «Таймс» кроссворд, который он разгадывал в день вылета. Он вынул все это и засунул под камень. Ему вспомнился разговор со штабным офицером, в обязанности которого входила проверка содержимого в карманах отъезжающих.

— Едва ли я должен проверять карманы у такого бывалого человека, как вы, Мишель.

А Мишель самоуверенно ответил:

— Если я потом обнаружу в бумажнике банкноту в пять фунтов и пропуск в военное министерство, я сообщу вам открыткой.

«…Чванливый болван!» — разозлился он на себя и, взвалив чемодан на плечо, отправился дальше.

Наконец он снова вышел к дороге, с которой сошел ночью. Теперь по ней двигалось множество людей. Он с удовлетворением отметил, что никто не обращает на него внимания.

Пройдя с километр, он увидел трамвайную линию. Через несколько минут, удобно устроившись в трамвае, он ехал к центру города. Он сошел на главной площади и вошел в скромное кафе. Усевшись у окна, заказал чашку кофе, 100 граммов хлеба и немного джема, оторвав при этом четыре августовских хлебных талона (на 25 граммов каждый) с таким видом, точно проделывал это в течение всей своей жизни. Зевая после напряженной ночи, с выражением полного безразличия на лице, небритый и нелепо одетый, он выглядел как раз так, как было нужно.

Мозг работал лихорадочно, словно он сдавал экзамен в университете. Но как ни трудны были экзамены, все же на них задачи были куда проще.

Посмотрев расписание поездов, которое ему дали в отделе, Мишель решил, что, если поторопиться, можно успеть на поезд 7.53. Оплатив счет, он вышел на залитую солнцем площадь. Пройдя немного вдоль трамвайной линии, которая вела с площади, увидел сине-белый знак с надписью: «К вокзалу». Вскоре он был там.

Сообразуясь со своим нарядом, он купил билет в третий класс и в ожидании экспресса, усевшись на скамейку, на солнце, стал читать газету. На станции было полно народу, и на комфорт в поезде рассчитывать не приходилось. Он не ошибся. Зажатый между двумя толстыми жандармами в проходе, он простоял до самого Марселя.

Жандармы завязали с ним разговор, а он угостил их французскими сигаретками, изготовленными в Лондоне. Его утомленный вид быстро возымел свое действие: жандармы нашли, что он довольно скучный спутник.

Из Марселя тот же самый поезд после двадцатиминутной стоянки шел в Канн. Времени было достаточно, и Мишель, перекусив в буфете, отыскал себе место в поезде.

Ярко светило полуденное солнце, и перед Мишелем во всей своей красе раскинулся Лазурный Берег, такой же, как прежде. Легкий ветерок доносил через открытое окно тот же аромат сосен и запахи теплой земли. Страдания и голод, которые принесла война жителям этого райского уголка, не коснулись природы. Она щедро дарила свои прелести, словно пыталась заранее вознаградить Мишеля за тяжелые испытания, которые ему предстояли. Мишель давным-давно решил, что. лучше жить и умереть в бедности там, где мимозу считают сорняком, чем разъезжать всю жизнь в роскошном «роллс-ройсе» по грязным мостовым хмурого северного города.

В районе Касси колея уходила от побережья, но все же то тут, то там проглядывала синева Средиземного моря, пока ее окончательно не заслонил сплошной лесной массив. У Сен-Рафаэля снова открылся великолепный вид на море. Дальше дорога шла по самому побережью. Замелькали укромные песчаные бухточки, желтые скалы, низкорослые сосны — все это на фоне спокойной морской глади, которая на горизонте, подернутом легкой дымкой, незаметно сливалась с лазурью неба.

Поезд замедлил ход у тоннеля перед Канном, и Мишель приготовился к выходу.

Смешавшись с толпой, он пошел подземным ходом. Мишель заметил, что движение толпы сильно застопорилось у ворот, и тут же сообразил, в чем дело: французские жандармы в мундирах цвета хаки проверяли документы у всех выходящих. Эта неожиданная проверка сейчас покажет, хорошо ли фабрикуют документы во французском отделе.

Он вспомнил, как перепугался в Лионе, когда там при проверке документов схватили человека, который шел впереди него. Тогда был холодный непогожий январь. Сейчас же, в яркий солнечный день, это казалось нелепостью. Толпа роптала, и Мишель счел за благо тоже подать голос. Недовольство пассажиров действовало на жандармов — они торопились. Людей было много, а жандармов всего двое, и, кроме тою, им, французам, было неприятно работать на немцев. Вскоре они уже ограничивались тем, что бросали на документы поверхностные взгляды, стремясь побыстрее покончить с этим неприятным делом

и убраться подальше от своих оскорбленных соотечественников.

Мишель, когда подошла его очередь, сделал презрительную мину и подал удостоверение личности, даже не раскрыв его. Жандарм вынужден был сам раскрыть книжечку, но и эта ничтожная задержка вызвала раздражение нетерпеливой толпы. Очевидно, просто из желания хоть Как-то ответить на дерзость жандарм сделал вид, что внимательно рассматривает документ, но через пару секунд молча вернул его. И Мишель возомнил, что документы лондонского изготовления не вызовут подозрений даже у самых бдительных стражей.

Он подошел к первому свободному «велосипеду-такси» — единственному там виду транспорта — и, усевшись, назвал адрес на рут де Фрежюс. По дороге он обозревал окрестности Канна, с удовольствием вдыхая благоухающий воздух.

Был конец августа 1942 года.

Глава III
ЗНАКОМСТВО

У калитки виллы, где жил Антоний, Мишель столкнулся с Пьеро. Тот направлялся в город. Поздоровались довольно сухо, словно виделись ежедневно, и вместе пошли к дому. Антоний стоял на веранде, и Пьеро представил ему Мишеля. Гостя провели в предназначенную для него комнату. Он распаковал свое скромное имущество, а затем помылся в ванне.

Пьеро, который жаждал попасть на первую же фелюгу, торопливо вводил Мишеля в курс дела:

— Лоран сейчас в Ницце. Карте послал ему с кем-то передачу, приказав выяснить, когда и каким поездом полиция будет перевозить его в Лион. На поезд посадят людей, которые постараются освободить Лорана. Завтра мы зайдем к Карте.

Жюльен придет сегодня обедать. Он до смерти обрадовался, когда узнал, что будет работать с вами. Боюсь, ему не очень нравятся здешние порядки. А как убедить Карте, что нашим радистам не следовало бы целыми днями просиживать за ключом, передавая длинные отчеты?

Помощник Лорана объезжает район. Он свяжется с вами через Карте, когда вернется.

По моему настоянию между Арлем, Марселем и Канном стал курсировать связник. Занимается этим делом Жизель. Вы встретитесь с ней в среду в кафе «Де Аллэ». Вас описали так: брюнет среднего роста, в очках, с неприкуренной сигаретой во рту. Она подойдет к вашему столику и попросит разрешения взглянуть на столбец последних продуктовых постановлений в газете, которая будет у вас в руках. Когда она передаст информацию из Арля и Марселя, назначьте ей любое место встречи на следующую среду. Если она не найдет вас там, то будет считать, что случилось нечто серьезное, и в назначенное время придет туда же в следующую среду, а после заглянет в кафе «Де Аллэ». Жизель около тридцати пяти лет, низкого роста, незаметная, с седеющими черными волосами.

У Антония в сейфе около трех миллионов франков. Он даст вам ключ. Когда эти деньги и те, что вы, очевидно, захватили с собой, кончатся, пришлют еще.

Люди Карте подыскали места, куда можно сбрасывать с самолетов грузы для диверсий на железных дорогах. Вам, остается лишь переслать координаты нашим кодом. Когда через Жюльена вы получите сообщения Би-Би-Си об утверждении этих

пунктов, поставьте в известность Карте, который через связников уведомит нужных людей.

Так как жить в основном вы будете в Канне, Антоний подыскал небольшую квартирку, которую снял для вас на чье-то имя. Он ждал вашего приезда, чтобы окончательно заключить договор. Вам не следует долго оставаться в его вилле.

Когда Пьеро умолк, Мишель кое о чем расспросил его. В шестом часу пришел Жюльен. Старые друзья тепло поздоровались. Выяснилось, что Жюльен все время передает довольно пространные донесения, причем работает, даже не меняя места. Он надеялся, что Мишель немедленно прекратит это безобразие.

Мишель почувствовал, что на его новой стезе назревает первая неприятность. А сколько их впереди!

После обеда, состоявшего из довольно изысканных блюд, Мишель и Жюльен договорились встретиться на следующий день. Мишель передал Жюльену донесение в отдел, в котором сообщил: ЛЕТЧИКИ МОЛОДЦЫ. ВСТРЕТИЛСЯ С ПЬЕРО.

Затем он извинился и ушел отдыхать, так как прошедший день был нелегким.

Утром Пьеро и Мишель взяли в гараже у Антония велосипеды и поехали в город. Когда остановились у театра «Казино», Пьеро повел Мишеля через артистический вход. На сцене, забравшись на козлы, стоял художник в белом халате, подпоясанный в талии. Он готовил декорацию к очередной пьесе. Под стремительными движениями кисти на полотне возникали какие-то образы.

Рядом толпились люди самых различных возрастов, главным образом мужчины. Некоторые о чем-то беседовали, но большинство выжидательно смотрели на художника.

Мишель принял эту группу за артистов, а человека на козлах — за нечто среднее между режиссером, постановщиком и художником-декоратором.

В зрительном зале около сцены, засунув руки в карманы, прохаживался какой-то тип в ливрее театра «Казино» — то ли швейцар, то ли пожарник. Раскуривая самокрутку, он не обращал ни малейшего внимания на шумную толпу на сцене.

Для театра это была обычная картина, и Мишель был уверен, что Пьеро проведет его мимо сцены в какой-нибудь кабинет. Но он глубоко ошибся.

Поднявшись на сцену, Пьеро протиснулся сквозь толпу к художнику и, потрепав его за ногу, сказал:

— Здравствуйте, Карте!

А когда тот посмотрел на него, он рукой указал на довольно робко приближающегося к ним Мишеля:

— Вот он!

— Здравствуйте! — весело воскликнул руководитель движения Сопротивления юго-восточной Франции, радушно протянув обе руки. Затем он спустился вниз, поздоровался с обоими и представил Мишеля своему помощнику Жаку Ланглуа.

Почувствовав, что происходит нечто значительное, люди смолкли и расступились перед своим начальником. Мишель не мог не услышать, как из уст в уста передается его имя.

Он был потрясен: прошло так мало времени с момента его приезда, а уже по меньшей мере десяток человек, с которыми он вообще не должен был встречаться, знают его не только по имени, но и в лицо.

— Что нового? — с улыбкой спросил Карте, поглядывая то на Мишеля, то на Пьеро.

— Только что получил сообщение, что фелюгу ждут сегодня ночью, — ответил Пьеро. — Хорошо, что Мишель уже здесь, иначе мне пришлось бы ждать его около месяца.

— Фелюгу встретят, я позабочусь об этом. Приезжайте обедать ко мне в Антиб, а обратно поедете поездом вместе с Клодом Дофином и его сестрой. Может быть, и вы приедете, Мишель? Нам есть о чем поговорить.

— Спасибо, приеду, — ответил Мишель, а затем спросил: — Узнали, когда будут перевозить Лорана?

— Все подробности услышим сегодня вечером.

Попрощавшись с обоими англичанами, Карте заговорил с людьми, стоящими вокруг.

— Ну вот! — сказал Пьеро, когда они садились на свои велосипеды. — Побываете в Антибе — тогда все станет ясным… Мне нужно кое-что сделать перед отъездом, а вы должны встретиться с Антонием. Увидимся позднее на вилле.

Мишель не спеша ехал по дороге вдоль берега. Как мирно все выглядело под яркими лучами солнца! Ни одна рябинка не волновала бескрайние просторы моря, далекий горизонт таял в дымке знойного воздуха.

Подъехав к кафе «Де Аллэ», Мишель стал разглядывать посетителей за столиками, выставленными прямо на улицу. Он приехал слишком рано, Антония еще не было. Поехал дальше, мимо префектуры, а затем вдоль западной набережной порта. По воде, как лебеди, лениво скользили грациозные яхточки. А там, где стоял театр «Казино», виднелись суда покрупнее: пароходы, теплоходы, парусники. Всюду, как обычно, подкрашивали надстройки, чинили паруса и мыли палубы, — словом, жизнь в этом фешенебельном порту по-прежнему текла спокойно, по неизменному руслу. Что знают о войне праздные люди на этих

суденышках? Только то, что прочтут в журнале «Сигнал», контролируемом немцами. Что они хотят знать о войне? Ничего. Они находятся в так называемой неоккупированной зоне и надеются, что жизнь их всегда будет такой. Что знают они о смерти в воздухе, на море и на суше? Какое им дело, что где-то совсем рядом под этим же ласковым солнышком, в лучах которого они нежатся, в сыром застенке томится Лоран? Что бы они подумали, если бы осмелились прислушаться ко все растущей молве о тайной деятельности и узнали о людях, которые работают на подпольных радиопередатчиках, готовят диверсии против немцев, вооружают патриотов, собираясь изгнать из своей страны ненавистного врага и дать всем французам свободу? Они отнесутся к этому просто, заключил Мишель, останутся в стороне, поднимут флаг Петена и станут ждать, пока пройдет гроза. Кто победит — им неважно. Они пригласят к себе на званый обед нескольких офицеров победившей армии и, подняв в их честь бокалы, без тени стыда и угрызений совести провозгласят тост за победу!

«Но сколько таких людей!» — продолжал размышлять Мишель, сворачивая за угол отеля «Де ла Медитерана».

Очевидно, многих он невольно оклеветал в своих мрачных мыслях. Это станет известно в ближайшем будущем. Необходимо как можно скорее разобраться, кто хороший, а кто плохой.

Мишель проехал около двух километров. Слева раскинулось манящее море. «Нужно непременно выкупаться, как только представится возможность», — подумал он. Справа проходила главная железнодорожная линия, по которой он приехал, а прямо перед ним — дорога в Ла Напуль. Запах горячего гудрона щекотал ноздри, и как-то не верилось, что в январе он, выбившись из сил, едва тащился по этой самой дороге по щиколотку в воде.

Машин на дороге не было видно (в стране не хватало бензина), но движение на велосипедах было довольно интенсивным. Вскоре он увидел Антония, который ехал навстречу.

— Предпочитаю прибрежную дорогу всем остальным, — сказал он после того, как Мишель, развернувшись, поехал с ним рядом. — Этот великолепный вид не надоедает!

— Вам повезло, что его не портят немцы.

— Когда-нибудь придут и они.

— Вы так думаете?

— Над нами навис дамоклов меч, и он обязательно упадет.

Обогнув порт, поехали вверх по Круазетт к отелю «Мирамар». Там свернули на рю де Пастер и остановились перед небольшим

домом, почти напротив гаража.

В доме было несколько квартир, они направились к самой дальней на первом этаже. Антоний вытащил ключ, открыл входную дверь, и они оказались в передней, которая вела в спальню. Кроме обычной мебели, там стоял письменный стол. Окно выходило во двор и было совсем низко от земли. Рядом со спальней находилась ванная, а за ней — маленькая кухня. На входной двери Мишель заметил глазок, в который можно было видеть, кто находится у входной двери.

— Чудесная квартира, Антоний. На каких условиях вы сняли ее?

— Снял на шесть месяцев и уплатил вперед. Хозяину сказал, будто это для друга одной женщины, которая сама живет в Лионе. Хозяин, получив свои деньги, не будет беспокоить вас, да он и не из любопытных. Кроме меня, об этой квартире никто не знает, и я не собираюсь рассказывать о ней.

— Антоний, вы молодец! Из всего того, что я наблюдал здесь сегодня, это первый разумный поступок. Я отдам вам деньги на вилле. А теперь, — Мишель улыбнулся, — мне хотелось бы попросить еще об одной услуге…

— О чем именно?

— Найдите мне где-нибудь вторую квартиру.

— Зачем?

— Если мне придется убираться отсюда через окно, то будет уже слишком поздно искать новую квартиру. Поэтому давайте сделаем это заранее.

— Понятно, — кивнул Антоний. — Кажется, у меня есть кое-что на примете. Когда вы хотите получить ее?

— Торопиться не стоит, — сказал Мишель. — Если мне вдруг придется покинуть этот дом, то друзья временно спрячут меня у себя, пока все не успокоится. Жюльен говорил, что, если потребуется, я всегда могу рассчитывать на его друга Эдуарда, крупье из казино. Вы снимете вторую квартиру на тех же условиях — уплатив деньги вперед. Я займу ее, ну скажем, через шесть недель.

— До вас здесь жила косметичка. Теперь у нее квартира на рю дю Канада — всего метрах в двухстах отсюда. Там она живет и работает. Косметичка знает одну квартиру в спокойной части Круазетт, из которой в начале войны выехали ее друзья, американцы. Она может снять ее.

— Так хорошо все складывается, что даже не верится, — сказал Мишель.

— Кроме того, — продолжал Антоний, — эта косметичка, ее звать Сюзанн, несколько раз видела Лорана. Она давно и серьезно

думает о том, чтобы помогать нашим людям. Одна из комнат в ее салоне красоты может отлично служить для вас штаб-квартирой. Никто не заподозрит, что такое заведение используется для подпольной работы.

— Великолепно! — воскликнул Мишель. — Что это за человек?

— Сдержанная, спокойная и очень смышленая сорокалетняя женщина.

— Я бы хотел встретиться с ней.

— Пойдемте сейчас. Мы увидим ее, если она свободна. А позже я привезу вам на велосипеде чемодан.

И оба зашагали на рю дю Канада, ведя велосипеды.

Подойдя к дому, они приставили велосипеды к стене. Через четверть часа Мишель уже договорился с Сюзанн, что она будет помогать ему. В Канне она прожила большую часть своей жизни и была знакома со многими должностными лицами города. Сюзанн сказала, что может заняться, например, получением новых продовольственных карточек, это не составит для нее никакого труда. Мишель почувствовал, что Антоний, сказав, что Сюзанн просто смышленая, не оценил ее по достоинству. Она оказалась на редкость умной и проницательной женщиной. Решили, что тайной штаб-квартирой, или местом встречи членов организации, будет служить самая большая комната в квартире Сюзанн.

Закусив на вилле у Антония, Мишель пошел на свидание с Жюльеном. Они должны были встретиться на Жардэн Флёри рядом с отелем «Мажестик» в магазине Роже Рено. Это было превосходное место: один выход вел в сад, а другой — на улицу за домом. Стоило лишь приоткрыть шторы, и подходы к дому с обеих сторон хорошо просматривались. В магазине продавались модные безделушки и пуговицы самых разнообразных форм и размеров, которые Роже сам выдумывал и изготовлял на своей фабрике. Занимаясь этой безобидной торговлей, он предоставлял свой дом для группы Карте, одним из главных членов которой был сам. Его молодая хорошенькая жена Жармен хозяйничала в магазине и выполняла обязанности агента-связника в организации.

Жюльен уже ждал Мишеля. Он вручил ему расшифрованные радиограммы, полученные за день. Они были написаны на небольшом листке бумаги, отчетливым почерком. Мишель прочитал их:

НОМЕР 57. ДЛЯ МИШЕЛЯ. ГОТОВЬТЕСЬ СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ПРИНЯТЬ ФЕЛЮГУ С ШЕСТЬЮ АГЕНТАМИ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ. ОДНА ТОННА ТОВАРА БУДЕТ ЗАТОПЛЕНА У ЛЕКУЛЬОН. МЕСТО ОБОЗНАЧЕНО БУЕМ.

ЗАБЕРИТЕ ОДНУ ТОННУ КОНСЕРВОВ. ОТПРАВЬТЕ МАКСИМУМ ЛЮДЕЙ. ПЬЕРО И ДВУХ ДРУГИХ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ. ЛЕТЧИКОВ САЖАЙТЕ В ДРУГОМ МЕСТЕ. СИГНАЛ С ФЕЛЮГИ — ДВЕ ВСПЫШКИ КРАСНЫМ. СИГНАЛ С БЕРЕГА — ТРИ ВСПЫШКИ БЕЛЫМ.

НОМЕР 58. ДЛЯ МИШЕЛЯ. МОЛОДЕЦ. ХВОСТОВОЙ ПУЛЕМЕТЧИК ВИДЕЛ, КАК ВАС КРУТИЛО. ЖЕЛАЕМ УДАЧИ, ЛЮБИМ И ЦЕЛУЕМ.

— На кой черт эта сентиментальность?! — буркнул Мишель.

— Они считают, что это сбивает с толку дешифровщиков противника.

— Здесь есть подвижные радиопеленгаторы?

— Пока нет.

— Передайте вот это, — сказал Мишель, быстро набросав на клочке бумаги:

ВАШИ 57/58 ПОЛУЧЕНЫ. ПРЕКРАТИТЕ ЧУДАЧЕСТВА.

— В самом деле передавать? — спросил Жюльен.

— Да. Возможно, меня уволят и пошлют на работу в кабинет министров.

Мишель обратил внимание на то, что в магазин то и дело заходили люди, но почти никто не интересовался товарами. После того как ему пришлось пожать руку пяти или шести таким «клиентам» из группы Сопротивления, Мишель повернулся к Жюльену и, безнадежно пожимая плечами, произнес:

— Никакой конспирации…

— Абсолютно никакой. Но зато все выглядит так естественно. Они никогда не шепчутся но углам с видом заговорщиков и поэтому не навлекают на себя подозрений. Приемы конспирации, которыми нас усердно пичкали инструкторы, здесь совершенно не годятся.

— Беда в том, что любого из них могут схватить, а ведь они столько знают!

— Это неизбежно.

Мишель решил, что, кроме салона Сюзанн, ему немедленно нужно найти еще одно место встречи. Он обязан навести здесь порядок.

Затем Мишель решил заехать на квартиру, которой пользовался, когда был здесь прошлый раз. За железнодорожным мостом, как раз перед спуском, ведущим в нужный ему район, он увидел на левой стороне дом, который, судя по описанию Жюльена, принадлежал Эдуарду. Мишель представил себе, как крупье с загадочным выражением лица роется в фишках и время от времени произносит отчетливо, чтобы его не упрекнули в воровстве: «Благодарю вас, сударь. Для персонала». И опускает

фишки, брошенные ему удачливым игроком, в специальную прорезь для чаевых. Вот он снова пускает шарик в рулетке и, когда тот попадает в одну из лунок, произносит неизменно ровным голосом: «Номер один. Красное, нечет…» А затем: «Делайте ставки… Ставок больше нет… Игра окончена…» И так весь вечер и почти всю ночь. И этот человек в свободное время принимал у себя радиста, не получая с него ни цента. Это он нашел в себе мужество и сделал своего сына Жоржа участником Сопротивления. Это он уговорил жену прятать у себя дома летчиков со сбитых английских самолетов. Летчики попадали в эти края по целой цепи конспиративных квартир, через Голландию, Бельгию и Францию. Здесь их прятали, иногда по нескольку раз перевозя с одного места на другое, пока наконец не удавалось перебросить через Пиренеи. Мысль о том, что Жюльен замешан во всем этом, заставила Мишеля содрогнуться. «Что тут творится! — думал он. — Авгиевы конюшни в сравнении со всем этим, пожалуй, кажутся чистенькой птичьей клеткой».

Невольно вспомнилось замечание, которое вскользь бросил шеф, давая наставления: «Правда, задание не вполне соответствует вашему профилю». Подражая его менторскому тону, Мишель три раза повторил эту фразу и громко рассмеялся. Не потому, что ему удалось произнести ее точно таким же тоном: теперь он знал, что скрывается за этой скупой фразой.

Свернув на тропинку, Мишель подъехал к небольшому домику, где в январе сушил одежду. Там он застал Франсин, жену сторожа. Она была одна в кухне и встретила его с тем же откровенным радушием, как и раньше.

— Джозеф умер в марте, — немного погодя произнесла она.

— Какое горе…

— Он был уже пропащим человеком… Спился и все пропивал. — И, чтобы не дать Мишелю выразить свое сочувствие, быстро продолжала: — На жизнь мне хватает. Зарабатываю шитьем да плету сандалии. — Она показала на веревочные сандалии, разбросанные по всей комнате.

Мишелю собственные затруднения сразу показались мелочными, когда он увидел, как мужественно борется с лишениями эта женщина. К горлу подступил комок, но, пересилив себя, он начал:

— Франсин…

— Что?..

— Если мне придется бежать, моторная лодка все еще на месте?

— Да! И койка для вас всегда найдется.

— Спасибо. — Вот все, что он мог произнести.

Мишель медленно подошел к Франсин, обхватил руками ее преждевременно поседевшую голову и поцеловал в щеку. Потом, слегка отпрянув, устремил на нее полный восхищения взгляд. На него, не мигая, смотрели спокойные черные глаза. Мишель быстро сунул в карман ее передника тысячефранковую бумажку и вышел.

* * *

Пора было ехать в Антиб. Девять километров по прибрежной дороге, мимо дома, в котором некогда останавливался герцог Виндзорский, через железнодорожный мост, а затем по берегу залива Жуан — чудесная прогулка! Лучи заходящего солнца ласкали Мишеля, на душе было радостно и легко. Сейчас он не думал о многочисленных трудностях своей сумбурной жизни. На пустынном песчаном пляже, который тянется вдоль Жуан-ле-Пэн, можно искупаться, освежить мозг и тело. Пожалуй, соленая вода окажет благотворное воздействие и на левую ногу, которая все еще болела, поэтому во время езды на велосипеде вся тяжесть ложилась на правую.

После обеда Мишель надел плавки и положил полотенце в багажник над задним колесом велосипеда.

На просторном пляже лишь кое-где виднелись люди, греющиеся на песке в лучах солнца. Мишель облюбовал укромное местечко, аккуратно сложил одежду и вошел в прохладную воду. Он плавал около четверти часа, осторожно делал упражнения левой ногой, чтобы она окрепла.

Потом поехал дальше. После морской ванны тело приятно пощипывало.

Карте с женой и четырьмя дочерьми занимал верхний этаж скромного четырехэтажного дома, всего в каких-нибудь трехстах метрах от места, где Мишель высаживал радистов с подводной лодки.

В комнатах на стенах были развешаны рисунки Карте. К шести часам в квартире собралось много народу, словно здесь устраивался прием с коктейлями. Из-за свойственной французам словоохотливости было шумно.

Одну из групп, на которые разбились гости и хозяева, составляли Карте, Клод Дофин с сестрой, Пьеро и средних лет мужчина, внушительного вида, с военной выправкой (познакомившись с ним, Мишель узнал, что это полковник Вотрэн, один из руководителей французской секретной службы). В другой группе два загорелых английских офицера Жерве и

Роберт разговаривали с Жаком Ланглуа, а их слушали восемнадцатилетняя дочь Карте и полицейский комиссар из префектуры Марселя.

В коридоре толпились агенты-связники и прочая мелкая сошка. Мишель со всеми поздоровался за руку, и таким образом число людей, с которыми ему по правилам конспирации вообще не следовало встречаться, возросло еще на пару десятков.

Однако кое-кого он был рад встретить здесь. Это седовласый артиллерист капитан Фраже, прославленный участник обеих войн, известный под именем Поль, и молодой человек Марсак, которого иногда звали Эндом. Оба они были равноправными заместителями Карте. Кроме них, было еще много помощников, но, к счастью, они не присутствовали здесь сегодня.

Мишель обратил внимание на юношу небольшого роста, но могучего телосложения, с густыми белокурыми волосами, который оказался главным агентом-связником. Прежде он был сержантом французских ВВС. Юношу звали Рикэ. На фоне шумной толпы он резко выделялся своими спокойными манерами. Мишель подумал, что, будь у него десяток таких ребят, он взялся бы за любое дело. Он не ошибся в своем суждении о Рикэ и позже представил его к награждению «Военным крестом».

На ужин остались лишь немногие заранее приглашенные гости. В семь часов Карте предложил перейти в столовую. Фаршированные помидоры, рыба и сыр задержали гостей за столом ненадолго. Увлекаться едой считалось неприличным, так как в этой плохо снабжаемой части Франции можно было достать только ту скудную пищу, что была на столе. В те времена никто не наедался досыта, если не покупал на черном рынке. Гости воздержались и от вина.

Через полчаса те, кому нужно было попасть на катер, ушли. У Карте остался только Мишель.

Даже не поинтересовавшись, каким путем Мишель прибыл во Францию, Карте сразу же приступил к делу:

— Лорана перевозят в Лион завтра утром. Наши люди сядут в тот же поезд и при первом удобном случае постараются освободить его. Его спрячут где-нибудь на ферме. Мы думали освободить Лорана в Ницце, на пути к вокзалу, но это все же рискованно.

— Ему придется вернуться обратно в Англию, — сказал Мишель.

— Конечно, мне жаль потерять его, мы хорошо сработались, но я очень рад тому, что его заменили вы. У меня есть кое-какие затруднения в отношениях с Жюльеном. Конечно, он не отказывался передавать мои донесения, но открыто выражает

недовольство по поводу их размеров. Я уверен, что вы окажете благотворное влияние на своего довольно строптивого соотечественника. Он не похож ни на Роберта, ни на Жерве.

— У них и обязанности различны, — улыбнулся Мишель, стараясь по возможности быть тактичным. — Кроме того, радистов у нас готовят для передач коротких и срочных донесений.

— Все мои донесения срочные.

— В том-то и трудность. Ведь все, что не имеет прямого отношения к операциям, можно отправлять через связников.

— Каждую неделю в Швейцарию и Португалию отправляется связник, и, уверяю вас, он не ездит туда с пустыми руками. Если же Жюльен не может или не хочет передавать донесения полностью, тогда пусть мне дадут личного радиста, чтобы я мог распоряжаться им сам.

— Я поставлю этот вопрос перед Лондоном.

— Хорошо. А Жюльен тогда пусть останется у вас.

У Мишеля едва не вырвалось, что он был бы очень рад этому.

— Встретимся завтра в пятнадцать часов в кабинете у Рено, на пуговичной фабрике, — продолжал Карте. — Надеюсь, к тому времени смогу сообщить вам что-нибудь новое относительно Лорана и фелюги. Обсудим и другие вопросы. Там же я назначу место нашей следующей встречи. Надеюсь, вы не забудете того, что я сказал о радисте. Все зависит от согласия между нами.

— Его нетрудно будет сохранять, — ответил Мишель, который чувствовал, что не следует в первый же день проявлять настойчивость в вопросе о радисте. Однако он опасался, как бы ему не пришлось поставить этот вопрос в резкой форме.

Если днем Мишель с удовольствием проехался до Антиба, то обратный путь ночью показался ему длинным и утомительным.

Интересно, как бы на его месте уладил вопрос о радисте Бакмастер? Как бы он решил все другие вопросы? И вообще, понравилось бы ему все то, что здесь творится? Пожалуй, не очень… Но эти размышления не помогли Мишелю найти выход. Он был уверен, что ни один радист не сможет почти беспрерывно работать на ключе более 12 часов в сутки, даже если нет подвижных радиопеленгаторов. Радисты вовсе не предназначены для такой работы. Об этом он думал до самого дома. Мишель вошел в квартиру, ведя велосипед. Его вещи были уже там, в кухне на столе он увидел хлеб, банку с медом и помидоры. «Хороший парень этот Антоний», — подумал он, отламывая кусок хлеба и макая его в мед.

При электрическом свете квартира выглядела еще уютнее. Мишель несколько раз посмотрел в глазок на двери и уменьшил

отверстие до крошечной щелки, потом пошел в спальню и убедился, что окно открывается и закрывается бесшумно.

Затем он разложил свои вещи, разделся и лег спать. Но сон не приходил: день был так богат впечатлениями! Мозг напряженно работал, воссоздавая общую картину из всего того, что в нем запечатлелось, но картина получилась неутешительная.

Взять хотя бы Пьеро. Передавая дела, он держался так холодно! В нескольких словах безразличным тоном ввел в курс дела — и все. На вопросы отвечал отрывисто, с раздражением. А как он попрощался с Мишелем перед отъездом! Сунул руку и тотчас отвернулся. Так на коктейле прощаются с докучливым собеседником, от которого рады отделаться. По меньшей мере странно, что с таким безразличием передают трудное дело новому человеку, предшественник которого в тюрьме! Может быть, он расстроен из-за создавшегося положения? Или он просто один из тех холодных, черствых людей, с которыми так неприятно работать?

Отогнав от себя эти мысли, Мишель стал думать о Карте. Несомненно, Карте — умный, проницательный человек и прирожденный руководитель, способный принимать решения. Мишель убедился в этом, еще когда приезжал в Антиб зимой.

В Лондоне он дал ему хорошую характеристику, и в результате Карте получил благословение и финансовую поддержку военного министерства. Теперь он достиг власти, и Мишель ясно понял то, чего не предвидел: под мягкими манерами скрывалась железная воля человека, который не терпит возражений. И он опасался, как бы за стычкой из-за Жюльена не последовал окончательный разрыв.

Затем он начал думать об остальных людях, с которыми встретился сегодня: Антоний, Сюзанн, Франсин, Жюльен, Поль, Энд, Рикэ, полковник Вотрэн, Жерве, Роберт. Что ждет этих людей? Кого из них схватят? Кого убьют? Кто станет жертвой предательства?

Наконец усталость взяла свое, и Мишель заснул.

* * *

Утром Мишель побрился, принял холодный душ и пошел к Сюзанн. Договорились, что впредь она будет заходить к нему на квартиру каждое утро в девять часов, до начала работы в салоне. Так как квартиру раньше занимала она, эти посещения скорее рассеют, чем возбудят какие-либо подозрения у хозяина. Что он подумает об отношениях между ними — неважно. Наоборот, если

им припишут интимную связь, на Мишеля станут смотреть более благосклонно. Поблагодарив за продукты, которые он нашел вечером на кухне, Мишель поинтересовался, нельзя ли достать кофе. Оказалось, что можно, по тысяче франков за килограмм.

Затем он встретился с Жюльеном и дал ему адрес на рю дю Канада. Обсудили некоторые вопросы радиосвязи, и Жюльен, записав адрес дома, владельцы которого разрешили у себя передачи, повел Мишеля к месту встречи с Портосом — помощником Лорана, а теперь Мишеля.

Мишель уже слышал, что Портос — бесстрашный и находчивый агент. Говорили, будто он бежал из Парижа, спасаясь от гестапо, и за его голову назначили награду — миллион франков. То, что Портос — еврей, ничего не значило для Мишеля, окажись он хотя бы наполовину таким человеком, как Луи из Антиба. Если он такой же умный и способный, как Жюльен, тоже еврей, все будет хорошо. И Мишель чистосердечно пожал руку своему помощнику. Жюльен оставил их одних, и Мишель с Портосом отъехали на велосипедах в тихое место у берега, где они могли спокойно побеседовать.

Портоса не приходилось тянуть за язык, почти час он охотно объяснял положение дел. Но Мишелю сразу же не понравилось, что свои многословные суждения он всякий раз начинал фразой: «Вам, не имеющему опыта в этом деле, будет трудно понять, что…» Терпеливо слушая своего помощника, он все более и более убеждался, что, как ни прискорбно, в один прекрасный день этому молодому человеку придется дать строгий нагоняй и заставить его понять, кто из них начальник. Жаль, что приходится наследовать чужих помощников, а не подбирать и воспитывать собственных. Он бы взял Рикэ, спокойного, скромного парня. Можно было бы попросить назначить Раймонда, который учился с ним в разведывательной школе в Англии. Вероятно, еще не поздно сделать это сейчас. Отношения между людьми играют большую роль. Легче работать, когда существует товарищеская связь, взаимное уважение и доверие. Вряд ли подобные отношения установятся когда-нибудь между ним и Портосом, к которому он сразу почувствовал неприязнь, а когда тот под конец разразился тщеславным монологом, так и захотелось отшлепать его.

Мишель обрадовался, когда пришлось прекратить беседу: скоро прибывал поезд, на котором должна была приехать Жизель. Он решил, что сам встретится с ней и они пообедают вместе. И Мишель стал прощаться:

— Теперь я должен идти. Увидимся в пятнадцать часов на пуговичной фабрике.

— Куда вы идете?

— Видите ли, мне нужно встретиться с Жизель, сегодня она приезжает.

— Ах да! Работы столько, что буквально разрываешься на части, и я совсем позабыл… Я пойду с вами.

— Извините, но мне хотелось бы, чтобы вы присутствовали на Жардэн Флёри. Туда может зайти кто-нибудь с фелюги Пьеро.

— Но мне нужно повидать Жизель, — настаивал Портос.

— Зачем? — спросил Мишель, с трудом сдерживая желание раз и навсегда положить конец глупым пререканиям.

— У меня важные сведения для нее.

— Сообщите мне. Я передам.

— Почему бы вам не пойти на Жардэн Флёри, а я позабочусь о Жизель? — сказал Портос, настолько убежденный в собственном превосходстве над новым начальником, что сразу решил показать ему, кто здесь подлинный руководитель.

— Нет, — сказал Мишель, спокойно, — вы сделаете так, как я сказал.

— Но я всегда встречаю Жизель, — продолжал Портос, снисходительно улыбаясь над невежеством начальства.

— Сегодня вы не пойдете.

— Я не понимаю вас.

— Это очень просто, Портос. В организации Лорана сейчас приказываю я. Если вы не склонны выполнять приказания, так и скажите. Есть много другой работы, и вам не обязательно быть моим помощником.

— Конечно, конечно… — сразу смутившись, сказал Портос, до которого наконец дошел смысл того, что говорил Мишель.

— Что вы хотите передать Жизель? — напомнил Мишель.

— О, неважно, — замялся Портос.

Пожав руку своему озадаченному помощнику, Мишель сел на велосипед и поехал в кафе «Де Аллэ». Он уже не очень сердился на Портоса, вспоминая выражение его лица после прочтенной нотации. Такое выражение появилось бы, очевидно, на лице любого зрителя в цирке, если бы кролик и фокусник вдруг поменялись ролями…

Так пока выглядела ежедневная деятельность Мишеля. Иногда она осложнялась какими-нибудь событиями. Как-то, например, неизвестно откуда, появились два радиста. Оказалось, что их сбросили на парашютах, и оба должны были направиться совершенно в другое место. Но Канн в то время служил путеводной звездой для всех заблудившихся агентов, так как здесь работала радиостанция Жюльена, а значит, и была связь с Лондоном. Одного из заблудившихся радистов звали Улисс,

другого — Хилари. Хилари при приземлении сломал ногу, потому что парашют раскрылся только наполовину.

Были и успехи: на Мишеля стала работать Кэтрин, приятельница Сюзанн. Это была актриса мадемуазель Одет де Жарэ, которая не раз говорила Сюзанн, что не прочь сделать что-нибудь для общего дела союзников. С приездом Мишеля случай представился. Встреча состоялась, и Кэтрин безоговорочно предоставила свою квартиру в полное распоряжение Мишеля для любых целей. Дом номер 20 по набережной Св. Петра стал с этого времени его вторым штабом и оставался вне подозрений, пока он работал там. Спокойный, твердый характер Кэтрин был источником постоянного воодушевления для всех, кто бывали в ее доме.

Все агенты с фелюги Пьеро, которых прислали, как говорилось в радиограмме, «для самостоятельной, работы», на самом деле задержались на Жардэн Флёри, где их благодаря Сюзанн снабдили настоящими продовольственными карточками. Им оказали содействие и во многом другом. Некоторые даже жили там, пока не закончились соответствующие приготовления.

Но о событиях легче будет судить по некоторым выдержкам, взятым из подлинных донесений Мишеля.

Глава IV
СТРАННЫЕ ПОСТУПКИ

Донесение 1.10 сентября 1942 года.

1. До сих пор нам неизвестно, почему фелюга задерживается. Выделенные для встречи люди ждут ее каждую ночь; они скорее напоминают праздничную толпу в день дерби[10], ибо никак не могут понять, что секретного в выгрузке оружия и высадке иностранцев. Они не видят также особой причины быть настороже только из-за того, что в одну из их бухточек входит фелюга. Поэтому я не очень удивился, узнав, что, когда подходят лодки, за ними, словно зрители, с интересом наблюдают даже полицейские. Я узнал также, что компании молодых ребят вылавливают продовольственные запасы, затопленные для нас и помеченные буйками. К счастью, начальник полиции того департамента, где происходит эта комедия, большой друг Англии. Ему все известно об этих спектаклях. Прошлой ночью в гостях у своего друга он в бессильной ярости колотил кулаками по стене и кричал:

— Я закрываю глаза на то, что англичане проделывают у меня под самым носом, но, ради всего святого, почему бы им не выбирать для этого безлунные ночи?

2. Портос — чистокровный еврей, ему вынесен смертный приговор. За его поимку обещан миллион франков. Но он говорит слишком много, слишком часто и слишком громко. Сейчас здесь с евреями обходятся довольно круто. Евреев-иностранцев сотнями хватают по ночам и куда-то увозят. Повсюду слышатся вопли евреек, у которых забирают мужей. Все говорит за то, что доберутся и до французских евреев. У Портоса в удостоверении личности значится — еврей, а он готов размахивать им в каждом кафе на набережной. Откровенно говоря, я не хочу иметь ничего общего с этим парнем, и, по моему мнению, он не подходит для нашего дела, не говоря уже о том, что фрицы могут наложить на него свою лапу. Последний раз евреев хватали на третью ночь после отъезда Пьеро.

Между прочим, Портос увел Улисса в еврейский квартал Марселя. Сам он, конечно, со своим смертным приговором и прочими подобного рода атрибутами слывет там героем. Но какое им дело до Улисса? Он не еврей, его не разыскивают, и помогать ему, стало быть, незачем. В такой обстановке наладить радиосвязь ему, естественно, не удалось, и, сменив несколько раз место, он вернулся сюда. Разве это работа?

Когда Портос ехал в поезде с Жизель, он открыто называл настоящее имя Пьеро, рассказывал о высадке с подводных лодок, о выброске парашютистов и прочих интересных делах, к великому удовольствию собеседников по купе. Оказалось, что один из них — знакомый Жизель, и позже он спросил, кто такой Портос. А в городе, где живет Жизель, он болтал каждому встречному, что теперь сам руководит организацией Лорана. Жизель не свойственно дурно говорить о людях, но даже и она утверждает, что Портос производит очень плохое впечатление повсюду за пределами еврейских кварталов. Замечание очень меткое. И надо же, чтобы в наследство достался такой помощник!

3. У Оливье из Марселя новости: 18-го выходят два танкера с грузом курсом на Уайтхауз (Касабланка). Если наши ВМС овладеют добычей, то это с лихвой окупит все расходы по проведению специальных операций. После войны казначейству придется назначить Оливье на хорошую должность.

4. Снял фотокопии с вашего альбома объектов и переслал Мари в Лион.

5. С Эженом из Тулузы временно нет связи.

6. На поезд Ницца — Лион, в котором везли Лорана, сел Поль с людьми, чтобы освободить его. На стоянке, пробравшись через толпу пассажиров к его окну, они стали подавать знаки. По какой-то странной причине Лоран действовал так, словно не хотел, чтобы его спасали. Люди сошли с поезда в Арле, прекрасно понимая, что, если они будут обмениваться знаками до самого, Лиона, их всех непременно схватят. Таким образом, Лоран от нас уплыл. Но я попрошу Мари устроить ему перевод в тюремную больницу и помочь бежать оттуда. Мари не новичок в подобных делах, и это для нее дополнительная практика. Если побег удастся, я все же считаю, что ему следует отправиться домой, так как он полностью раскрыт. На его месте я бы с радостью убрался подальше от этой кутерьмы.

Рамон.

Донесение 2. 17 сентября 1942 года.

1. Жизель сказала мне, что Оливье придумал новый трюк: людей, которым нужно бежать из страны, одевают францисканскими монахами, и они бредут от одного монастыря к другому. Должен сказать, этот Оливье горазд на выдумки и, по-моему, с его стороны большая любезность, что он делится ими со своими соседями, особенно если это касается способов побега. У нас любой с радостью переоденется не только в монаха, но и в кого угодно — хоть в жандарма и даже фрица, — лишь бы бежать отсюда.

2. Хилари сейчас здесь. После перелома ноги он нуждается в хорошем питании и уходе. Карте обещал устроить его в больницу, где у него якобы есть знакомые — первоклассные хирурги, которые не станут задавать лишние вопросы.

Он хотел, чтобы после выздоровления Хилари стал его личным радистом, поэтому готов был посулить ему все что угодно.

Договорились, что к десяти часам Хилари приедет в больницу.

Хилари взял такси и ровно в десять был в больнице. Там о нем ничего не знали, и бедный малый просидел в ожидании приема битых пять часов. Наконец врач принял его. И тут один за другим посыпались вопросы:

— Фамилия?

— Как это случилось и где?

— Ваши продовольственные карточки?

Ошарашенный, Хилари напряг последние силы, прыгнул в автомобиль и вернулся туда, откуда приехал.

Когда я узнал об этом, меня чуть не хватил удар! Сел на велосипед и поехал в Антиб, в третий раз за этот день. В течение всего пути, невероятно злой, я придумывал выразительные фразы, которыми собирался забросать Карте, этого некоронованного короля олухов. День выдался жаркий, но я не замечал жары, ибо так горел от гнева — на самом хоть яичницу жарь.

Врываюсь к Карте, тащу его в другую комнату, чтобы никто не слышал, и там без передышки выпаливаю все, что у меня накипело. А он в ответ:

— Ах, совсем забыл!

— После этого, — возмутился я, — Хилари не пойдет к нам ни за какие сокровища и, между нами, черта с два кто другой пойдет.

Карте понял, что сейчас мне лучше не противоречить. Но он сильно удивился, так как до этого, подобно Портосу, воображал, будто я из тех, кто всегда готов уступать, какой бы вздор ему ни несли.

Но что я скажу Хилари? Что вы скажете, друзья?

Рамон.

Донесение 3. 18 сентября 1942 года.

В нашу сторону направлен прожектор. Луч его неустанно скользит с места на место и вот-вот нащупает по меньшей мере четырех влиятельных граждан в этих краях. Атмосфера накаляется.

1. Два дня тому назад, примерно около пяти часов я зашел к

Антонию. Меня встретила взволнованная хозяйка, она сообщила, что никто из жильцов принять меня не может, так как здесь только что были полицейские и произошел очень неприятный разговор. Потом я узнал, что Антонию пришлось пойти в жандармерию и объясниться.

2. Вчера, когда я шел с Карте, меня остановил полицейский. Он потребовал у меня удостоверение личности и переписал с него все данные в свою записную книжку. Затем я спросил, что все это значит, но не получил ответа. Когда Карте повторил вопрос, полицейский ответил:

— Я проверяю, кто это такой.

Когда он отошел, я заметил, что за этим разговором скрывается больше, чем кажется на первый взгляд, но Карте не согласился со мной. Бросив быстрый взгляд в том направлении, куда ушел полицейский, я увидел, как он показывает свою записную книжку какой-то неприятной личности в штатском. Таковы дела.

3. Сегодня в квартиру Поля два раза стучались полицейские, но его нет в городе. Он должен вернуться вечером, и наши караулят его, чтобы предупредить.

4. Если даже дела примут для меня дурной оборот, я узнаю об этом заранее и успею принять нужные меры. Мне наплевать на всю эту возню. Беспокоюсь только за Поля. Замечательный парень.

5. Связь с Эженом из Тулузы восстановлена.

6. Появилась надежда освободить Лорана. Мари занимается тюремной больницей.

7. С радостью получил партию подрывных устройств для самолетов, отправляемых в Германию. Людям на авиазаводе не терпится испытать новое устройство.

8. У нас есть возможность организовать на месте обмен английской валюты на французскую по курсу 225 франков за фунт стерлингов. Это бы полностью разрешило финансовую проблему.

Рамон.

Донесение 4. 8 октября 1942 года.

Дорогие друзья!

Вот уже несколько недель, которые показались мне месяцами, как я стараюсь поддерживать мир между Жюльеном и Карте. Теперь я убедился, что старания напрасны. Сегодня я встретил Поля и Карте с его шумной свитой.

— Мишель, — вдруг выпалил Карте, — я слышал из двух достоверных источников, что Жюльен называет меня неприятным

субъектом, отъявленным бездельником и безответственным болтуном и заявляет, будто работа моя никуда не годится, а вся наша нация — стадо чистокровных олухов! Он также утверждает, что если бы пришлось поменяться ролями, то англичане показали бы французам, как работают настоящие люди, и прежде всего, конечно, по части организации радиосвязи…

Каково мне было выслушивать все это? Что я мог ответить?

— Жюльен, — начал я, тяжело вздохнув, — работает уже шесть месяцев, и живется ему здесь далеко не сладко: работа тяжелая, все время мешает полиция. Парень нервничает, и ладить с ним нелегко. Признаться, и мне приходится выслушивать от него крепкие словечки. Радиста подобрать не так просто, поэтому иногда приходится терпеть. Во всяком случае, — закончил я, — вопрос о Жюльене — дело серьезное. Он отправится домой на ближайшей фелюге, потому что я тоже не одобряю такого поведения.

Затем я пошел к Жюльену и крепко пробрал его. Правда, ругал любя: парень он хороший и здорово знает дело. Если бы мы работали с ним вдвоем, ничего подобного не случилось бы. Сначала он и слышать не хотел об отъезде, считая, что это бросит тень на его репутацию. Но я настаивал, утверждая, что, во-первых, ему нужен отдых, а во-вторых, при подобных взаимоотношениях с Карте недолго до провала.

В конце концов мы договорились, что он отправится на следующей фелюге. А пока он обещал сдерживаться и безропотно передавать все донесения Карте. Однако до отъезда он доставит мне еще немало хлопот.

Рамон.

Глава V
АРНО

Как-то днем к Мишелю ворвался Портос. Он сиял от восторга, словно коллекционер-фанатик, которому только что удалось поймать редкую бабочку.

— Около Гренобля подобрал заблудившегося радиста, — возбужденно говорил он. — Наши летчики сбросили его километрах в тридцати от нужного места. Он пошел на ближайшую ферму, где и скрывался. Я ему посоветовал встретиться с вами.

— Не было печали… — простонал Мишель. — Где он?

— На пуговичной фабрике.

— Ладно, схожу взгляну на него.

Через десять минут Мишель был на пуговичной фабрике. Поднимаясь по лестнице, он раздумывал, что это за человек.

Когда Мишель вошел в комнату, его встретил угрюмый пристальный взгляд темно-серых глаз. Мишель улыбнулся, а сидящий отдернул руку от кобуры и вскочил с легкостью пантеры. Сразу же бросилось в глаза его богатырское сложение.

— Как вас зовут? — обратился к нему Мишель.

— Арно, — прогремел он басом.

— Откуда прибыли?

— А вы, собственно, кто такой? — вызывающе спросил незнакомец.

— Мишель.

— Лучше лишний раз убедиться, — сказал Арно, — хотя ваша внешность и соответствует описанию…

— Ну, так откуда вы прибыли? — продолжал Мишель.

— Из Лондона.

— Кто ваши начальники?

— Майор Бакмастер, майор Гели… — начал перечислять он.

— Хорошо, хватит. Как сюда попали?

— Через люк четырехмоторного «Галифакса» с польским экипажем.

— Достаточно, — улыбнулся Мишель.

Арно провел огромной рукой по своим каштановым космам.

— Куда вас направили работать, Арно? — продолжал задавать вопросы Мишель.

— В Париж! — пробурчал молодой исполин, поднимая густую бровь и тем самым подчеркивая всю иронию своего положения.

— Да, далековато… — сочувственно произнес Мишель.

— Дальше некуда.

— Еще бы!

Задумчиво поглаживая подбородок, Мишель смотрел на хмурого красавца богатыря. На вид ему было лет двадцать пять.

— Арно, — снова заговорил он, — у меня есть одна мысль…

— Да? — насторожился тот.

— Мой теперешний радист скоро уедет домой. Почему бы вам не остаться у меня?

— Ни за что на свете.

— Почему?

— В этой дыре!

— А что же здесь такого?

— Поганое место. Войной и не пахнет. Людишки — дрянь…

— Только не подумайте, что я вас уговариваю, — сказал Мишель равнодушно.

— Во всяком случае, — продолжал Арно более примирительным тоном, — Лондон никогда не согласится с этим, так как в Париж уже сообщили, что я еду.

— Арно, подумайте, и, если согласитесь, я все улажу.

— Подумать, конечно, можно… — ответил Арно, — но Лондон не пойдет на это.

— Хотите поспорим? — предложил Мишель.

— Конечно.

— На сколько?

— На пятьдесят тысяч!

— Идет! Где ваша рация?

— У Портоса.

Мозг Мишеля заработал, вновь появилась надежда.

— Пока оставайтесь здесь, — сказал он. — Я знаю доктора, который охотно разрешит передавать из своего дома на рут де Фрежюс. Раньше там никто не работал. Место вполне подходящее. Потом подберем жилье. В какое время вы должны войти в связь?

— В восемнадцать ноль-ноль.

— Хорошо. Побудьте здесь часок, потом приходите на Жардэн Флёри. Роже расскажет, где это. Портос отведет вас к доктору и познакомит с ним. Ваша рация будет уже там. Когда свяжетесь, передайте вот этот текст.

Мишель достал листок бумаги и быстро набросал на нем:

ОТ АРНО. НЕ ДОСТИГ ЦЕЛИ. НАХОЖУСЬ В КАННЕ. РАЗРЕШИТЕ РАБОТАТЬ С МИШЕЛЕМ. ОТВЕЧАЙТЕ ЗАВТРА ПО ОСОБОМУ ГРАФИКУ В 06.00.

— Портос сводит вас пообедать и покажет место, где будете

ночевать, — продолжал он. — Лично я думаю, доктор, принимая во внимание, что утром вам снова работать, не станет возражать, если вы останетесь у него. Если Лондон ответит «нет», я переправлю вас через демаркационную линию, и можете ехать в свой прекрасный Париж. Договорились?

— Договорились, Мишель, — сказал Арно, и впервые за весь разговор на его лице появилось подобие улыбки.

Они пожали друг другу руки, и, уже спускаясь по лестнице, Мишель повернулся и сказал:

— Портос поможет вам установить антенну, а утром зайдет узнать ответ. Не забудьте разницу во времени с Гринвичем. Завтра увидимся. Где именно, сообщу позже.

Несмотря на множество дел, Мишелю казалось, что день тянется медленно. Вечером, ложась спать, он молил фортуну помочь ему заполучить радиста.

На следующий день без пяти восемь он сидел на террасе небольшого кафе, рассеянно потягивая суррогатный кофе, даже не ощущая его отвратительного вкуса, и с нетерпением смотрел на дорогу, где с минуты на минуту должен был появиться Портос.

Вот и он. Точно в назначенное время — молодец!

Пристально всматриваясь в лицо приближающегося Портоса, Мишель тщетно пытался определить по его выражению, каков ответ.

— Здравствуйте, Портос, — сказал Мишель, указывая рукой на стул рядом. — Хотите кофе?

— С удовольствием, — ответил тот, неторопливо усаживаясь.

Мишель заказал кофе, проводил взглядом двух посетителей, которые направились к выходу, и лишь тогда спросил:

— Ну как?

Портос подтолкнул свернутую бумажку к блюдцу Мишеля, тот медленно, одной рукой расправил ее и с радостью прочел единственное слово: СОГЛАСНЫ.

Вопроса о 50 тысячах франков ни один из споривших поднимать не стал. Мишель хорошо понимал, что работать с Арно будет нелегко. Человек он трудный, никому и ничему не верит. Мишель задался целью приручить Арно, привязать его к себе стальными узами, пусть даже на это уйдут месяцы. Характеры у них диаметрально противоположные, и единственный путь добиться доверия и расположения Арно — это убедить его, что он, Мишель, не бросает слов на ветер. Великодушный жест начальства, которое согласилось оставить ему Арно, послужит первым доказательством. Мишель надеялся, что Арно не сочтет отказ от 50 тысяч франков слабостью с его стороны.

После первого контакта с Лондоном Арно по каким-то

необъяснимым причинам больше не мог связаться с ним. Жюльен уже уехал. Арно предоставили для работы еще несколько новых квартир в Канне и Антибе. Ему осталась рация Жюльена. Но как он ни пытался войти в связь, все напрасно.

Ежедневно, встречаясь с Мишелем, он повторял одну и ту же печальную историю, пересыпая ее забористыми словечками.

— Ну, Арно, как дела? — спрашивал Мишель.

— Ни черта! Даже не пискнут. Бьюсь об заклад, эти сукины сыны не слушают.

— Обязательно слушают, Арно. И к чему «сыны»? Если уж величать, то по-другому. Там девушки! Они день и ночь дежурят у раций и жаждут услышать вас. Ведь в первый-то раз вам сразу удалось связаться с ними.

— Эти… трясогузки только и мечтают о расфранченных молокососах, чтобы провести с ними вечер.

— Я отлично понимаю ваше настроение, Арно. Но не падайте духом. Связь обязательно наладится. Я уверен.

— А я нет…

— Антенна направлена на север?

— Куда же еще?

— Кварцы в порядке?

— Должны быть в порядке. Поставил те самые, на которых работал, когда удалось связаться.

— Не забыли разницу во времени?

— Нет.

— А электроток там в сети пятидесятипериодный?

— Карте говорит, да.

— Рацию Жюльена пробовали?

— Она вообще не работает.

— В магазине радиотоваров есть человек, который, пожалуй, сможет помочь. Пригласить его?

— Черта с два! Будь я проклят, если позволю кому-нибудь хоть пальцем коснуться моей рации.

— Хорошо, Арно. Как знаете. Ищите сами, в чем дело.

Целых семнадцать дней с волнением ждали связи, а дела тем временем шли своим чередом и срочные донесения накапливались.

Вся тяжесть легла на плечи агентов-связников. По три раза в неделю приходилось им с риском для жизни перебираться через границу — швейцарскую, испанскую или португальскую. Из Канна и Антиба их отправляли через день. Но все упиралось в ответы, которые сильно задерживались. Некоторые руководящие деятели организации Карте довольно быстро сообразили, кто повинен в случившемся, так как знали, почему пришлось

убрать Жюльена.

Кое-кому в душу закралось сомнение, способен ли Карте руководить движением. Но он говорил всегда так пылко и убедительно, что невольно заражал своим оптимизмом, и стоило ему заговорить, как все сомнения тотчас рассеивались и критика замирала на устах. Карте был на вершине своего могущества.

Но вот однажды Арно ворвался в квартиру Кэтрин. Впервые он не ругался, его красивое лицо расплывалось в улыбке, чего никогда не случалось. Он протянул Мишелю несколько скомканных листков бумаги. Все сразу поняли, что это означает. Отсутствие радиосвязи волновало каждого.

Пока Мишель жадно читал три срочные радиограммы, Кэтрин успела выйти из комнаты и возвратиться с бутылкой вина из своих скромных запасов. Они подняли бокалы за успех Арно, а тот застенчиво поблагодарил. Он был счастлив, почувствовав себя полноправным членом группы.

Юго-восточная зона разбивалась на семнадцать районов, в каждом из которых был местный руководитель Сопротивления. В своем районе он организовывал группы для встречи парашютистов и группы диверсантов, которых обучал Жерве. Руководителю помогали сочувствующие движению местные общественные деятели, должностные лица, демобилизованные офицеры французской армии и другие. Эти семнадцать районов поддерживали постоянную связь с Карте при помощи связников.

Зная, что на железных дорогах нужно подготовить диверсии, о дне которых сообщат незадолго до высадки союзных войск, руководители подбирали в своих районах на главной магистрали подходящие места, например повороты у обрывов, мосты, тоннели, и составляли планы диверсий. Кроме того, они подыскивали посадочные площадки для самолетов, которые доставят взрывчатку, и договаривались с каким-нибудь сочувствующим фермером спрятать у него груз, пока он не понадобится. Эти места наносили на карты, которые через связников направляли Карте.

Пользуясь кодировочной сеткой, нанесенной на прозрачную пленку, Мишель кодировал обозначенные на карте пункты и сообщал по радио в Лондон, указывая сокращенно характер объекта. Так, желая сообщить, что куда-то в район. Экса нужно направить взрывчатку для диверсии на железной дороге, он пошлет по радио: «Экс, 84, 13, железная дорога». Получив такую радиограмму, Бакмастер, которому Экс известен не хуже, чем Бирмингем среднему англичанину, положит на карту номер 84 прозрачную пленку с такой же кодировочной сеткой, как у Мишеля, и по условной цифре 13 отыщет нужную точку. Затем,

связавшись с ВВС, узнает, можно или нет доставить в указанную точку взрывчатку. Если можно, то через Би-Би-Си агентам во Франции будет передано соответствующее сообщение.

Казалось бы, работа наладилась и вошла в определенную колею. Но вдруг возникла новая проблема. Хорошо еще, что полковник Вотрэн своевременно проинформировал о ней Мишеля.

Как-то на совещании у Карте он сообщил, что в Марсель прислали 36 немецких автомобилей с радиопеленгаторными установками, и даже назвал номера машин, выделенных для Канна и Антиба. На каждой машине, кроме опытного радиста-пеленгаторщика и водителя, сидит автоматчик. Эти подвижные установки работают парами. Стоит им засечь рацию, и через несколько минут они уже там.

Узнав о машинах, Мишель разрешил Арно работать на передаче не более шести минут подряд, причем всего раз в сутки. Всех хозяев предупредили, чтобы во время передачи они выставляли двух наблюдателей, которые могли бы заметить машину по крайней мере за километр от дома. Радист тогда успеет спрятать рацию и скрыться через черный ход.

Эти меры предосторожности оказались вполне достаточными. Арно использовал для работы сорок восемь домов в шести различных городах, и ни одного из владельцев не схватили. Со временем к машинам привыкли, и они даже стали радовать Мишеля: хорошо, когда знаешь, где враг.

До прибытия фелюги оставалось несколько дней, и в Канн стали собираться агенты, которым нужно было уехать из Франции. Обычно о них сообщали по радио, но однажды на фелюгу попросился незнакомец. По просьбе Антония Мишель согласился встретиться с этим человеком, предварительно позаботившись о том, чтобы поблизости находились двое друзей.

— Моя фамилия Оппенгейм, — представился неизвестный, — я из агентурного управления, мне необходимо вернуться в Лондон.

— Почему вы не отправитесь туда своими силами? — спросил Мишель, который многое слышал об агентурной разведке, но с ее агентами никогда не сталкивался.

— Немцы перехватывают мои радиограммы. Если я вызову самолет, они его собьют. За мной установили слежку, и я вынужден был бежать из Парижа.

— Что вас привело ко мне? — спросил Мишель.

— О фелюгах я слышал у себя в управлении. Кроме того, я знал Антония еще до войны. Недавно мы с ним встретились в Париже.

— Понятно, — произнес Мишель многозначительно. — Каким образом я могу установить вашу личность?

— Пошлите радиограмму.

— Кто ваши шефы? — спросил Мишель.

— Майор Х. и капитан В. Они поручатся за меня.

— Очень хорошо. Сегодня же запросим. Встретимся на Круазетт у гаража завтра в семь вечера.

Вечером в шесть часов Арно, помимо других радиограмм, передал следующую:

СРОЧНО. ОППЕНГЕЙМ ИЗ АГЕНТУРНОЙ РАЗВЕДКИ НАЗЫВАЕТ МАЙОРА Х. И КАПИТАНА В. ОН ПРОСИТ ОБ ОТПРАВКЕ ДОМОЙ НА ФЕЛЮГЕ.

На другой день в пять часов — время передачи постоянно менялось, чтобы не засекли пеленгаторы, — получили ответ: ОППЕНГЕЙМ НЕИЗВЕСТЕН. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ.

В семь часов, захватив с собой донесение, Мишель поехал на велосипеде к гаражу. За ним на некотором расстоянии следовали двое дюжих молодцов.

Оппенгейм уже ждал его, и они медленно пошли по улице. Мишель достал радиограмму и молча передал ее Оппенгейму.

— Проклятые олухи! — возмутился тот. — Готов спорить, они просто поленились разыскать людей, которых я назвал. Наверное, играют в гольф в Глениглес и знать ничего не хотят, — сердито закончил он.

Оппенгейм говорил по-французски, но «Глениглес» произнес с превосходным английским акцентом. Мишель был склонен поверить ему.

— Знаете кого-нибудь еще в агентном управлении? — спросил он спокойно.

— Конечно. Полковника З. и полковника Р., — сразу же ответил Оппенгейм.

— Хорошо. Попытаемся еще раз. Встретимся здесь в это же время послезавтра.

На следующую ночь Арно передал:

СРОЧНО. ОППЕНГЕЙМ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЕГО ЗНАЮТ ПОЛКОВНИК З. И ПОЛКОВНИК Р.

Ответ пришел такой:

ОППЕНГЕЙМ ОПРЕДЕЛЕННО НЕИЗВЕСТЕН. ВАС ПРЕДУПРЕЖДАЛИ.

Когда он показал ответ Оппенгейму, тот побледнел как полотно и не мог вымолвить ни слова.

— Мишель, — наконец начал он дрогнувшим голосом, — я знаю, что нахожусь на вашей территории, знаю, что вы занятый человек и что я чертовски надоедаю вам. Вам ничего не стоит

привязать мне камень на шею и утопить в Средиземном море. Эти двое верзил, конечно, ваши люди, и вы без труда можете отделаться от меня. Но клянусь честью своей матери, моя фамилия действительно Оппенгейм и я работаю в агентурной разведке.

— Я верю вам, — медленно произнес Мишель, глядя прямо в глаза собеседнику, — но нам придется встретиться еще раз через дня два.

Когда Мишель писал свою третью радиограмму, он хорошо понимал состояние Оппенгейма. Но что поделаешь? Ведь не может же он сажать в фелюгу кого бы то ни было без разрешения начальства. Если в ответ на третью радиограмму ему пришлют приказ о ликвидации неизвестного, как тогда поступить? Третья радиограмма гласила:

ВЕСЬМА СРОЧНО. НАСТОЯТЕЛЬНО УТВЕРЖДАЮ, ЧТО РЕПУТАЦИЯ ОППЕНГЕЙМА В ПОРЯДКЕ. ПРОВЕРЬТЕ ЕЩЕ РАЗ.

Когда на другой день Арно передал Мишелю пачку радиограмм, он прежде всего стал разыскивать ту, в которой решался вопрос жизни или смерти человека. Вот она! Ответ был поистине невероятным:

ПУСТИТЕ ОППЕНГЕЙМА НА ФЕЛЮГУ. ВЫ БЫЛИ ПРАВЫ. ИЗВИНЯЕМСЯ.

Закурив, Мишель облегченно вздохнул.

Вскоре после этого случая пришла наконец радостная весть.

В Монпелье стояла дивизия — одна из немногих оставшихся у правительства Виши после перемирия с Гитлером. Дивизией командовал генерал де Латтр де Тассиньи, тогда еще никому не известный. Как-то в разговоре с генералом полковник Вотрэн намекнул, что кое-кто из английских офицеров, примыкающих к движению Сопротивления во Франции, поговаривает о намерении Англии вооружить группы французских партизан, которые формируются в горах. Генерал вызвался на собственный страх и риск увести дивизию в Пиренеи при условии, что военное министерство Англии будет снабжать ее по воздуху продовольствием, транспортом, боевой техникой и боеприпасами.

Сообщив обо всем этом Мишелю, Вотрэн добавил, что генерал просит передать его предложение в Лондон. Он также интересуется, согласятся ли Мишель и Арно пойти с дивизией, если предложение будет принято.

— Предложение, конечно, передам, а за себя готов ответить хоть сейчас! — радостно сказал Мишель. Он сразу подумал, что, действуя в горах, дивизия отвлечет на себя по меньшей мере десяток немецких дивизий.

Ответ из Лондона гласил:

ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО ПОЛНОСТЬЮ ОДОБРИЛО ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ БУДЕТ ДОСТАВЛЯТЬСЯ ПО ВОЗДУХУ. ВЫ И АРНО МОЖЕТЕ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К ДЕ ЛАТТРУ. ВСКОРЕ СБРОСИМ ВТОРОГО РАДИСТА.

Мишель ликовал. Предстояло серьезное дело. Не придется больше вести бесконечные глупые споры, призывать людей к бдительности, выдумывать легенды, короче, жить и работать в постоянном напряжении, как последние два месяца, не видя в этом никакого смысла!

Переслав ответ в Монпелье, Мишель набрался терпения и стал ждать. Работы по линии движения Сопротивления ничуть не убавилось, скорее, наоборот. Жерве продолжал обучать французов приемам диверсии; Роберт готовил в Альпах уже сформированные разведывательно-диверсионные группы, обучая их действиям из засады, методам подрыва мостов и дорог; по всей Франции и за границей курсировали связники, английских летчиков переправляли на родину — и все это нужно было организовывать и финансировать.

Как-то Сюзанн случайно подслушала разговор одной богатой клиентки со своей знакомой. Клиентка горько сетовала, что ее муж не успел поместить в английский банк довольно крупную сумму, когда еще имелась такая возможность. Это натолкнуло Сюзанн на мысль добывать французскую валюту прямо здесь, вместо того чтобы вывозить из Англии. Осторожно поговорив с клиенткой и наведя справки еще кое-где, Сюзанн сообщила обо всем Мишелю.

Мишель запросил Лондон, и оттуда ответили согласием. Теперь оставалось найти французов, желающих поместить свои деньги в английские банки, и договориться с ними о курсе обмена. Подтверждением того, что в английском банке на их счет положены соответствующие суммы, послужат условные сообщения Би-Би-Си в передачах для Европы. Текст каждого сообщения, известный только вкладчику и Мишелю, будет передаваться в течение трех ночей подряд.

Первую из таких сделок заключили на сумму в два миллиона франков с мужем клиентки Сюзанн. Мишеля познакомили с ним, и состоялся разговор, похожий на все другие, которые впоследствии пришлось вести на эту тему.

— Насколько я понимаю, вы — английский офицер, — неуверенно начал вкладчик, — но, знаете, как-то трудно поверить…

— Действительно, я тот, за кого вы меня принимаете, — отвечал Мишель. (Он чувствовал себя так, словно стоит обнаженный на публичном аукционе.)

— И вы в самом деле можете положить на мое имя в главной конторе Барклей на улице Ломбард сумму, равную двум миллионам франков, в английской валюте по курсу двести двадцать пять франков за фунт стерлингов?

— Могу.

— Каким образом я узнаю, что сделка состоялась?

— Дайте мне короткое сообщение — неважно какое— и завтра в девятнадцать часов тридцать минут по французской программе Би-Би-Си вы услышите его. Для надежности сообщение будут повторять три вечера подряд. Это будет означать, что сделка состоялась.

— Как сообщение попадет в Би-Би-Си, да еще так быстро?

— Боюсь, это останется моим секретом.

— Невероятно, но я согласен. Как только услышу свое сообщение в третий раз, тотчас же передам деньги Сюзанн.

— Итак, ваша фраза?

— «Ma fille va faire sa première communion demain»[11].

— Очень хорошо! До свидания.

Глава VI
ПОДВИГ РАДИСТА

Как-то во второй половине октября Арно вручил Мишелю следующую радиограмму:

НЕТ СВЯЗИ С МАРСЕЛЕМ, АРЛЕМ И ТУЛУЗОЙ. ПОЖАЛУЙСТА, ПОЧИНИТЕ РАЦИИ.

— Этого еще не хватало! — воскликнул Мишель, бросая радиограмму на стол и глядя на Арно. — Помните, нам все время твердили никогда не соваться за помощью к соседу, если приходится туго?

— Конечно, помню, — саркастически усмехнулся Арно. — Когда самому туго, говорят: «Не соваться», а когда туго пришлось другим, сразу же: «Почините…» Безответственные болтуны!

— Но, Арно, — уже спокойнее продолжал Мишель, в глубине души радуясь, что начальство в Лондоне такого высокого мнения о его радисте, — здесь же говорится «пожалуйста»!

— Они любезничают, чтобы я согласился чинить чертовы рации… Подумать только, эти недотепы в Марселе, Арле и Тулузе…

— Арно, что же делать? Вспомните, и у нас с вами однажды было…

— Не буду, — отрезал Арно.

Мишель не ожидал, что отказ будет столь решительным. Тем не менее прежде всего по соображениям безопасности он отнюдь не собирался приказывать Арно заняться этим необычным делом. Как можно заставлять человека чинить, а затем испытывать чужие рации, когда кругом снуют машины с радиопеленгаторами? Ведь они уже схватили девять радистов.

— А зря, — продолжал Мишель, с напускным равнодушием глядя в окно, — большое бы дело сделали. Репутация ваша от этого сильно бы выиграла: Почему бы не попробовать?

— А здесь, значит, все бросить и бог знает на какое время? — огрызнулся Арно.

— Наши донесения можно передать по рациям, которые вы почините. Там же получите ответы.

— Рации! Вы воображаете, что я их все починю?

— Сказать по правде, Арно, я в этом уверен, — признался Мишель со всей искренностью.

— Черт знает что! — примирительно проворчал Арно, и Мишель почувствовал, что выиграл сражение.

— В общем, если надумаете, приходите завтра

утром. Получите билет на поезд в спальный вагон туда и обратно. Я могу подобрать связника, который знает адреса всех трех радистов и проводит вас к ним. Сегодня вечером вы еще успеете передать часть донесений. Завтра утренний экспресс отправляется в девять сорок семь.

— Ладно, приду. Разве вас переспоришь? — Арно поднялся и направился к выходу, бросив на Мишеля укоризненный взгляд, в котором, однако, сквозила неуверенность.

Некоторое время Мишель в раздумье смотрел на дверь, которая закрылась за Арно, а затем позвал Сюзанн, чтобы отдать необходимые распоряжения.

На следующее утро в десятом часу Арно пришел к Мишелю. Проворно и деловито он выложил четыре радиограммы, две из которых требовали ответа. Затем молча убрал билет в бумажник и похлопал себя по карману, где лежал кольт, с которым радист не разлучался. Остальные карманы были битком набиты всякими инструментами, проводками и зажимами. Сюзанн, как всегда приветливо улыбаясь, поставила перед ним на стол большую чашку кофе. Она относилась к Арно с симпатией, несмотря на то что ее, как и многих других, порой шокировали его неприличные выражения и дурные выходки.

Выпив кофе, Арно надел свой лоснящийся макинтош, надвинул низко на лоб зеленую шляпу и, кивнув Мишелю и Сюзанн, вышел из комнаты. Сопровождать его поручили Рикэ.

Беспокоиться об Арно было просто некогда из-за неотложных дел.

Вот уже несколько дней в городе находится Бернар из Клермон-Феррана. Ему нужно было договориться с Мишелем, где устроить жену, которая прибывала на следующей фелюге.

Не ладилось у Губерта. Ему показалось, что квартира в Сент-Этьене, адрес которой он получил в Лондоне, находится под тайным надзором у гестапо. Он слышал, что, когда придется туго, лучше всего уехать в Канн. Не теряя времени, Губерт так и поступил. Арно свяжется с Лондоном, и там решат, что делать Губерту дальше, а пока о нем приходилось заботиться Мишелю.

Арамис, недавно прикрепленный к группе Мишеля, уже в третий раз справлялся, разрешил ли Лондон закупить партию сушеных продуктов. Он должен ответить владельцу в течение двадцати четырех часов, иначе все продукты, которые пока еще в Марселе, будут проданы немцам.

— Сколько они хотят за них? — спросил Мишель.

— Два миллиона франков. Это целый склад, — сказал Арамис, — и притом продукты хорошего качества.

— Ладно, раз никто не может добиться ответа в казначействе,

закупайте под мою ответственность. Черт с ними! Не можем же мы без конца посылать запросы.

— Молодец, Мишель! Я еду…

Вошла Сюзанн и сообщила, что пришел Эжен из Тулузы.

— Вот кого, я действительно рад видеть, — радостно улыбаясь, сказал Мишель, здороваясь со своим другом. — Как мы волновались, когда Жизель сообщила, что ей не удалось найти вас.

— В Тулузе сейчас дела неважные. Что, если я побуду недельку в Канне, пока там все успокоится?

— Он еще спрашивает! — воскликнул Мишель. — Сюзанн вас отлично устроит. Отдыхайте, ходите к морю. Лишняя пара купальных трусов всегда найдется, а велосипеда у меня два. Завтра пообедаем вместе где-нибудь в укромном местечке, если, конечно, вы не найдете себе более интересного занятия.

— Я в восторге, Мишель!

— Кстати, Арно поехал чинить рацию на этой вашей ферме около Монреже. Надеюсь, там спокойно?

— Да, вполне. Ферма стоит в стороне, поблизости никто не живет. Я там прячу оружие.

Их беседу прервало появление Рено, который сообщил Мишелю, что его срочно хочет видеть один человек с последней фелюги. Он ждет на пуговичной фабрике.

— Кто это? — спросил Мишель.

— Не знаю его имени. Тот самый, который, помните, так заносчиво вел себя, когда мы ему. давали продовольственные карточки.

— Ах, вот кто… Передайте ему, пожалуйста, что встречусь с ним сегодня днем в четыре. Пусть немного подождет. Это Грегуар. Бьюсь об заклад, ему нужны деньги.

— Карте спрашивает, — продолжал Рено, — не сможете ли вы встретиться с ним сегодня утром в одиннадцать тридцать вместо двенадцати пятнадцати.

— Конечно… в том же месте?

— Да!

Встреча с Карте состоялась в доме доктора на рут де Фрежюс.

Мишель показал ему недавно полученные радиограммы, одна из которых гласила:

ДЛЯ КАРТЕ. ВЫСЫЛАЕМ БОМБАРДИРОВЩИК В ВИНОН ЗА ВАМИ, МИШЕЛЕМ И ПЯТЬЮ ГЕНЕРАЛАМИ. ПУСТЬ МИШЕЛЬ ПРОВЕРИТ ПЛОЩАДКУ. ПОДРОБНОСТИ СООБЩИМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО.

— Вам нет надобности проверять посадочную площадку, — заявил Карте. (Кажется, он обиделся.) — Наши люди в состоянии

сделать это сами. Кстати, как раз в том районе уже недели две живет группа французских летчиков, Они-то должны знать, что там делается.

— Вопрос не в доверии, Карте, — сказал Мишель. — Дело в том, что я прошел специальную подготовку и знаю, какие площадки требуются английским летчикам.

— Ну, если вы хотите осмотреть место, добирайтесь туда сами. У меня нет бензина на подобные прогулки.

Мишель с трудом сдержал охватившую его ярость: он собирается отправить в Англию к де Голлю французских генералов просто потому, что его специально обучили подобным делам, а человек, которого он сам рекомендовал, не только отвергает эту помощь, но еще выражает недовольство!

Что делать? Если он все же поедет проверять площадку, Карте вскоре узнает об этом и оскорбится. Если он, Мишель, не поедет и операция почему-либо провалится, начальство будет вправе судить его военно-полевым судом. Тогда уж припомнят и кой-какие другие дела, например как он самовольно разрешил закупить продовольствие на два миллиона франков. Да мало ли что можно приписать человеку. В общем, если так пойдет дальше, то вряд ли он доживет до конца войны, а если и доживет, так разве лишь в Тауэре![12]

Мрачные размышления прервал приход полковника Вотрэна.

— Вы сегодня читали газеты, Мишель? — начал он.

— Нет, — откровенно признался Мишель, приготовившись выслушать новую неприятность.

— Опубликован только что принятый закон, согласно которому все лица без определенных занятий в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет отправляются на принудительные работы в Германию.

— Вот еще новости! — воскликнул Мишель.

— Я бы не очень беспокоился, — продолжал полковник, — если бы вы были похожи на журналиста-любителя, за кого себя выдаете.

— Как же быть? — спросил помрачневший Мишель.

— Есть одно занятие, которое, мне кажется, вам очень бы подошло…

— Какое? — заинтересовался Мишель.

— Одна моя хорошая знакомая, госпожа Рондэ, возглавляет агентство по сдаче в аренду недвижимости на Круазетт. Я ей сказал, что у меня есть друг Пьер Шовэ. Теперь вы можете позвонить ей или зайти. Если госпожа Рондэ возьмет вас к себе агентом, а это вполне возможно, вы сможете где угодно арендовать дома для Арно.

— Имеет ли она представление, кто я такой в действительности и чем занимаюсь?

— Ни малейшего. Правда, я намекнул ей, что, по-моему, у вас прабабушка — англичанка.

— Хорошо. Большое спасибо, полковник. Сегодня же схожу туда.

Мишель сдержал слово и в полдень зашел к госпоже Рондэ. Он отрекомендовался и пригласил ее поужинать в своем излюбленном ресторане у Роберта. Госпожа Рондэ приняла приглашение.

Мишель заранее зашел в ресторан, выбрал столик и заказал изысканный ужин. Не зря он посещал этот ресторан в течение двух месяцев: подержав его немного на обычном скудном рационе, хозяин пришел к выводу, что это не сыщик из министерства продовольствия, и теперь Мишелю подавали кое-что с черного рынка.

Еще раз просмотрев заказ, Мишель убедился, что если в ближайшем будущем он не получит места в агентстве, то не из-за какого-нибудь промаха с ужином.

В половине третьего он встретился с Эженом и освободился только через час. Еще четверть часа ушло, чтобы договориться с Сюзанн о том, как удобнее разместить женщин, прибывающих со следующей фелюгой. Затем Мишель отправился на свидание с Грегуаром, назначенное на четыре.

Приближаясь к фабрике, он подумал, что разговор будет неприятный, и внутренне приготовился к этому.

— Весьма любезно с вашей стороны, что вы сочли возможным прийти, — произнес Грегуар вместо приветствия.

— Мы все довольно заняты, ничего не поделаешь, — ответил Мишель, сдерживая нарастающую ярость.

— Даже в этом захолустье?

— По какому вопросу вы хотели меня видеть? — в свою очередь спросил Мишель, удивляясь собственному терпению.

— Я хочу, чтобы вы связались с Лондоном и попросили прислать мне еще денег, — оптимистически заявил Грегуар.

— Вы находитесь здесь всего три недели. Насколько мне известно, вам дали с собой сто тысяч франков. Разве их уже нет?

— Безусловно. Иначе меня бы здесь не было.

— Раз мне предстоит просить для вас денег, то позвольте полюбопытствовать, на что вы их тратите?

— Вы не профессионал и вряд ли поймете. Нам приходится оплачивать кое-какие услуги…

— Например?

— Мне надо за кого-то выдавать себя, и я купил ферму за

тридцать тысяч франков. Еще тридцать с меня взяли за приличный радиоприемник. Остальные деньги я положил в банк на имя жены одного доктора из Перпиньяна. Это мой друг, и я уговорил его работать со мной в Париже. Вполне естественно, он пожелал как-то обеспечить жену на случай, если его схватят. Надеюсь, вы удовлетворены? — закончил Грегуар язвительно.

— Ну, во-первых, — начал Мишель, — я не профессионал, но отлично понимаю, что не было необходимости платить такую крупную сумму за ферму. Во-вторых, ни один приемник не стоит тридцать тысяч франков, если только он не украшен бриллиантами. Наконец, у меня в данный момент работают четыре доктора, и никто из них не ждет от меня ни гроша для своих жен. Так что, пожалуй, лучше не быть профессионалом…

— Таким, как вы, торопиться некуда. Когда получится, тогда и ладно, а мне нужна быстрота.

Мишель понял, что зря теряет время. Он молча вытащил бумажник и протянул три крупные банкноты.

— Вот вам пятнадцать тысяч, пока я не получу указаний из Лондона.

— Это мне ни к чему! Мне нужно пятьдесят тысяч!

Мишель не спеша убрал деньги обратно в бумажник и, глядя прямо в глаза Грегуару, медленно и четко произнес:

— В таком случае вообще ничего не получите, и я не буду беспокоить Лондон по этому делу. Убирайтесь!

Незадачливый «профессионал» поспешил ретироваться.

Вернувшись к себе, Мишель одел светло-коричневый в елочку костюм. Другого у него не было, да и этот Сюзанн извлекла из гардероба своего друга-американца.

Мишелю впервые предстояло провести вечер в обществе особы, которая не имела ни малейшего представления о его деятельности. Придется следить за собой, чтобы не вызвать подозрения каким-нибудь неосторожным словом.

Ужин удался на славу. Обслуживали превосходно, и Мишель показал себя тонким знатоком по части выбора вин и закусок. Загорелое лицо Мишеля, то и дело озаряемое предупредительной улыбкой, делало его похожим на одного из тех беспечных тунеядцев, которые целое лето околачиваются на южном побережье.

— Восхитительный ужин, месье Шовэ. Я в восторге от этого чудесного вечера, — сказала госпожа Рондэ, глядя на собеседника.

— Я рад, сударыня. Не правда ли, приятно, что такие вещи, как приличный ужин, еще существуют.

— Полковник Вотрэн сказал мне, что вы хотели бы стать

одним из моих агентов?

— О да!

— Сейчас дела идут довольно вяло: война и к тому же кончается летний сезон.

— Понимаю, сударыня. Но все же немало состоятельных людей едут сюда из оккупированной зоны. Я знаю многих, кто ищет дома. Желающих побывать здесь много, но не все уверены, что смогут снять виллы.

— Это довольно интересно, сударь.

— Уверяю вас, что в ближайшее время я смогу найти арендаторов по меньшей мере для четырех домов.

— Я серьезно обдумаю ваше предложение, месье Шовэ. Но, — продолжала госпожа Рондэ в некотором замешательстве, — меня беспокоит один вопрос, и я все время хочу спросить вас…

— Пожалуйста, — вставил Мишель учтиво, стараясь догадаться, что это может быть.

— Видите ли, вы — молодой человек… во цвете лет…

Мишель посмотрел на гостью — та приложила салфетку к губам, делая вид, что с трудом подыскивает слова.

— По правде говоря, меня смущает, разумно ли нанять такого человека, который в один прекрасный день может почувствовать желание присоединиться к войскам свободной Франции в Лондоне, — призналась наконец госпожа Рондэ.

Мишель мысленно расхохотался. Все же мадам не приняла его всецело за повесу, которым он старался прикинуться. Теперь надо развеять ее сомнения.

— О, не стоит опасаться этого, сударыня. Я питаю отвращение к войне. А кроме того… Постараюсь быть таким же откровенным, как вы. Должен признаться, что сейчас меня куда больше интересует одна блондинка, которая живет по соседству со мной, — лгал Мишель с бойкостью, которая удивляла его самого.

— Вот как! — неопределенно сказала госпожа Рондэ.

Признание собеседника ее успокоило, но вместе с тем не могло и не огорчить: он оказался заурядным эгоистом, потворствующим своим прихотям.

Дальше разговор не клеился, и Мишель почувствовал огромное облегчение, когда вернулся домой. Все же он был доволен хотя бы тем, что дама осталась в полном неведении о его деятельности. Теперь полковник Вотрэн замолвит за него слово, и он получит место.

Прежде чем лечь спать, Мишель задумался, стоит ли писать очередное донесение в Лондон. Решил не писать. Ведь в ближайшее время он полетит туда сам и устно доложит о

сложившейся обстановке. Интересно, как Бакмастер распутает узел? Мишель был совершенно уверен в одном: ни в коем случае нельзя возвращаться во Францию, если Карте останется во главе организации.

* * *

На следующее утро Мишель зашел к Кэтрин и, к своему удивлению, увидел там Арно, который как ни в чем не бывало жевал хлеб, запивая его кофе. Он осунулся, был не брит. Подняв на Мишеля усталые глаза, он с набитым ртом пробормотал приветствие.

Чувство благодарности охватило Мишеля, и с необычайной теплотой в голосе он произнес:

— Здравствуйте, дружище!

Пожав руку хозяйке дома, он извинился, что не поздоровался с ней первой.

— Пустяки, это вполне естественно, — ответила та.

Когда Арно допил кофе и вытер руки о куртку, Мишель предложил ему сигарету и спросил:

— Ну как?

— Вы были правы, Мишель. Я смог починить их все.

— Три рации в один день?! — поразился Мишель.

— Да, будь они трижды прокляты…

— Но ведь до Тулузы шестьсот — километров и нужно было поспеть на четыре поезда! Как же, черт возьми, вам это удалось?

— Дайте мне сказать, и я постараюсь объяснить.

Мишель и Кэтрин переглянулись и, пожав плечами, молча уставились на Арно.

— Я добрался до Марселя примерно в двенадцать сорок, и мы пошли прямо куда следует. Неисправности оказались пустячными, и связь с Лондоном была восстановлена через четыре с половиной минуты. Я передал две ваши радиограммы и предупредил девушку на приеме, чтобы она ожидала моих позывных из Арля. Затем ей вздумалось что-то передать мне, должно быть, им там делать нечего…

— Что же она передала? — перебила Арно Кэтрин.

— Так… какой-то вздор, — ответил тот возмущенно.

— Когда-нибудь встречали эту крошку? — спросил Мишель.

— Не валяйте дурака, Мишель.

Кэтрин едва удержалась от смеха.

— Продолжайте, Арно, — серьезным тоном попросил Мишель.

— Мы с Рикэ успели на экспресс, отходящий в Арль в тринадцать тридцать семь, и, конечно, доехали очень быстро. Отправились в центр города, в аптеку. Там в задней комнате была установлена рация, на которой работал Улисс. Скажу прямо — дерьмо, а не рация. Я провозился с ней семнадцать минут, пока удалось восстановить связь.

Мишель хотел было спросить, что сказала девушка на этот раз, но Кэтрин вовремя удержала его неодобрительным взглядом.

— Я получил ответы на радиограммы, которые передал из Марселя, а также из Канна ночью накануне отъезда. Они где-то здесь, — сказал Арно, шаря в кармане. — Ну, — продолжал он, видя нетерпение слушателей, — я дал Улиссу несколько советов: я кое-чему научился на собственном горьком опыте… До отхода ближайшего поезда еще оставалось время, и мы пошли перекусить. В пятом часу сели на поезд и поздно вечером были в Тулузе. Там пересели на поезд на Монреже. Нас встретили и на рессорной двуколке отвезли на ферму, где находится рация Урбана. Бог знает, когда мы туда добрались. Они позаботились о нас и хорошо угостили. Пропасть еды, окорока, словно слоновьи, и вино ведрами. Никогда не видел ничего подобного. Сказочное место для работы — так, по крайней мере, я думал в тот момент.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Мишель.

— Скажу, если вы наберетесь терпения, — ответил Арно. — Я сразу заявил им, что мне нужно успеть на ночной двухчасовой поезд. Рикэ заранее узнал время отправления, и они показали мне рацию сразу же после ужина. Черт возьми, в каком она была состоянии! Заржавела, собрана шиворот-навыворот. Потребовалось не меньше получаса, чтобы как-то наладить ее. Наконец я взялся за ключ. Стучал, стучал — все напрасно. Вдруг слышу — к дому подъезжает автомашина…

Арно закурил новую сигарету и продолжал:

— Я схватился за пистолет и рванулся к окну, но фермер удержал меня, заверив, что мы успеем спрятаться. Я подхватил рацию. Урбан — тяжелые аккумуляторы, и мы бросились за фермером. Когда он открывал погреб, в дверь уже стучались. Жена фермера не спеша пошла открывать, а мы по крутой лестнице спустились вниз и закрыли за собой вход в погреб. Я уже начал подумывать, что из этой ловушки нам не уйти. Почему мне не дали перестрелять их всех там, через окно? Но тут фермер открыл потайную дверь, и мы очутились в сыром тоннеле.

Плотно прикрыв дверь, он зажег спичку и сказал: «Вот и пригодился старый подземный ход. Ферма существует около четырехсот лет, и люди, которые ее строили, видно, знали, что делают. Наверно, они тоже были не в ладах с немцами».

— Ну, а дальше? — не выдержала Кэтрин.

— Мы шли довольно долго, но вот наконец оказались в какой-то полуразвалившейся постройке, откуда отлично было видно ферму. Мы находились примерно в тысяче метров от нее. Фермер пошел обратно прямо через поле. Он сказал, что вернется, когда уедут немцы. Я пристроил рацию на камнях, из-за которых мог видеть ферму, и продолжал починку.

— К ключу вы, конечно, не притрагивались? — с тревогой в голосе спросил Мишель.

— Господи, конечно нет! — воскликнул Арно. — Ясно, что эти сволочи оставили кого-нибудь на радиопеленгаторе на случай, если передача ведется не с фермы, а из другого места.

— И долго они оставались на ферме? — поинтересовалась Кэтрин.

— Прошел почти час, прежде чем мы с Урбаном услышали шаги в тоннеле. Я взялся за пистолет, но это был фермер. Он мрачно сообщил, что обе машины уехали.

— Обе? — переспросила Кэтрин.

— Да. Они всегда работают парами, как и у нас здесь, дорогая Кэтрин, — последовало довольно терпеливое объяснение.

— Как же вы испытывали рацию при таких обстоятельствах? — поинтересовался Мишель.

— Да подождите же! Ведь я еще не починил эту чертову рухлядь! — воскликнул Арно, поднимая руку к небу, словно моля покарать тех, кто его прерывает.

— Хорошо, хорошо, Арно. Мы не будем перебивать вас, но, пожалуйста, выбирайте выражения в присутствии Кэтрин…

— Продолжайте, Арно, — сказала Кэтрин, — и не обращайте на меня внимания.

— Простите, Кэтрин, — выдавил из себя Арно, который вдруг стал чем-то похож на раскаивающегося медведя.

Я спросил фермера, действительно ли немцы уехали, и он ответил, что следил за машинами с крыши до тех пор, пока они не скрылись из виду. «Может быть, они еще вернутся», — настаивал я. «Посмотрите сначала, какой погром они учинили в доме, — мрачно ответил фермер. — Зачем им теперь возвращаться?» Мы молча пошли на ферму, и там нам все стало ясно. Немцы были настолько уверены, что рация спрятана где-то здесь, что перевернули все вверх дном. Никогда в жизни я не видел такого кавардака… Не буду вдаваться в подробности, но тогда мне хотелось одного — чтобы эти проклятые ублюдки, простите, Кэтрин, вернулись. Я бы с радостью перестрелял их всех… Но надо было испытать рацию. Когда я подключал ее к батарее, фермер стоял на часах у окна, вооружившись

французским ручным пулеметом. Урбан тоже подобрал себе что-то, очевидно из тех запасов оружия, которые создал Эжен. У меня под рукой был пистолет, а Рикэ дежурил на крыше с полной корзиной ручных гранат. Я отстучал позывные и перешел на прием. Ответный писк морзянки показался мне приятнее самой прекрасной музыки.

На рации в Лондоне работала все та же девушка — насколько можно судить по почерку. Я передал открытым текстом: РАДИ БОГА, ТОРОПИТЕСЬ. ЗА МНОЙ СЛЕДЯТ. Ну, радиограмма, которую я получил, у меня здесь… Они еще успели посадить меня на последний поезд на Тулузу… — Арно замолчал. Ему порядком надоело рассказывать. — Не дадите ли еще кофе, Кэтрин? — попросил он, вытаскивая дюжину радиограмм и бросая их на стол перед Мишелем.

— Сколько хотите, Арно. Вы заслужили большего, — сказала гостеприимная хозяйка, поднимаясь, чтобы выполнить просьбу.

Мишель закурил сигарету, взял расшифрованные радиограммы и просмотрел их. Позже он прочитает радиограммы более внимательно, а пока ему очень хотелось найти среди них одну… А, вот она:

ДЛЯ АРНО. МОЛОДЕЦ, ПРЕКРАСНО СПРАВИЛИСЬ. ЭТО НАСТОЯЩИЙ ПОДВИГ.

«Значит, — подумал Мишель, — Бакмастер тоже был на радиостанции и следил за самоотверженной работой Арно…»

Глава VII
ЛУИЗА

Жизнь шла своим чередом, события развивались довольно бурно, и вдруг все вышло из привычной колеи. Ожидали прибытия семерых новичков, из которых три — женщины. Требовалось просто переправить их к месту назначения. Мишель точно знал, кто прибывает и что с каждым делать. Этим приходилось заниматься и раньше. Но женщин к нему направляли впервые. Вдвоем с Сюзанн они все тщательно продумали, и теперь Мишель надеялся, что новички останутся довольны своим кратковременным пребыванием здесь и не очень будут мешать ему.

Антоний согласился разместить у себя четырех мужчин, а женщины, было решено, остановятся у Сюзанн. Наверное, им придется заняться стиркой после десяти суток, проведенных в открытой фелюге. Сюзанн поможет им привести в порядок прически и позаботиться о множестве других мелочей, которые так важны для женщин.

Новички должны были приехать 2 ноября в 10 часов 15 минут на утреннем экспрессе из Марселя. Сюзанн давно начала экономить газ, чтобы можно было согреть воды хотя бы на две ванны. То же самое делал Мишель у себя в квартире: три женщины прежде всего захотят помыться, и та, которой пришлось бы ждать, неизбежно будет недовольна.

На буфете стояла большая тарелка с имбирными пряниками, на которые израсходовали огромное количество хлебных талонов, а рядом — две бутылки красного вина. В тихом ресторане заранее заказали столик на четверых. Мишель собирался угостить женщин после того, как они примут ванну и переоденутся, а затем они отправятся отдыхать — три застланные кровати уже ждали их.

— Вон они идут! — объявила Сюзанн, которая смотрела в окно. — А почему вы волнуетесь, Мишель? Вы сейчас похожи на метрдотеля, который готовится принять члена королевской семьи!

— Не знаю, что со мной. Последнее время я стал нервничать…

Сюзанн пошла открывать дверь.

Во главе с высоким Марсаком вошли вновь прибывшие. Их можно было принять за бродяг — до того они обтрепались. Женщины, правда, выглядели более или менее прилично: при

помощи различных принадлежностей, хранящихся в сумочках, они ухитрялись кое-как поддерживать свой внешний вид.

— Браво, браво! — шутливо воскликнул Мишель, здороваясь с Марсаком. — А теперь, пожалуйста, отведите мужчин к Антонию. Он ждет их. Вы устроитесь там недурно, — добавил он, обращаясь к мужчинам. — Это одна из лучших вилл в округе. Я приду туда сегодня днем, после того, как вы подкрепитесь и отдохнете.

Марсак с мужчинами ушел, и Мишель обратился к женщинам.

— Это Сюзанн, — сказал он, — она хозяйка вашей квартиры.

Женщины в свою очередь представились Мишелю. Их имена были уже знакомы ему по радиограмме.

— Вы, конечно, утомились, проголодались, — продолжал он, — и мечтаете о ванне. Мы с Сюзанн решили сначала предложить вам немного перекусить. Потом примете ванну, и я могу проводить вас в ресторан. А потом уж вы отдохнете, как следует.

Предложение с радостью было принято, и вскоре вся компания весело жевала пряники, а Мишель наполнял бокалы.

Самой старшей в группе было за пятьдесят. Седоволосая леди, она, по-видимому, обладала сильным характером, несмотря на свой веселый нрав. Она довольно часто забывалась и переходила на английский язык. Мишель мягко предупредил ее и посоветовал остерегаться этого. Но после опасного плавания на утлом суденышке ее уже ничто не пугало. Леди объявила, что ей необходимо сходить к парикмахеру и что она надеется успеть на поезд в Клермон-Ферран, где работает ее муж.

Другой было под тридцать. По виду она не очень подходила для той опасной работы, ради которой сюда приехала. Но разве можно судить по виду? Время покажет…

Третьей, Луизе, Мишель дал бы лет двадцать пять. Светло-каштановые волосы, зачесанные назад, выпуклый лоб, проницательные глаза на слегка бледном лице — все в ней дышало вызовом. Решительный подбородок еще более усиливал это впечатление. Мысль о тюрьмах вряд ли ее напугает. Присмотревшись к девушке, Мишель почувствовал опасение, что она, пожалуй, сочтет излишним беспокоиться о такой «мелочи», как собственная безопасность.

Но больше всего его поразили руки Луизы — такие руки он видел впервые. Держа бокал в левой руке, правой она небрежно отщипывала от пряника крошечные кусочки, и он невольно залюбовался тонкой изящной кистью, длинными пальцами. Средний палец левой руки заслонял собою безымянный, словно

нежно оберегая его. А может быть, это была попытка спрятать от любопытных взглядов платиновое обручальное колечко, которое бросилось Мишелю в глаза.

Луиза перехватила взгляд Мишеля и слегка надулась. Он понял, что эта молодая женщина не склонна поощрять какое бы то ни было разглядывание.

Все утро женщины занимались своими делами, и в ресторане они уже выглядели довольно элегантными, насколько, впрочем, позволяли скромные наряды, которыми их снабдили в Лондоне.

Когда вернулись из ресторана, две женщины отправились спать, а Луиза осталась с Мишелем и сразу же заговорила о деле:

— Встретили вы нас хорошо, и это очень приятно. Я и не ожидала другого после всего, что слышала о вас в Лондоне, Гибралтаре и даже от Яна Быковского, кстати он шлет вам привет. Но мне не терпится приступить к работе. Я назначена в Оксерр…

— Я знаю, что вы едете в Оксерр, Луиза. Но без проводника вы не переберетесь через демаркационную линию, а в ближайшие два — три дня у нас все люди заняты. Пока отдохните, освойтесь со здешними порядками. А сейчас ложитесь-ка лучше спать.

— Я не нуждаюсь в отдыхе, спасибо.

— Извините, Луиза, к сожалению, у меня есть еще кое-какие дела. Мне пора идти.

Мишель оставил ее с Сюзанн, а сам отправился в город: ему действительно нужно было встретиться кое с кем. Потом он зашел к Антонию, навестить вновь прибывших мужчин. Их он без труда уговорил подождать несколько дней, обещав при первой же возможности отправить по назначению. Они только попросили дать им связника, который бы проводил их до Марселя и там посадил на нужные поезда, Марсельский вокзал — место опасное, и Мишель, конечно, согласился.

В половине шестого он вернулся к Сюзанн. Открыв дверь, она приложила палец к губам, умоляя не шуметь. Мишель на цыпочках пошел по коридору. Подойдя к первой закрытой двери, он прислушался и, уловив ровное дыхание, двинулся к следующей двери, которая была полуоткрыта. Заглянув в комнату, он улыбнулся: Луиза крепко спала, и лицо ее было безмятежным, как у ребенка.

На другой день попутчицы Луизы уехали, а мужчины решили отдыхать и купаться, пока не прибудет обещанный связник. Мишелю не удалось найти среди персонала Карте проводника для Луизы, и, когда утром на третий день он пришел к Сюзанн, ему пришлось объявить Луизе о дальнейшей отсрочке. Он заранее знал, как она встретит новость, и не ошибся. Кое-как ему удалось убедить ее, что ввиду предстоящего лунного периода буквально

все завалены работой и свободного проводника пока нет.

— Ну, если уж я застряла здесь надолго, то тогда поручите мне какое-нибудь дело.

— Дел у меня — хоть отбавляй. Вы действительно хотите за что-нибудь взяться?

— Разумеется.

— Вы умеете ездить на велосипеде?

— Умею. А что мне делать?

— Поезжайте в Жуан-ле-Пэн. Там, когда проедете мимо отеля «Провансаль», начнется крутой подъем. Сразу же, как он кончится, будет поворот направо. Свернете туда и в четырехстах метрах слева увидите виллу под названием «Ле Жонкиль». Спросите Карте, скажите ему, кто вы такая, — он узнает вас по моему описанию…

— Какому описанию? — спросила она удивленно.

— Не перебивайте, Луиза! — сказал спокойно Мишель. — Отдайте ему вот эти донесения и подождите ответа. Всего ехать около семи километров туда и столько же обратно. Согласны?

— Согласна.

— Тогда повторите, что будете делать.

Луиза без возражений повторила все слово в слово. «Значит, они и женщин кое-чему учат», — подумал Мишель и уже более мягко сказал:

— Велосипеды у калитки, примкнуты цепью. Возьмите синий. Вот ключ от замка. Сюзанн расскажет вам, как лучше выехать из города.

Она взяла ключ и вышла из комнаты искать Сюзанн.

Через несколько минут вошел Рикэ. Узнав, что Луиза собирается в Жуан-ле-Пэн, он поинтересовался, нельзя ли ему избавить девушку от этого неприятного дела.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Мишель, — но я хочу проверить, сколько времени у нее уйдет на это.

— О, понимаю, новый агент подвергается тяжелому испытанию. — Рикэ подошел к окну, чтобы понаблюдать, как она поедет, а Мишель развернул на столе карту, собираясь нанести новые места для выброски грузов.

Вдруг на мостовую что-то с грохотом упало, жалобно звякнул велосипедный звонок.

— Что там такое? — спросил Мишель, не отрываясь от карты.

— Луиза приступила к испытанию. Вот она встает, — говорил Рикэ, подражая спортивному комментатору. — Свирепый вид. Стряхивает с себя пыль, осматривает колено. Прелесть! Но что это? О, порваны чулки… Кровь! Вытирает колено носовым платком. Она непреклонна! Снова берется за руль. Нога уже на

педали, нужно ехать! Поехала! Нет, упала. Поехала! Снова упала… Поехала! Но почему она так странно виляет? Чуть не наехала на собаку… скрылась за поворотом.

— Скрылась, — проворчал Мишель, продолжая работать. — Похоже, что она впервые в жизни села на велосипед. И зачем было говорить, что умеет ездить? Ведь не умеет же!

— Странная… но привлекательная, — задумчиво проговорил Рикэ.

— Очень странная, — повторил Мишель, мысленно решив лучше присмотреться к ней, когда она вернется.

Прошло часа три. Было за полдень, Мишель и Арно покончили с делами и теперь, покуривая, разговаривали. Арно подошел к окну, и Мишель, взглянув на своего друга, заметил:

— Ты чем-то обеспокоен сегодня.

— Разве?

— Все время торчишь у окна, точно по улице должна проехать сама царица Савская.

— Почти так. Я с нетерпением жду Луизу, чтобы взглянуть на нее.

— Ее можно прождать несколько дней, если я что-нибудь понимаю в велосипедном спорте.

— Она остается у нас?

— Она едет в Оксерр, тебе это хорошо известно.

— Я еще не забыл, что меня направляли в Париж, — заметил Арно с сарказмом.

— То совсем другое дело… Ты был необходим здесь.

— О боже! — вдруг воскликнул Арно. — Смотри! Что это за живой труп с грудой металлолома?

Мишель подошел к окну.

— Царица Савская собственной персоной! — торжественно объявил он. — Берегись, Арно! Бойся этой женщины как огня. Мужчины тают в ее присутствии. Стоит ей пожелать, и ради нее любой полезет на Эверест за цветком эдельвейса.

— От нашей проклятой жизни и без того полезешь куда угодно…

Когда Луиза вошла в комнату, Мишель сидел за столом, опершись лбом на руку. Он делал вид, будто всецело поглощен бумагами, которые лежали перед ним. Девушка подошла к столу и остановилась, он оторвался от бумаг и с превосходно разыгранным изумлением сказал:

— А, Луиза… Вернулись? Значит, все в порядке?

— Конечно! — ответила она.

Кивнув в сторону Арно, он познакомил их, точно эта встреча была случайной.

— Луиза, это Арно, радист.

Арно подошел к девушке и протянул руку. У него на лице появилась улыбка, от которой растаял бы даже айсберг.

— Рад познакомиться, Луиза.

Луиза улыбнулась. «Да, — подумал Мишель, — ради такой улыбки стоило подождать, даже если она предназначается для другого».

— Однако, вы не очень спешили, Луиза, — заметил он. Улыбки как не бывало.

— Мои соотечественники в штабе Карте не совсем еще избавились от таких старых предрассудков, как, например, вежливость, — отчеканила она в ответ.

— Извините, Луиза.

— Пожалуйста. Есть ли еще какие-нибудь поручения?

— Множество… Но прежде всего, я думаю, нужно закусить. Как правило, мы обедаем поодиночке и в разных местах, как этому до сих пор учат у нас в разведке. Но сегодня можно сделать исключение. Пойдемте все вместе туда, куда обычно ходит Арно, — на бульвар де Лоррен.

— Прекрасная мысль, — поддержал Арно.

— Там мы отпразднуем возвращение блестящей велосипедистки, — шутливо закончил Мишель.

Луиза рассмеялась.

— Между прочим, — сказала она, — Карте просил передать вот это. — И Луиза протянула Мишелю письмо. Мишель спрятал его не читая. «Успею еще, — решил он. — Едва ли оно будет способствовать той атмосфере, какая должна создаться у нас за столиком. Скорее, наоборот: пока все коренным образом не изменится, подобные письма могут лишь портить аппетит».

Луиза пошла переодеться, и мужчины остались вдвоем.

— Женщина с характером и за словом в карман не полезет, — сказал Арно.

— А что я тебе говорил?

— Оксерр, — изрек Арно. — Гм…

Накормили их весьма посредственно, зато время прошло в приятной беседе. Когда вернулись обратно, Луиза, опасавшаяся, что Мишель будет занят до вечера и не сможет дать ей дальнейших указаний, сразу же спросила:

— Что мне теперь делать?

— Луиза, есть одно сложное дело. Только сначала подумайте, стоит ли браться за него…

— Меня послали сюда связником. Что же, по-вашему, связники только тем и занимаются, что катаются на велосипедах по асфальтированной набережной? Или, может быть, больше они

ни на что не способны?

Мишель взглянул на нее и ясно понял, что она всегда будет возражать и придираться к каждому слову. Можно попробовать сразу же дать ей задание потруднее, а там видно будет, попросит ли она еще.

— Слушайте внимательно, Луиза…

— Я вся превратилась в слух.

— Тех четырех мужчин, вместе с которыми вы приехали, завтра нужно проводить до Марселя и там посадить каждого на нужный поезд. Я хочу, чтобы этим занялись вы. Трое из них англичане, и, естественно, им немного не по себе в чужой стране. Первые несколько дней агенты всегда нервничают, но они скорее умрут, чем выдадут свое волнение в присутствии женщины. Идите на виллу к Антонию и выясните, куда именно нужно каждому из них ехать, затем возвращайтесь сюда и изучите расписание поездов, отправляющихся из Марселя. Учтите, что из Канна нужно выехать поездом в девять сорок семь, и тогда вы будете в Марселе в двенадцать сорок. Закажите все места заранее во втором классе, а для себя — обратный.

— Должен предупредить, Луиза, — продолжал Мишель. — Марсель — опасный город. Там полно всяких ловушек, часты облавы; словом, всегда можно ожидать неприятного сюрприза. Вокзал Сен-Шарль битком набит немецкими солдатами из африканского корпуса, но не обращайте на них внимания. Они толпятся около своих офицеров, которые зорко следят за ними, и ждут не дождутся, когда их увезут в порт и. отправят в Африку к обожаемому Роммелю. Опасаться нужно людей в синих мундирах войск Виши, они стоят у входов и выходов вместе с офицерами немецкой контрразведки и транспортной комендатуры. Но и эти военные далеко не так опасны, как мрачные типы в штатском, которые обычно проверяют документы. Это гестапо. Правда, с такими документами, которыми нас снабжают в Лондоне, можно и на них смотреть свысока. Во всех составах имеются вагон-рестораны, так что о питании беспокоиться не придется. Просто отправьте их из Марселя — и с ними все. Ясно?

— Ясно.

— Когда отправите подопечных, — объяснял Мишель дальше, — выходите из здания вокзала через буфет. Как ни странно, но за этим выходом пока еще не следят. Выйдя из вокзала, не переходите на другую сторону, а направляйтесь прямо к громадным ступеням, которые ведут вниз, в город. Спускайтесь слева и на улице держитесь левой стороны, чтобы не проходить около отеля «Сплэндид», расположенного справа. Там штаб гестапо. Идите по Каннебьер — это центральный проспект

Марселя — до первого поворота направо. Когда свернете и дойдете до трамвайной линии, еще раз поверните направо, и вы попадете на Кур Бельзюнс — одну из самых больших площадей города. Держитесь правого тротуара и, после того как пройдете мимо нескольких палаток, где продается решительно все, от земляных орехов до детских колясок, увидите отель «Модерн». Поднимитесь на второй этаж. Там за стеклянной перегородкой сидит портье — толстая, неряшливая женщина. Спросите: «У себя ли господин Видаль?» Если у себя, тем лучше. Он несколько более худощав, чем я, на три сантиметра меньше ростом, белокурый. Назовите пароль…

— Не он ли встречал нас в Марселе? Тогда я знаю его. Это Оливье…

— Молодец, Луиза. Совершенно верно. Я и забыл, что он был там. Если его не окажется в отеле, возвращайтесь той же дорогой на Каннебьер, поверните направо, дойдете до рю Сен-Фарреоль — первая налево — и отыщите на правой стороне дом номер сорок семь, в котором работает Оливье. Это здание какой-то импортно-экспортной конторы, он работал на втором этаже. Когда останетесь с ним наедине, спросите, где чемодан, который привезли для меня. Чемодан доставите сюда. В нем одежда, которую мне обещали целых два месяца. Задание понятно?

— Понятно. Здесь нет ничего сложного.

— Но это еще не все. Снова идите на Каннебьер и поверните налево, если будете возвращаться со стороны рю Сен-Фарреоль. Дойдя до Вьё Пор, сверните направо и увидите конечную трамвайную станцию. Садитесь на трамвай номер три, который идет в Экс в двадцати девяти километрах от Марселя. Когда приедете, отправляйтесь на бульвар Золя. Это — магистральная улица. Если вы пойдете туда прямо по дороге, то на углу увидите гараж, покрашенный в синий цвет. Спросите господина Гонтрана. Он всегда там, так как живет в этом же здании. Скажите, что вы от меня, и дайте ему это. — Мишель вытащил свой бумажник и отсчитал пятьдесят тысяч франков. — Попросите его оставить для нас пятьсот литров бензина, как договорились, по сто франков за литр. Очень скоро он нам потребуется. Получив деньги вперед, он поймет, что мы не занимаемся болтовней. Гонтран смуглый, о густыми черными волосами, лет на пять старше меня. Человек он превосходный… Вот теперь все. Возвращайтесь обратно, а если будут какие-нибудь неприятности, Оливье поможет вам. Вы все поняли, Луиза?

— Думаю, да.

— Тогда повторите.

Мишель поразился тому, как точно и лаконично она все

повторила. Ему даже показалось, что она пытается подражать его стилю изложения. Правда, кое в каких мелочах Луиза все-таки напутала, но ведь, в конце концов, человек не механизм. Он исправил ошибки, и она ушла в другую комнату, чтобы надежно все заучить. Через четверть часа Луиза вернулась. Мишель выслушал ее и убедился, что теперь она запомнила все безупречно. Потом она ушла заказывать билеты, а на другое утро уехала со своими подопечными.

Глава VIII
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ЗАБОТЫ

После того как новые товарищи были устроены, Мишелю, чтобы наверстать потерянное время, пришлось работать с удвоенной энергией. Он поехал на велосипеде на ферму Гомец вблизи газового завода в Ла Бокка, куда с помощью различных ухищрений удалось переправить груз, доставленный фелюгой. Прежде всего оттуда нужно было забрать семнадцать коротковолновых раций и спрятать где-нибудь в безопасном месте в Антибе. Рации предназначались для вновь создаваемой радиосети между различными районами юго-восточной зоны. По такой сети будет очень удобно предупреждать связников об опасности, вовремя сообщая им, какие конспиративные квартиры раскрыты и за кем гестапо установило слежку. Арно прибавится забот — учить местных радистов работать на этих рациях.

Кроме раций, на ферме находилась огромная бочка с подрывными устройствами для организации диверсий на самолетах, отправляемых в Германию, а также большой запас консервов.

Рации оказались в плачевном состоянии, так как упаковка насквозь промокла- и морская вода сделала свое дело; металлические детали покрылись ржавчиной, а остальные — заплесневели. Было очень обидно, что такой ценный груз пришел в негодность. Оставалось лишь надеяться, что большую часть раций специалисты смогут восстановить. Мишель невольно представил себе выражение лица Арно, когда тот увидит испорченные рации, а о потоках ругани, которые неизбежно последуют, он боялся даже подумать. Рации свалили в кучу прямо на сырой пол рядом с брюквой в одной из пристроек фермы. Разве могли знать крестьяне, как, впрочем, и те, кто, рискуя жизнью, доставили сюда этот груз, что для нас он дороже груды бриллиантов?

Мишель попросил сына хозяина фермы где-нибудь в сухом месте постелить мешки, аккуратно составить на них рации, закрыть сверху тряпьем и так хранить, пока за ними не приедут.

— А вдруг на ферму нагрянет полиция. Что тогда? — встревожился тот.

— Дружище, — успокоил его Мишель, — я обещаю вывезти все в течение двадцати четырех часов.

— Ладно… но после, если ваши не приедут, я засыплю все брюквой или картошкой. А то, чего доброго, нас еще схватят.

Тогда уж мы не сможем вам помогать.

— Хорошо, договорились.

С фермы он поехал к Карте. Тот обещал, что рации, подрывные устройства и консервы завтра же утром вывезут с фермы и надежно спрячут. Рациями займутся специалисты. Карте охотно согласился, что груз безопаснее переправлять, минуя прибрежную дорогу, лучше всего в телеге с сеном. Он горячо заверил, что его люди решительно обо всем позаботятся.

«Да, конечно, — подумал Мишель, — если только не забудут». Люди, которые непосредственно осуществляли подобные дела, не внушали сомнений. Все они не из трусливого десятка и занимались этим охотно. Беда в том, что руководство движения Сопротивления юго-восточной зоны страдало отсутствием распорядительности. Карте никогда не приходило в голову поставить задачу конкретно, распорядиться, например, так: «Маршрут такой-то. Всего пятнадцать километров, вначале — крутой подъем. На все потребуется по меньшей мере три часа, вместе с погрузкой и выгрузкой. Проследите, чтобы гараж, расположенный там-то, очистили от мусора до прибытия груза и подготовили смазочный материал и упаковочную бумагу, потому что груз сильно заржавел при перевозке по морю». Вместо этого он в лучшем случае просто говорил первому же, кто попадался на глаза: «Вот что, отправляйтесь на ферму Гомец, заберите груз, привезите сюда и спрячьте где-нибудь. Осторожнее с грузом; говорят, есть что-то ценное».

Но на этот раз Карте в присутствии Мишеля не отдал даже такого распоряжения, так как поблизости не оказалось подходящего человека. Он просто перешел к другой теме и заговорил о письме, которое переслал Мишелю с Луизой.

— Надеюсь, Мишель, вы согласны с тем, что я писал в своей записке?

— К сожалению, у меня не было времени прочесть ее.

— Буду весьма признателен, если вы все-таки выберете время. Дело довольно срочное. Касается Арно.

— Хорошо, прочту сразу же, как только вернусь обратно, — сказал Мишель, огорченный тем, что его застали врасплох. Он, конечно, не стал объяснять, почему до сих пор не прочел письмо.

Он вернулся в Канн и договорился с Сюзанн, что она и Антоний поедут на ферму и возьмут сотню банок консервов для себя, Мишеля и Кэтрин. Всего для группы Карте прислали больше тысячи банок.

В одной из радиограмм, которые принес Арно, говорилось, что один крупный французский авиаспециалист скрывается от властей Виши. Требовалось найти этого специалиста и

предложить ему уехать в Англию, он был бы там очень полезен. Мишель дал Сюзанн последний адрес француза и попросил взяться за это дело. При этом он сказал, что у него, Мишеля, скоро кончатся французские деньги, а сейчас срочно нужно два или три миллиона франков. Нужно узнать, не захочет ли кто-нибудь обменять деньги по уже испытанному методу. Сюзанн обещала заняться и этим.

Затем Мишель отправился обедать к Роберту, хотя было еще довольно рано.

Спокойная обстановка, царившая в ресторане, превосходная кухня, вежливость официантов — все это обычно успокаивало взвинченные нервы.

С самого начала, решив стать завсегдатаем этого ресторана, Мишель никогда не изменял ему. Каким бы трудным ни был для него день, какая бы важная ни предстояла встреча, как бы он ни спешил — в ресторане он неизменно сохранял раз и навсегда усвоенные манеры тонкого знатока французской кухни, который собирается отобедать спокойно и с аппетитом. Глядя, как он ест, можно было подумать, что это его любимое занятие. Он всегда платил по счету, давал средние чаевые и не был придирчив.

Однако сегодня он даже здесь долго не мог обрести состояние блаженного покоя, не помогал и превосходный английский джин. Бутылку хранили специально для него, и в этом не было ничего опасного, ибо в подобных заведениях не склонны были коситься на человека, если он, скажем, до войны побывал в Англии и привык к эликсиру, который там помогал забывать о дурном климате.

В удрученном состоянии Мишеля повинны были не только ржавые рации, не только мрачные догадки по поводу содержания еще не прочитанного письма от Карте, не только тревога за Луизу, — в конце концов, связники ежедневно ездят в Марсель, а Оливье и Жизель постоянно живут там. Сейчас вдруг сказалось все то, что он испытал за два с лишним месяца нелегальной работы: каждого он опасался, подозревал, выдумывал благовидные предлоги для того, чтобы заняться тем, чем не должен был заниматься, а когда наконец оставался один в своей квартире, долго не мог заснуть, обдумывая все пережитое за день. Даже желанный сон не приносил облегчения из-за мучительных кошмаров.

Из состояния душевной депрессии Мишеля неожиданно вывел официант, который сказал ему совершенно невероятную вещь. Посетителей в этот ранний для обеда час было еще мало, и официант, налив вино, от нечего делать задержался у столика Мишеля значительно дольше, чем обычно. Они разговорились.

Коснулись войны, официант разоткровенничался, признался, что питает к немцам отвращение, и вдруг заявил:

— Знаете, господин Шовэ, сейчас ведутся приготовления к высадке войск союзников.

— В самом деле? — спросил Мишель с неподдельным удивлением.

— Да, сударь… и на побережье полно английских офицеров, которые организуют это дело.

— Невероятно! Вы когда-нибудь встречали кого-нибудь из них?

— Лично я нет, но я так много слышал о них, и, говорят, всеми делами заправляет некто, по имени Мишель.

— Вот как! — воскликнул сам герой молвы, сохраняя похвальное спокойствие, но внутренне содрогнувшись.

Официант отошел, а Мишель стал гадать, откуда мог идти такой слух. И только спустя три недели он нашел ответ на вопрос. Оказывается, метрдотель состоял в одной из ячеек Луи в Антибе. Естественно, он разговаривал кое с кем из своих коллег в ресторане, которым мог доверять. И, конечно, Луи упоминал о Мишеле и о других в порядке своеобразной рекламной беседы с целью привлечь новых людей к движению Сопротивления. Ведь люди быстрее решаются стать сторонниками движения, когда узнают, что в его рядах есть специально обученные офицеры, которые, не считаясь с опасностями, приехали сюда из Англии. Просто чистая случайность, что метрдотель не встречал Мишеля в доме Луи, и поэтому ни он, ни официант не подозревали, что их постоянный посетитель господин Шовэ и есть Мишель.

Вернувшись в свою квартиру, Мишель вскрыл письмо Карте. Оно оказалось длинным. Прочитав его, Мишель просто не поверил своим глазам и поэтому перечитал вторично. Вот оно:

«Дорогой Мишель!

Я получил записку от Арно, в которой он сообщает новое место, где собирается рискнуть пристроиться со своей рацией.

Не буду говорить, чем он рискует, — это касается только Вас и его самого. Но поймите, пожалуйста, что я не могу подвергать риску — в данном случае не только огромному, но и бессмысленному — своих людей. Если он желает рисковать, я вынужден буду закрыть этому опасному человеку доступ и в наши конспиративные квартиры и к нашим людям. В таком случае давайте договоримся:

1. Чтобы он не жил в домах наших людей.

2. Чтобы он не работал на рации в домах, предоставляемых нами или снимаемых на чье-либо имя через посредство наших людей. Иначе при его аресте, которого я опасаюсь, неизбежно

окажется замешанным кто-нибудь из наших людей.

3. Что он по соображениям безопасности не будет встречаться с нашими людьми.

Короче говоря — я прошу Вас принять все меры конспирации в отношениях между Вами и мной. Впредь мы будем придерживаться известного положения воинского устава, которым руководствуются в любой действующей армии: тот, кому войсковая часть оказывает содействие или помощь, обязан подчиняться установленным в ней порядкам и соблюдать дисциплину. Для того чтобы действовать по своему усмотрению, необходимо получать разрешение в каждом отдельном случае.

Дорогой Мишель! Этого положения нам обоим особенно необходимо придерживаться теперь, когда объявлены строгие полицейские меры. Скоро разгорится битва. Чтобы избежать худшего, нужна железная дисциплина.

Мне недавно стало известно, что мотивы, по которым чуть было не отдали приказ о моем аресте, во многом связаны с интригами Жюльена, и это объяснит мою настойчивость в своих требованиях.

Разумеется, мы всегда к Вашим услугам, но при условии, что нам обеспечат возможность оградить себя от последствий нарушений дисциплины или безрассудства со стороны любого из Ваших людей.

Я полагаюсь на Вас. Вы можете положиться на меня. Впереди у нас еще много дел.

Всегда Ваш Карте».

Мишель с отвращением бросил письмо и горько рассмеялся.

Передразнивая Карте, он повторил вслух первые две фразы последнего абзаца: «Я полагаюсь на Вас. Вы можете положиться на меня». Сколько нужно иметь наглости, чтобы так подтасовывать факты и сваливать с больной головы на здоровую. Конспирация! Да не о ней ли ему постоянно твердил Мишель? Вспомнить только, что еще совсем недавно Карте собирал своих ближайших помощников прямо в парке, и они, беспечно рассевшись на скамейках, строчили свои приказы и директивы прямо на глазах у публики. А разве не Карте требовал, чтобы Жюльен сутки напролет выстукивал его длинные донесения, не считаясь с радиопеленгаторами, облавами и другими трудностями? Недели не прошло с тех пор, как Мишель решительно воспротивился тому, чтобы Арно работал на рации в одном из домов Карте в Антибе, где хранились автоматы. Карте тогда весело расхохотался, словно Мишель вел себя, как школьница, которая испугалась мыши. Всего лишь несколько

дней тому назад этот безумец собирался послать группу своих лучших людей в район антибской радиостанции практиковаться подрывному делу на настоящей пластической взрывчатке. Место сильно охраняется, и глава группы, который успел снискать уважение за свою отвагу, на этот раз просто умолял Мишеля отменить приказание Карте. Мишель невольно поморщился, вспомнив, как ему пришлось уговаривать Карте и, будучи посторонним человеком, иностранцем, выступать в роли арбитра между ним и его людьми.

Он снова взял письмо, «…мы всегда к Вашим услугам». Мишель вспомнил свой разговор с Карте о винонском аэродроме, потом печальную историю с Хилари, отношение к Жюльену, наконец, отношение к нему самому, и ему стало обидно.

Можно ли вытерпеть все это? Разве удивительно, что при таком отношении захочешь излить свои печали любому, в ком встретишь хоть малейшее сочувствие?

И такой человек еще требует безоговорочного подчинения! Да ведь это все равно, что требовать луну с неба! Недовольство выражал не только Жюльен, задумываться стали многие французы из ближайшего окружения Карте. Они уже не раз вежливо извинялись перед Мишелем за поступки своего руководителя, так как понимали, что Мишель всем сердцем болеет за дело, а не просто выполняет поручения англичан как платный агент.

Интересно, откуда и зачем Карте откопал это положение устава? Если учесть, что английское казначейство оказывает Сопротивлению щедрую финансовую помощь, то фраза «Тот, кому войсковая часть оказывает содействие или помощь, обязан…» говорит в пользу Мишеля. Нет, только безответственный человек может написать подобную чушь!

Но особенно смешон его тезис о конспирации. Карте словно только сейчас сделал это открытие!

Мишель утешался лишь тем, что раз сами французы не в состоянии разрешить все усложняющуюся проблему руководства, то его бессилие в этом вопросе подавно простительно. Досадно, конечно, что приходится зря тратить время, и поэтому к чему оправдания? Нужно искать пути разрешения проблемы.

Мишель не считал себя гением, он просто старался делать все, что в его силах. И никак не мог понять, какими соображениями руководствовались в Лондоне, когда, например, не так давно вдруг прислали ему запрос:

КАКИЕ ДИВЕРСИИ ОРГАНИЗОВАНЫ ВАШЕЙ ГРУППОЙ С МОМЕНТА ОСНОВАНИЯ?

А ведь когда он уезжал, его специально предупредили ничего

не начинать до тех пор, пока не придут особые указания!

Мишель рассмеялся, вспомнив свой ответ:

КТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ПОСЫЛАЛ ЗАПРОС ЗА НОМЕРОМ 139?

И Лондон больше не возвращался к этому вопросу. А какими ругательствами разразился Арно по адресу авторов радиограммы! Этим Арно выразил свое сочувствие, и Мишель был благодарен ему. Тогда он понял, что между ними зарождается крепкая дружба.

Затем он стал думать о Луизе. Хотелось бы знать, как у нее дела. Она должна вернуться завтра. Связники курсировали регулярно, поэтому ему и в голову не приходило, что она может задержаться.

На другой день, 5 ноября, Мишель, как обычно, отправился на явки. Погода стояла ясная, солнечная. Значит, теплая пора еще не миновала.

Мишель зашел к Кэтрин, и та с готовностью согласилась, чтобы Арно, когда нужно, вел передачи из ее спальни, окна которой выходили на север.

Придя к Сюзанн, Мишель узнал, что Луиза еще не вернулась, хотя было уже одиннадцать. В этот день после прибытия каждого поезда ему сообщали, приехала ли она.

К половине третьего Луиза все еще не вернулась, и Мишель начал волноваться. В три ему предстояло встретиться с Карте у Антония. Не желая опаздывать, он уехал, так и не дождавшись Луизы.

Карте явился со своей свитой, и встреча превратилась в многолюдное собрание.

Вилла Антония и сад оказались оккупированными настоящей «армией сопротивления», и хозяин был в отчаянии.

Несмотря на разглагольствования Карте о конспирации, здесь не приняли абсолютно никаких мер против нежданных гостей. Совещание длилось долго, и Мишель все время чувствовал себя как на иголках. Разъяренный Антоний удалился на балкон и сидел там, мрачно насупившись. Никто не обращал на него ни малейшего внимания.

За письменным столом в библиотеке устроился Карте. Перед ним, словно студенты на лекции, расселись его фавориты, держа наготове карандаши и бумагу. Чины поменьше, которым не хватило места в библиотеке, вышли на террасу и, греясь на солнышке, ожидали приема. Они весело болтали, и из-за шума не было слышно, что говорил Карте.

Когда приехал Мишель, все были уже в сборе. Несомненно, ему сообщили не то время. Когда он вошел, Карте умолк и поздоровался с ним. Затем приступили к делу.

— Мишель, — начал Карте, — полковник Вотрэн только что сообщил мне, что эта зона будет оккупирована итальянской армией. Сначала они введут сюда три дивизии. Первый эшелон с войсками прибудет одиннадцатого ноября в час ночи. Утром побережье оккупирует моторизованная дивизия, а от границы до Марселя займет позиции горная артиллерия.

— Где эшелоны пересекут франко-итальянскую границу? — спросил Мишель.

— По трем тоннелям на пути из Швейцарии к Средиземному морю.

— Мне кажется, неплохо бы взорвать тоннели, когда по ним будут проходить эшелоны, — заметил Мишель.

— Именно это я и собирался предложить, — сказал Карте.

— Дайте мне координаты тоннелей и точно укажите наиболее уязвимые пункты на дорогах. Я попрошу Жерве заняться тоннелями и сообщу в Лондон, о каких участках дорог следует позаботиться английской авиации.

— Я пригласил сюда Жерве как раз для этой цели.

— Вы разрешите Жерве подобрать девять человек для взрыва тоннелей?

— С большим удовольствием.

Взяв карту, на которой все три тоннеля были обозначены кружочками, Мишель и Жерве вышли в сад и уединились там в укромном уголке.

— Жерве, — начал Мишель, — отберите девять человек, кого хотите, и разбейте их на три группы. В каждой назначьте старшего. Увезите их всех в спокойное место под Ниццу. Карте укажет куда. Снарядите, как туристов, и пусть каждый положит в рюкзак пластическую взрывчатку и детонирующий шнур. На французской стороне тоннеля, наверное, стоят часовые, поэтому наши «туристы» должны произвести тщательную разведку и выяснить, есть ли часовые, как часто и когда именно производится смена, на каком расстоянии от входа в тоннель они стоят. Если часовые могут помешать, о них придется позаботиться. Нет необходимости убивать их — достаточно стукнуть пару раз, воткнуть в рот кляп и связать веревкой. Если будет время, пусть спрячут винтовки часовых. Скажите Арамису, чтобы обеспечил вас достаточным количеством хлебных талонов, а я дам деньги. Хорошо?

— Зачем ехать сейчас под Ниццу? — вместо ответа спросил Жерве.

— Потому что, после того как вы проведете с «туристами» занятия, им придется ознакомиться с местом операции, понаблюдать за часовыми и обо всем доложить вам. А потом уже

приступать к делу. Они должны хорошо ориентироваться на местности ночью.

— Могу я присоединиться к одной из групп?

— Вообще-то это дело самих французов. Мы обеспечиваем всем необходимым, а их люди выполняют работу. Но если уж вам так хочется, присоединяйтесь к группе, которая займется тоннелем, ближайшим к Ницце. Не забудьте организовать отход. Заложите взрывчатку внутри каждого тоннеля метрах в ста от выхода одиннадцатого числа в ноль часов пятнадцать минут и уходите… Но помните, Жерве; не взрывайте тоннелей до тех пор, пока не получите подтверждения, написанного моей рукой на синей бумаге. Там будет всего одно слово — «Действуйте!»

— Понятно.

Мишель проводил взглядом молодого инструктора, который не торопясь шагал по дорожке, попыхивая трубочкой, и подумал: «Дело верное».

Мишель вернулся в библиотеку и сообщил Карте о договоренности с Жерве. И когда Мишель собрался уходить, его задержал Ф., который относился к нему весьма дружественно.

— Мне нужно с вами поговорить об одном довольно щекотливом деле, — начал он.

— Что ж, давайте, — охотно согласился Мишель, которому накануне важных событий любое дело показалось бы теперь простым.

— Приходилось ли вам слышать о вашем соотечественнике, господине Жаво?

— Если он приехал совсем недавно, то я могу и не знать его по фамилии. Как он выглядит?

Ф. описал внешность Жаво, и у Мишеля не осталось ни малейшего сомнения, что джентльмен, о ком идет речь, не кто иной, как Грегуар, «профессионал».

— Мне кажется, я знаю этого человека, — подтвердил Мишель, который уже больше ничему не удивлялся.

— Жаво попал в скандальную историю. Ночью третьего дня он подписал чек в казино на тридцать восемь тысяч франков, которые проиграл. То же он сделал в каком-то отеле. Чеки к оплате не приняли.

— Черт возьми! — воскликнул Мишель. — Что же требуется от меня?

— Если бы вы могли покрыть эту сумму — около пятидесяти тысяч, дело удалось бы замять.

— А завтра или послезавтра повторится старая история?

— Вы не можете отправить его в Англию?

— Могу, конечно. Но мало ли что он еще успеет натворить до

отправки. Да и вообще, мне жалко места на фелюге — я предпочел бы отправить домой лишнего английского летчика… Впрочем, вечером я все обдумаю, а завтра утром сообщу вам.

Мишель покинул виллу в довольно мрачном настроении. У самых ворот он столкнулся с полковником Вотрэном. Мишель поздравил его с тем, что он так ловко раздобыл информацию о намерениях итальянцев, и рассказал, как они решили встретить оккупантов. Но Вотрэн пропустил поздравление мимо ушей. Помолчав немного, он сказал:

— У меня плохая новость, очень плохая.

— В чем дело? — спросил встревоженный Мишель.

— Генерал де Латтр де Тассиньи арестован. Его дивизия разоружена, а сам он сейчас в тюрьме в Рионе.

— Мать святая! — воскликнул Мишель. — Как это случилось?

— Пока ничего не знаю, — пожал плечами полковник.

Потрясенный, Мишель отправился домой. Всю дорогу он думал об этом трагическом событии. Неужели второй Дакар?[13] Да и что удивительного? Ведь о подготовке секретных операций французы болтают так же свободно, как о погоде. Молва распространяется со скоростью лесного пожара. Может быть, он ошибается, делая такой вывод? Вряд ли. Французы — большие любители поговорить. Они и прекрасные ораторы, и словоохотливые собеседники. Если француз что-то знает, заставить его молчать — это все равно, что не дать дышать.

Мишель искренне уважал французов, любил их. Он ценил доблесть французских солдат, моряков и летчиков. Он знал, что слово «секрет» существует и во французском языке, но, очевидно, они его считают одним из показателей культурного развития нации. Авторам словарей следовало бы подобрать для этого слова совершенно иной перевод, чтобы показать, как его порой понимают французы. Но даже понимая смысл слова «секрет», они питают явное отвращение к тому, что оно означает практически. Поэтому можно сделать только один вывод: французы не умеют хранить тайну и мало приспособлены к подпольной деятельности.

Но тут Мишель вспомнил о случае с Грегуаром и стал молить всевышнего, чтобы французы в свою очередь не отнесли к подобной же категории всех английских агентов.

«Если только план с тоннелями удастся, — думал Мишель, — тогда, конечно, забудутся все промахи». Ему не терпелось узнать, приехала ли Луиза, и он нажал на педали.

Луиза не вернулась. У Арно и Кэтрин был озабоченный вид. Мишель как мог успокоил их и рассказал последние новости. Они очень оживились, услышав об итальянцах. Пока Кэтрин готовила чай, мужчины обсуждали, каковы шансы подорвать тоннели.

Мишель достал бумагу и начал писать донесение за день. Он несколько раз правил текст, стремясь сделать его предельно кратким и ясным. Наконец он протянул Арно радиограмму, написанную аккуратными печатными буквами:

ПИРЕНЕЙСКОЕ ДЕЛО ПРОВАЛИЛОСЬ. ГЕНЕРАЛ СХВАЧЕН. ИТАЛЬЯНЦЫ НАЧИНАЮТ ОККУПАЦИЮ ЭТОЙ ЗОНЫ 11 НОЯБРЯ. БЕРУ НА СЕБЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ТОННЕЛИ. ОБЕСПЕЧЬТЕ НАЛЕТ АВИАЦИИ НА УЧАСТОК ДОРОГИ НИЦЦА М-12 В 24.00 10 НОЯБРЯ.

— Все в порядке, Арно, — сказал Мишель.

— Да, у нас в порядке, — проворчал Арно, — а вот где Луиза?

— Обыщи меня, — пошутил Мишель и тут же почувствовал, что надвигается гроза.

— Куда ты ее послал?

— В Марсель.

— И надо же было додуматься! Не успела отдышаться, а ее посылают в это… пекло.

— Что же, по-твоему, ее надо посадить под стеклянный колпак? Будь она моим связником…

— Боже милостивый! Спаси ее от подобной напасти! — в сердцах выпалил Арно. — Надеюсь, она скоро от тебя избавиться!

— Много ты понимаешь…

— Сухарь! Подлый лицемер! Я всегда считал тебя таким.

Арно выскочил из комнаты и так хлопнул дверью, что со стены свалилась какая-то картина.

Кэтрин молча подняла картину, а когда Мишель вскочил, чтобы помочь повесить ее на место, она вежливо и сухо сказала, что не нуждается в его помощи.

Он медленно пошел к двери и, обернувшись, произнес:

— До свидания, Кэтрин!

— До свидания, — ответила она, не повернув головы.

Мишель осторожно закрыл за собой дверь, спустился по лестнице и вышел на улицу. Он машинально отомкнул цепь на велосипеде и поехал домой.

Дома он сразу же пошел на кухню, налил себе полный бокал вина — второй за этот день — и залпом осушил его. Затем закурил и лег на кровать.

То, что Арно вышел из себя, — не удивительно: он невоздержан и вспыльчив. Но Кэтрин — это совсем другое дело. Обычно она во всем поддерживает его, Мишеля. Почему же она тоже осуждает его? Неужели Марсель так страшен? Правда, он сам предостерегал Луизу от неожиданностей, но, в конце концов…

Как ни старался Мишель успокоить свою совесть, внутренний

голос все настойчивее укорял его.

Он вскочил с кровати и подошел к окну. Его бросало то в жар, то в холод. Мишель посмотрел на часы — седьмой час. Сегодня из Марселя будет еще два поезда. Он решил встретить их сам. Жоржа, который сейчас дежурит на вокзале, нужно отпустить пообедать. До прихода первого поезда целых полтора часа. Как убить время? Чем отвлечься от мрачных мыслей? Сюзанн в Ницце, на ежемесячной ярмарке. А раз Кэтрин так реагирует на это, то вряд ли можно ожидать и от Сюзанн чего-то другого. Какого черта Лондон посылает сюда женщин? У Карте десятки связников, разве нельзя обойтись без женщин? А он сам?.. Чего ради вздумал испытывать память, находчивость и смелость этой девушки? Кто такая Луиза? Что она за человек? И, вообще, что он знает о таких людях, как Жюльен, Жан, Жерве, Арамис? Почти ничего. Правда, об Арно он кое-что успел узнать за те долгие часы, что провел с ним, то помогая устанавливать антенну, то просто наблюдая с улыбкой, как этот молодой гигант огрызком карандаша пишет каракули на грязном клочке бумаги, напряженно вслушиваясь в едва уловимый писк морзянки. Именно едва уловимый здесь, за грядой Приморских Альп, на расстоянии тысячи с лишним километров от Лондона. Мишеля не очень удивило, что Арно в свое время был чемпионом Каира по боксу в полутяжелом весе, что по национальности он полуегиптянин — полурусский, что в первые годы войны служил в иностранном легионе. Когда же Мишель узнал, что Арно, ко всему прочему, учился когда-то на энтомологическом факультете, то вообще перестал чему-либо удивляться. Одно было совершенно ясно: такой человек, как Арно, никогда не станет слепо подчиняться приказам, он прежде потребует объяснений. Стоит Мишелю взять неверный тон, и в Арно мгновенно уснет энтомолог и пробудится боксер. А ведь здесь не войсковая часть, где окриком «Эй, сержант, а ну, вправьте-ка ему мозги!» можно укротить любого бунтаря.

«Славный малый этот Арно, — подумал Мишель, — как он помогает мне в постоянной дуэли умов, которую все время приходится вести на нелегальной работе!»

И вот теперь, если что-нибудь случится с Луизой, Мишель его потеряет. Это совершенно ясно. А что предосудительного в том, что он, Мишель, послал ее в Марсель?.. Однако что все же предпринять, если на самом деле случилось несчастье? Попросить Оливье? Он в хороших отношениях с полицейским комиссаром одного из районов. Да, если Луиза не появится сегодня вечером, завтра придется ехать к Оливье.

Мишель опять пошел на кухню и выпил еще вина, потом

поехал на велосипеде к Антибу — без всякой цели, просто, чтобы убить время. За двадцать минут до прихода поезда он был уже на станции. Но околачиваться здесь не стоило, лучше поехать к Роже. Впрочем, тоже небезопасно. Бог знает, кто у него сейчас. Туда уже однажды наведывалась полиция, к тому же рядом с фабрикой находится полицейский участок. Мишель отправился к Роберту и заказал себе джину. Здесь он по привычке сразу же принял спокойный, уверенный вид. На вопрос официанта, будет ли он обедать за обычным столиком, Мишель ответил, что ждет знакомую из Сен-Рафаэля и не знает точно, на каком поезде она приедет. Его заверили, что их обслужат в любое время до двенадцати.

До прихода поезда оставалось пять минут. Мишель смешался с толпой встречающих. Он отыскал Жоржа и отпустил его. Вскоре пришел поезд, и поток пассажиров устремился к выходу. Мишель ждал до тех пор, пока не ушли почти все пассажиры, Луизы среди них не было. Он отошел подальше, чтобы не привлекать внимания, и продолжал внимательно разглядывать пассажиров, отставших от общего потока. Луиза не приехала.

До следующего поезда три с половиной часа! Чем заняться? Как избавиться от мрачных мыслей? О ресторане, конечно, нечего было и думать.

Мишель медленно поехал домой, он решил написать донесение в Лондон. Писал не торопясь, стараясь, чтобы на это ушло как можно больше времени. Обстоятельно написал о Виноне, о генерале де Латтре, об итальянцах, о сенсационном открытии Карте в области конспирации. Донесение получилось длинное, подробное. Написал о вновь прибывших, о своем намерении получить место в агентстве Рондэ, о возмутительном поведении Грегуара. Сообщил и о том, как огорчился, узнав, что ВМС в Гибралтаре не сумели перехватить танкеры, о которых сообщал Оливье, так как все боевые корабли были заняты какой-то операцией. Сам Мишель считал этот довод чепухой: достаточно было любого паршивого суденышка… Дальше он остановился на работе Арно, рассказал, как блестяще тот справился с заданием по ремонту раций, и представил его к ордену «За отличную службу». В заключение посоветовал выделить одного офицера-разведчика специально для чтения всех донесений и составления ответов для неотложных запросов по радио. Слово «радио» напомнило ему о заржавевших рациях, и он решил, что об этом тоже стоит сообщить начальству. Прежде чем подписаться, Мишель извинился за мрачный тон донесения, объяснив его тем, что сейчас он очень встревожен: отношение Карте к подготовке площадки в Виноне угрожает срывом этого

мероприятия. Можно смело ставить шесть против одного, что Карте провалит дело…

Наконец пришло время встречать поезд. Он спрятал донесение и отправился на вокзал.

Прибыл поезд. Из ворот повалила толпа. Мишель напряженно всматривался в людской поток, боясь пропустить Луизу. Но вот поток схлынул. Теперь пассажиры выходили группами, которые становились все меньше и меньше. Толпа встречающих тоже редела, и вскоре Мишель остался почти один. Пассажиры выходили уже по трое, по двое, поодиночке.

Сердце у Мишеля замерло. Он почувствовал страшную слабость и прислонился к стене. Сдавило горло.

«О боже, дай мне силы!..» И вдруг — о чудо! — у ворот появилась Луиза. Она с трудом тащила огромный чемодан. Мишель мысленно выругал себя за то, что, отправляя ее, не подумал о весе чемодана. Ему стало стыдно.

Когда она прошла ворота, он бросился ей навстречу и подхватил чемодан. Луиза вздрогнула от неожиданности. Узнав Мишеля, она устало улыбнулась. Луиза не рассчитывала, что ее встретят в столь поздний час, и уж, конечно, меньше всего думала, что это будет Мишель, который показался ей равнодушным, черствым человеком. Ее не мог не поразить такой неожиданный финал первого серьезного задания.

— Молодец, Луиза! А мы уже начали беспокоиться о вас… Вы, должно быть, изрядно устали?

— Да, немножко, — снова улыбнулась она, — и так проголодалась, что, кажется, смогу съесть целую лошадь.

— Ну, это не проблема! То есть лошади я, конечно, не достану, и вместо конины вам придется довольствоваться кусочком говядины.

Они весело зашагали к Роберту. Правда, руку оттягивал чемодан, но зато на душе было так легко!

Понимая, что парочке есть о чем поговорить, официанты не докучали. Собравшись в отдаленном уголке, они обсуждали свои проблемы.

В перерывах между блюдами Луиза рассказывала о поездке в Марсель.

До самого Марселя все шло хорошо. Но когда сошли с поезда и оказались в толпе немецких солдат на вокзале Сен-Шарль, один из подопечных — англичанин — струхнул.

— Ему, очевидно, показалось, что все эти немцы, которых он впервые видел так близко, обратили на него внимание, — объяснила Луиза.

— Мне знакомо это ощущение, — сочувственно произнес

Мишель. — Вдруг начинает казаться, что на вас висит рекламный щит какой-нибудь популярной английской фирмы, и все догадываются, кто вы такой.

— Он начал нервничать еще в Тулоне, когда поезд подошел к станции и по радио объявили: «Тулон»… и еще что-то по-немецки.

— Как он повел себя в Марселе? — поинтересовался Мишель.

— Сел на первый же поезд на Канн и уехал. А разве вы его здесь не видели?

— Нет. Вероятно, он уехал в Антиб. Мне вспоминается случай с одним парнем, который в самый последний момент, когда самолет был уже над местом выброски, вдруг струсил и отказался прыгать. Потом он упросил летчиков сделать еще один заход, а выпускающему наказал вытолкнуть его пинком, если он опять замешкается. Но когда снова настало время прыгать, парень сопротивлялся с такой силой, что ничего нельзя было поделать. Можете себе представить его состояние во время обратного полета в Англию, который длился три часа. В конце концов его перебросили на судне, и теперь он очень хороший агент.

…Проводив оставшихся троих мужчин, Луиза без труда нашла Оливье, и тот направил ее к своему коллеге доктору Бернару, у которого хранился чемодан. Но ехать в Экс было уже слишком поздно. Бернар угостил ее обедом и устроил на ночлег в единственное безопасное место в городе — в публичный дом, хозяйка которого, тоже патриотка, предоставила ей отдельную комнату. Но и здесь оказалось не так уж безопасно: ночью немцы устроили облаву на дезертиров и комнату не обыскали только потому, что хозяйка выдала Луизу за свою племянницу, больную скарлатиной.

Обо всем этом Луиза рассказывала так, словно делилась впечатлениями после обычной прогулки по магазинам.

— Утром, — заключила она, — я отправилась в гараж, договорилась обо всем, и вот я здесь.

— Луиза, задание выполнено отлично, поздравляю вас!

— Спасибо, — поблагодарила она таким тоном, будто это задание — пустяк: ведь настоящие дела ее ждут в Оксерре.

— Луиза, — начал немного погодя Мишель, — относительно Оксерра… Почему бы вам не остаться работать у нас?

— Если бы я и собиралась менять место, то выбрала бы скорее Марсель, где работать куда интереснее, чем в этой дыре. Во всяком случае, в Лондоне и слушать об этом не станут, — примирительно закончила она.

— Конечно, это ваше дело, Луиза, но у меня нет связника, и я был бы просто в восторге, если бы вы остались. С вами и Арно все — нипочем.

— Мишель, мне, конечно, приятно слышать столь лестное мнение о собственной персоне, но могу с вами спорить на что угодно, в Лондоне не согласятся.

— Идет, давайте спорить.

— На сколько? — спросила Луиза, в порыве азарта попадаясь в ловушку, в которую когда-то попался и Арно.

— Шестьдесят тысяч, — предложил Мишель.

— Сто!

— Будь по-вашему! Завтра утром мне нужно ехать в Антиб, так что, когда встретите Арно, попросите его передать вот эту радиограмму:

МОГУ Я ОСТАВИТЬ ЛУИЗУ?

— Хорошо. Но Арно напрасно потеряет время.

— И если Лондон согласится, Луиза, а вы все-таки не пожелаете здесь остаться, то ровно через месяц вы свободны и можете уезжать.

— Решено.

* * *

Через двадцать четыре часа Арно принес ответ. По его бесстрастному лицу невозможно было догадаться о содержании полученной радиограммы. С тех пор как в Лондон ушел запрос о Луизе, Арно смотрел на Мишеля с откровенной неприязнью, а сейчас его взгляд ничего не выражал. Мишель стал читать ответ:

ОТПРАВЬТЕ ЛУИЗУ В ОКСЕРР, КАК НАМЕЧЕНО. НЕСОМНЕННО, КАРТЕ СМОЖЕТ ОБЕСПЕЧИТЬ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ДЕМАРКАЦИОННУЮ ЛИНИЮ.

Мишель молча написал на клочке папиросной бумаги два слова ЛУИЗА НЕОБХОДИМА и отдал его Арно. Днем Мишель встретил Луизу. Она уже знала ответ, и в ее ликовании по поводу исхода спора Мишель почувствовал мало лестного для себя.

— Дадите мне еще двадцать четыре часа? — спросил он.

— Если вам доставляет удовольствие долбить одно и то же, пожалуйста, — весело ответила она.

На следующий день Арно вручил Мишелю несколько радиограмм. Одна из них, к великому удовольствию Мишеля, гласила:

НА ВАШ НОМЕР 196. СОГЛАСНЫ.

* * *

Мишель понимал, что торжествовать пока рано. Во-первых, нет гарантии, что Луиза останется по истечении месячного срока. Во-вторых, Арно не понравилось, что с ней проделали тот же трюк, что и с ним самим, и он ходил мрачный как туча. Таким образом, заполучив Луизу, Мишель лишился расположения Арно, которого добился с таким трудом…

Одна из радиограмм, которые пришли вместе с разрешением оставить Луизу, оказалась настолько ошеломляющей, что Мишель сначала не поверил своим глазам и несколько раз перечитал текст:

НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОККУПАЦИИ.

«Что это? — лихорадочно соображал он, теряясь в догадках. — Они с ума спятили! Но ведь это не частное указание французского отдела. Вопрос, бесспорно, согласован с верховным командованием и уж, конечно, о нем докладывали Уинстону Черчиллю! Какая жалость! Вместо того чтобы взорвать тоннели и ударить по итальянцам с воздуха, им позволяют с триумфом вступить на территорию Южной Франции! Второе триумфальное шествие за эту войну! Не слишком ли много?»

Карте прореагировал на содержание радиограммы почти так же, как Мишель. А Мишель теперь должен был как-то защищать этот странный приказ. Ссылка на некие «серьезные» причины не могла, конечно, убедить ни его самого, ни тем более Карте.

Мишель опасался, что Карте не подчинится приказу, но, как ни странно, его опасения — по крайней мере на этот раз — оказались напрасными.

У Карте Мишель встретил Ф. и дал ему окончательный ответ относительно Грегуара. Он решил порвать с этим нахалом — пусть им займется правосудие.

До прихода итальянцев оставалось несколько дней, и организация Сопротивления спешно расширяла сеть конспиративных квартир. Мишель позаботился об этом раньше, но и теперь продолжал подыскивать новые дома, где Арно мог бы работать на рации.

Луиза устроилась у Кэтрин, и на всякий случай ей подготовили еще одно место. Сюзанн могла жить у себя или у матери. У Мишеля было две квартиры. Ему очень хотелось поскорее получить место агента у госпожи Рондэ, но, несмотря на легкий нажим со стороны полковника Вотрэна, та не торопилась. Следующий ее шаг в переговорах — ответное приглашение на завтрак — не мог совпасть с более худшим днем. Но не мог же он заранее сказать будущей хозяйке, что именно в этот день — одиннадцатого — приходят итальянцы!

Утром в первый день оккупации Луиза и Мишель вышли на главную улицу посмотреть шествие «победителей». Сначала на грузовиках «фиат» пронеслись колонны мотопехоты, затем, часам к одиннадцати, появилась артиллерия. Орудия тянули мулы. Артиллеристы в отличие от мотопехоты выглядели жалко. Солдаты, небритые, изнуренные, со стертыми ногами, очевидно, шли всю ночь. В одной батарее, состоящей из крошечных горных орудий, колонну замыкал солдат, совершенно выбившийся из сил. Едва ковыляя, он держался за хвост мула. Его товарищи выглядели немногим лучше. Все они скорее напоминали беженцев, а отнюдь не воинов победоносного легиона.

Показался офицер на велосипеде, очень бодрый: видимо, отлично отдохнул ночью. Передав велосипед какому-то капралу, офицер забежал в голову колонны и начал распекать сержанта, который вел строй. Тот смотрел на него с тупым безразличием. Тогда офицер сам закричал на солдат:

— А ну, выше голову, бездельники! Вы вступаете в прекраснейший город Южной Франции! А что у вас за вид? Тащитесь, словно хромые клячи! Веселее, орлы!

Все эти увещевания офицер выкрикивал, шагая спиной вперед перед солдатами. Войдя в раж, он не заметил велосипедный прицеп, брошенный кем-то у тротуара, и плюхнулся в него задом. Очередной пламенный призыв оборвался на полуслове. Фуражка съехала офицеру на лицо, ноги смешно торчали из прицепа. Сержант бросился ему на помощь. Кое-как офицер выбрался из прицепа. Мишель громко хохотал, но на него не обратили никакого внимания. Солдаты шли, по-прежнему понурив головы. На них не действовали ни мольбы, ни угрозы. И даже потешный случай с бравым офицером не смог развеселить их…

Выкроить время на завтрак у госпожи Рондэ Мишель мог только ценой невероятных усилий. Между 11.15 и 12.30 нужно было посетить два тайных собрания, на которых решались весьма срочные вопросы, а в 14.30 предстояло встретить на вокзале связника и вручить ему деньги для Лорана, которого Мари из Лиона чудом удалось освободить. Поезд, на котором собирался уехать связник, отходил в 14.40, а Мишель еще должен был обдумать, как организовать отправку Лорана на самолете: ведь фелюги больше ходить не будут. Через связника Лорану нужно передать какой-то конкретный план, он должен знать, что человек, от которого зависит его дальнейшая судьба, действительно занимается этим делом, несмотря на неожиданную оккупацию.

С такими мыслями Мишель пришел к госпоже Рондэ. Оказалось, что завтракать они будут не вдвоем — там был еще

гость, француз-аристократ с моноклем, без сомнения близкий друг хозяйки. Его явно пригласили для того, чтобы прозондировать будущего служащего. Угощали просто по-королевски, завтрак намного превзошел ужин у Роберта.

Трудно сказать, как Мишелю удалось выдержать весь завтрак, вежливо беседуя и разыгрывая роль беспечного тунеядца, которому безразличны даже последние события, взбудоражившие весь город.

Изысканные блюда следовали одно за другим с мучительной медлительностью, а у Мишеля еще столько неотложных дел! Но, слава богу, настала пора прощаться. Ему сказали, что через некоторое время сообщат об окончательном решении. Откланявшись, он вышел, сел на велосипед и поехал на вокзал.

Глава IX
ВИНОН

Какое счастье, что Мишелю пришло в голову послать Луизу в Экс и заранее заплатить Гонтрану деньги за бензин. Лишь накануне поездки в Винон он узнал, что добираться туда ему придется собственными силами. Теперь, по крайней мере, он мог достать в Марселе машину, раз у него есть бензин.

Его давно уверяли, будто Карте приготовил буквально все и ему остается лишь расставить десяток людей с карманными фонариками, чтобы обозначить посадочную площадку. До Марселя Мишель с Луизой доедут поездом, а там возьмут машину и отправятся к месту посадки самолета километрах в восьми юго-западнее Маноска на правом берегу Дюранса.

Опасаясь, как бы Карте не позабыл о такой мелочи, как карманные фонарики, Мишель попросил Луизу положить десять штук в рюкзак, где уже лежало кое-что из продовольствия и две бутылки коньяку.

Оделись потеплее и захватили осенние пальто. Так начался первый этап путешествия.

В Марселе они встретились с Марсаком, который ехал к назначенному месту на грузовике, а потом отправились к Гонтрану.

В Маноск их повез сам Гонтран. От Экса предстояло проехать еще километров тридцать на север. В одном месте они нарвались прямо на французский контрольно-пропускной пункт. Когда впереди замаячили два дюжих жандарма, Мишель невольно вздрогнул. Он не знал, как Гонтран вывернется из этого положения.

Разрешения на поездку у Гонтрана, разумеется, не было. Перед отъездом он был слишком занят, чтобы думать о таких, как ему казалось, пустяках. Но Мишелю он признался в этом, только когда они увидели жандармов. «Попасться из-за своей же неосмотрительности — ведь это же преступление», — волновался Мишель. Но Гонтран не потерял самообладания. С напускным равнодушием он ждал, высунувшись из окна, когда подойдут жандармы.

— Ваши документы!

Гонтран предъявил свои водительские права.

— Это нас не интересует. Предъявите разрешение на поездку.

— К сожалению, у меня его нет, — ответил Гонтран.

— В таком случае, разрешите ваши удостоверения

личности, — сказал полицейский строго, — и попрошу вас пройти на пост.

— Извините меня, начальник, — начал Гонтран. — Что тут такого? Эта парочка упросила меня отвезти ее в Маноск. Дело у них там какое-то. Вы же сами знаете, сколько нужно убить времени, чтобы достать разрешение! Я обещал отвезти их на собственный страх и риск. Мы скоро вернемся. Уж поверьте мне!

Жандарм подумал и махнул рукой:

— Ладно. Так уж и быть, проезжай…

Когда машина двинулась, Мишель отметил про себя, что именно на таких ошибках жизнь учит людей уму-разуму. В самом деле, что им оставалось делать? Как защищаться, когда ни у него, ни у Гонтрана нет оружия? Да и не в оружии сила разведчика. Его задача избегать неоправданного риска.

Вскоре выехали к реке, а дальше дорога тянулась вдоль скалистого берега. С заходом солнца выехали наконец на поляну, где стояла ферма. Здесь у всех на виду стояли три машины.

На ферме их с нетерпением поджидал Карте со своей многочисленной свитой. Среди собравшихся было нисколько человек, не знакомых Мишелю.

С Карте приехали пять отобранных им генералов. До этого он долго ругался, убеждая Мишеля, что необходимо взять семь. Конец препирательствам положил категорический ответ из Лондона:

САМОЛЕТ МОЖЕТ ВЗЯТЬ ТОЛЬКО ВАС, КАРТЕ И ЕЩЕ ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК.

Генералы откровенно радовались перспективе улететь в Англию, а Мишель никак не мог понять, зачем нужны в Лондоне эти старикашки, самому молодому из которых не меньше семидесяти. Стоит самолету взлететь, и, чего доброго, среди этих ветеранов будут жертвы просто по причине испуга.

Обозначать посадочную полосу поручили Марсаку. Он подобрал себе группу, в которую в числе других входили Жак Ланглуа, Рикэ, Гонтран, один фермер из-под Экса, доктор Бернар и Жабу, известный французский артист и конферансье мюзик-холла.

Отозвав команду Марсака в сторону, Мишель начертил на большом листе бумаги план посадочной полосы и показал каждому, где стоять и что делать. Убедившись, что они правильно поняли свои обязанности, Мишель строго наказал не сходить с мест, пока самолет не поднимется в воздух и не скроется из виду, так как в случае каких-либо неполадок самолету, возможно, придется сесть снова. Прибытие самолета ожидается в десять вечера, но он может прилететь и позже, до двух часов ночи. В

заключение Мишель предупредил, чтобы все соблюдали тишину и не курили.

Как и следовало ожидать, карманные фонарики никто не захватил. Мишель нарочно спросил о них в присутствии Вотрэна, и только когда Карте признался в своей оплошности, сказал, что, к счастью, позаботился о фонариках сам.

В половине десятого отправились к месту посадки самолета. Шествие возглавлял молодой француз в кожаном реглане. Дойдя до края залитого лунным светом поля, он остановился.

— Ну вот и пришли, — сказал француз, когда Мишель подошел к нему.

Поле лежало в лощине и ночью при лунном свете казалось очень маленьким.

— Хорошо, начнем, — сказал Мишель и, обращаясь к группе Марсака, продолжал — Двое останутся здесь, в начале полосы, а остальные пойдут со мной. Через каждые полтораста шагов будем оставлять одного человека.

Мишель с группой двинулись дальше, а за ними устремилась свита Карте — просто так, от нечего делать. Отсчитав сто пятьдесят шагов, Мишель поставил человека, потом следующего, потом еще одного. Поле было немного узковато, зато грунт — превосходный.

Но когда прошли шестьдесят шагов и поставили очередного человека с фонариком, Мишель увидел, что поле на самом деле маленькое и лунный свет тут ни при чем. Они подошли к насыпи метра полтора высотой, которая пересекала все поле. Ясно, что самолет здесь не приземлится. Но, может быть, переставить людей и начать полосу от насыпи? Интересно, велико ли поле за насыпью?

Поднявшись на насыпь, Мишель, к своему ужасу, убедился, что дальше идет отлогий спуск, а метров через четыреста начинается лес.

Мишель бросил на Карте уничтожающий взгляд. Но тот с довольным видом выслушивал любезности своих генералов. Этот человек даже теперь явно не хотел понимать, во что обошелся его каприз.

— Итак, это и есть то поле, которое вы обещали? — спросил Мишель, задыхаясь от гнева. — Нам нужна полоса минимум в тысячу шестьсот метров. Где она? Где этот специалист, который решил, что здесь можно посадить бомбардировщик?

Карте показал на человека в реглане:

— Он летал когда-то, и ему лучше знать…

— Интересно, на каких самолетах вы летали? — спросил Мишель у столь «опытного» летчика.

— На Потез-сорок три, — с гордостью ответил бывший летчик, ныне хранитель какого-то музея в Арле.

Когда Мишель услышал название этого допотопного летательного аппарата с посадочной скоростью менее 25 километров в час, он едва не лишился чувств. Ведь каждому, кто мало-мальски интересуется авиацией, известно, что с такой скоростью самолет может приземлиться на любом пятачке. Разве можно сравнивать его с современным тяжелым бомбардировщиком?

Горе-летчик начал уверять Мишеля, будто способен сам посадить на этом «великолепном поле» какой угодно самолет. Карте в окружении своих генералов тем временем разглагольствовал, что англичане вообще народ суетливый и уж раз Мишель такой требовательный, ему следовало бы самому заранее осмотреть поле, тем более что пассажиры важные персоны.

Мишель был вне себя от гнева. Его выражения, наверное, смутили бы даже Арно.

Вдруг вдалеке послышался гул самолета… Он быстро нарастал.

Принимать решение надо было немедленно.

Карте требовал, чтобы самолет приняли. Все вопросительно смотрели на Мишеля.

С трудом сдерживая ярость, Мишель все-таки взял себя в руки. Что делать? Экипаж, конечно, предупредили, что сигнал с земли подадут только в том случае, если там все в порядке. Летчики, которых посылают на подобные задания, — опытные, отважные люди. Они хорошо понимают, что это не учебный полет, и смело идут на риск. Но, в конце концов, всему есть предел… А ведь на аэродроме в Англии Мишеля ждут друзья из французского отдела. Если он не привезет группу, во всем обвинят его, а не Карте. «Пусть делают со мной, что угодно, — решил наконец он, — все же это лучше, чем обрекать экипаж почти на верную гибель».

Мишель оглядел присутствующих и твердо заявил:

— Я отказываюсь принимать самолет!

Самолет был уже совсем близко. Вот он с ревом пронесся над их головами и начал кружить над полем, словно недоумевая, почему там, внизу, ничего не предпринимают. Каждый раз, когда самолет пролетал над ними, сердце у Мишеля сжималось и он все сильнее и сильнее ощущал всю горечь постигшего его разочарования.

Покружив минут двадцать, самолет лег на обратный курс, и компания двинулась из лощины. Карте и бывший летчик

изощрялись в упреках по адресу Мишеля. Когда поднялись на гребень близлежащей высоты, все замерли и широко раскрыли глаза. Мишель готов был разрыдаться от обиды: перед ними раскинулся заброшенный аэродром с двухкилометровой посадочной полосой.

Казалось, один вид аэродрома заставит Карте раскаяться и признать свою ошибку. Но Карте это и в голову не пришло. Зато наконец он был полностью изобличен, как бездарный, опрометчивый руководитель. Даже если кто-нибудь еще окончательно не убедился в этом, то, по крайней мере, в душу ему закрались серьезные сомнения…

Кое-как разместившись в двух автомашинах, вернулись в Экс, а оттуда поехали к фермеру, который входил в «группу с фонариками». На ферме их встретили радушно и хорошо угостили. Все повеселели и решили больше не вспоминать о печальном фиаско — в следующий раз будут умнее. Хорошо хоть, что обошлось без жертв.

За бокалом вина завязалась оживленная беседа, начали произносить тосты. И тут случилась новая неприятность. В компании был один красноречивый оратор, писатель по профессии. Он решил произнести очередной тост.

— Друзья! — начал писатель. — В этот мрачный час, освещенный щедрым гостеприимством, мы с радостью сознаем, что, хотя нас сегодня постигла неудача, в историю нашей страны вписана еще одна страница. Мы счастливы, что все труды и опасности с нами разделяют скромные офицеры непобедимой Англии. Я поднимаю бокал за Мишеля — капитана английской армии Питера Черчилля!

— Подумайте, что вы говорите! — взмолился Мишель. Он сразу почувствовал себя беспомощным: сказанного не воротишь, теперь все знают, кто он такой. Ему не хотелось бранить человека за теплые, дружеские слова, пусть даже опрометчивые, но он не счел нужным отмолчаться.

— Если вам кто-то сказал это, — продолжал Мишель, — зачем же болтать?

Воцарилась мертвая тишина, присутствующие смущенно переглядывались. Все, конечно, понимали промах писателя. Но коль скоро тайное стало явным, вопрос Мишеля показался глупым и неуместным. Он знал, Луиза обязательно подумает, что он чересчур важничает и не понимает простой пословицы: назвался груздем — полезай в кузов.

Как им объяснить, что осторожность — неразлучная спутница риска и что подобные промахи грозят провалов? Но, интересно, кто все-таки выболтал его имя? Лоран, который знал его в

Англии? Пьеро? Вряд ли… Впрочем, не все ли равно. Теперь его знают все. Если среди них окажется иуда — неважно, сегодня, завтра или через месяц — его уже не спасет никакая легенда.

* * *

Самолет нужно было вызывать снова. Мишель заранее договорился с Сюзанн, что утром ей позвонят и условной фразой сообщат, чем все кончилось. Это Мишель поручил Луизе, и она без труда объяснила Сюзанн суть дела, сказав: «Дядюшку вчера не встретили и ждут его там же завтра вечером». Сюзанн передала новости Арно. Луиза ждала ответа в отеле «Паскаль» в Маноске.

Сюзанн позвонила довольно поздно и посоветовала «ждать дядюшку завтра вечером, хотя он не вполне уверен, что сможет зайти».

Утром Луиза, Поль, Рикэ и Мишель пошли пешком на аэродром, до него было восемь километров. Вымерять поле шагами им не пришлось: сразу было видно, что размеры вполне достаточные и грунт твердый. Мишель мысленно прикинул, где будет начало и конец полосы. Когда все стало ясно, отправились в Маноск.

Подходя к Маноску, вдалеке увидели двух жандармов на велосипедах. Спрятавшись в зарослях, стали наблюдать за ними. На дорогу вышли только когда убедились, что жандармы ездят от фермы к ферме и развозят какие-то извещения. Итальянцев в районе не было, но не исключено, что ночью кто-то обратил внимание на рев моторов тяжелого бомбардировщика и теперь полиция начеку.

Вечером все двадцать с лишним участников «генеральной репетиции» на четырех автомобилях отправились на аэродром. Ехали, как обычно, шумной веселой компанией, словно болельщики, возвращающиеся после очередного триумфа любимой футбольной команды. Беззаботность уже тогда стала отличительным признаком некоторых участников движения Сопротивления юго-восточной Франции, и Мишель никак не мог смириться с этим.

Машина Карте отстала и подъехала, когда первые три уже стояли в укрытии за невысоким холмиком, густо поросшим кустарником. Карте не заметил их, и его машина несколько минут рыскала по аэродрому с включенными фарами, как будто нарочно заманивая сюда полицию.

Мишель расставил девять человек с фонариками в виде буквы «Г»: семь — по прямой с интервалами в 150 метров, двоих —

вправо от седьмого, в 50 метрах друг от друга.

Теперь оставалось только ждать. Становилось все холоднее и холоднее, а между тем двое из людей — Марсак и еще кто-то — были без пальто, и у них зуб на зуб не попадал. Мишель спросил Марсака, почему он не захватил пальто, и оказалось, что у того просто его нет. Мишель пожурил его и велел приобрести пальто, заверив, что государственное казначейство с радостью заплатит за эту покупку.

Прошло четыре часа. Температура была ниже нуля, и две бутылки коньяку, а также хлеб оказались очень кстати.

В третьем часу ночи Мишель решил, что дальше ждать бесполезно. Закоченевшие люди в мрачном настроении вернулись в отель. Стучать пришлось долго. Наконец хозяин открыл ставни своей спальни на первом этаже и высунулся из окна. Узнав недавних постояльцев, он рассмеялся:

— А вы, видать, шутники! Рассчитались, сказали, что не вернетесь — и вот вам, пожалуйста!

На следующий день все разъехались по своим местам, решив ждать новых указаний из Лондона. Луиза и Мишель поездом вернулись в Канн и занялись будничными делами.

Чувствовалось, что Арно объяснял неудачу в Виноне какой-то оплошностью со стороны Мишеля. Он мимоходом заметил, что в следующий раз ему придется ехать с Мишелем, захватив с собой рацию.

Из Лондона пришел запрос:

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ВИНОНЕ?

Мишель написал подробный отчет и отправил в Лондон через Швейцарию.

Вскоре получили радиограмму:

САМОЛЕТ ВЫШЛЕМ В ДЕКАБРЕ В РАЙОН ШАНУАН, АРЛЬ Т-12. СРОЧНО ПРОВЕРЬТЕ ПЛОЩАДКУ ЛИЧНО.

Мишель вытащил карту района Арля и точно определил кодовое место Т-12. Потом позвал Луизу.

— Завтра, — сказал он, — поедете в Арль и разыщете там Жака Латура вот по этому адресу. — Мишель протянул Луизе бумажку. — Поедете с ним в район Шануан. Но помните, ответственность за все несете вы, а не он. Разыщите площадку, измерьте ее, убедитесь, что длина площадки не менее тысячи шестисот метров, а в ширину она не уже винонского аэродрома, что поверхность ее такая же ровная и что там нет ни деревьев, ни телеграфных столбов. Вам все понятно, Луиза?

— Все.

— Радиограмма требует, чтобы я лично проверил площадку. Но после печального случая в Виноне, я полагаю, вы справитесь с

этим не хуже меня. Но учтите, если и на этот раз будет допущена ошибка, тогда мы все пропали. Вы уверены, что справитесь?

— Конечно.

— Ну тогда повторите, на что нужно обратить внимание.

Луиза повторила все слово в слово.

— Очень хорошо. В Арль отправитесь завтра утром… А сегодня вечером, может быть, поужинаем вместе?

Луиза согласилась, и они пошли к Роберту в первый раз после ее возвращения из Марселя.

Ужинали не торопясь и обсуждали события последних нескольких дней. Когда после десерта Луиза решительно отказалась от ликера и сигареты, Мишель заметил:

— Странно, Луиза… Вы не курите, не пьете, не ругаетесь. При такой сумасшедшей жизни, как наша, все неизбежно привыкают к этому.

— А я не привыкну, Мишель. Мне просто не нравится ни алкоголь, ни табак, и я легко могу выражать свои мысли без бранных слов.

— Не зарекайтесь, Луиза.

— Именно так. Но я ничуть не осуждаю вас за то, что вы привыкли к этому и даже полюбили, — с улыбкой сказала она.

— Не такой уж я плохой, Луиза, как вам кажется.

— А я и не считаю вас плохим. Вы опытный человек, хорошо знаете свое дело. Сначала у меня сложилось о вас неверное мнение, очевидно потому, что вы предстали перед нами щеголем, а мы выглядели ужасно после путешествия на фелюге.

— И несмотря на этот вид, я все же не ошибся в вас. В моих глазах вы сейчас такая же, как и тогда.

— Истинный француз, вероятно, выразил бы это иначе, — рассмеялась Луиза.

— Неважно, главное — вы меня поняли…

— Скажите, Мишель, что заставляет вас снова и снова возвращаться во Францию?

— Очень уж нравится купаться в Средиземном море, — отшутился Мишель, — и только война дала мне возможность провести зиму на юге Франции.

Оба помолчали, и когда Мишель убедился, что его шутливый ответ не обидел Луизу, он попросил:

— Расскажите мне о себе, Луиза.

— Ничего интересного…

— И все-таки расскажите.

— Ну, раз вы просите… — произнесла Луиза, и глаза ее сразу стали грустными. — У меня три маленькие девочки.

— Вот те на! — воскликнул Мишель, искренне

удивившись. — Как же вы решились оставить их?

— Это долгая история, Мишель.

— Луиза, и война продлится долго, так что рассказывайте все сначала.

— Когда Франция пала, — начала она, — французам в Англии пришлось выслушать немало ядовитых замечаний на свой счет. Конечно, потом все изменилось и к нам стали относиться доброжелательнее и с большим сочувствием. — Луиза умолкла, словно вспомнила те времена.

Мишель терпеливо ждал.

— Лондон все время бомбили. Я забрала девочек и уехала в Сомерсет. Правда, бомбардировщики изредка появлялись и там, но всегда пролетали дальше: их интересовали более важные объекты. У счастливой матери дел по горло, но все же иногда задумаешься… Как-то мне пришло в голову, что я избрала слишком легкий путь. В самом деле, что может быть проще, чем спокойно прожить до конца войны, спрятавшись за надежный щит материнства? А ведь другие, тоже с детьми, страдают от оккупации… Вот, собственно, с этого все и началось.

— Понимаю, — тихо проговорил Мишель. — Где же вы устроили детей?

— В монастыре в Брентвуде. У них есть две добрые тетушки и нежный дядюшка. По праздникам они берут девочек к себе. Бедные крошки не знают, где я. Им говорят, что я работаю в Шотландии.

— Сколько им лет?

— Мариан — семь, Лили — девять и Франсуазе — десять.

— А их отец…

— Он в армии… Но не думайте, что ему удалось бы отговорить меня. Я предпочитаю принимать решения сама.

— Это ничуть не удивляет меня, Луиза. Но ведь теперь-то вы принимаете решения не сами. Вами распоряжается совершенно чужой человек.

— Тот, кто занимается таким делом, — мне не чужой.

— Конечно, ваши доводы порой звучат странно, но я не могу не восхищаться вами… Ведь все-таки три дочери…

— И, по-моему, премиленькие…

— Уж в этом-то я не сомневаюсь!

* * *

На другой день Луиза отправилась в Арль. Даже если бы не было указания из Лондона, Мишель бы знал, что этим он должен

заняться сам. Но сейчас он никак не мог уехать из Канна.

Отношения между Арно и Карте резко обострились. Впрочем, это никого не удивляло, но Мишель не собирался лишаться второго радиста и остался в Канне, чтобы не допустить открытого столкновения. Винонское фиаско взбесило Арно даже больше, чем Мишеля. Решив, что все его труды пропали впустую, Арно не желал просто смириться с неудачей и спокойно продолжать свою работу, как это сделал бы на его месте простой радист в армии. Ему, как и большинству других радистов, работающих в подполье, почему-то казалось, что раз им, несмотря на многочисленные трудности, удается поддерживать связь, то и все другие обязательно должны преуспевать всегда и во всем. Арно был индивидуалистом. Но мысль о славе или наградах никогда не приходила ему в голову, в основе всех его поступков лежала гордость за свою профессию. Если бы даже Арно знал, как им восхищается Мишель и что он представил его к высокой награде, это нисколько бы не изменило его нрав.

Весь день Мишель просидел у Кэтрин, принимая посетителей. Первым пришел некто Ксавье, которого он раньше не знал и о котором ничего не слышал. Здесь Ксавье был проездом и просил помочь выполнить какое-то задание. Убедившись, что это свой человек, Мишель пообещал. Присмотревшись к Ксавье, Мишель подумал, что по своей настойчивости и упрямству он, пожалуй, уступит одному Арно.

Второго посетителя Мишель тоже видел впервые. Звали его Мариус. Он оказался из отдела специальных операций. Невозможно было понять, кто он по национальности. О постигших его неприятностях Мариус рассказал на чистом французском языке без малейшего акцента. Но Мишель почему-то решил, что он шотландец. Все они настолько сжились со своей ролью французов, что просто не думали, как заговорят на родном языке, когда встретятся при других обстоятельствах.

Говорят, бог троицу любит, и Мишеля почти не удивило, что пришел третий посетитель. Этот попал в настоящую беду и не знал, как избежать провала. Оказалось, что, не выдержав одиночества, он сошелся с женщиной, которая через некоторое время начала шантажировать своего любовника, вымогая деньги. Сейчас она грозила выдать его немцам. Мишель задумался. Он знал посетителя очень хорошо. Этот агент давно работал в одиночку, выполняя какое-то самостоятельное задание, и уже добился значительных успехов. Это был не какой-то там Грегуар, и Мишель решил помочь ему. Но что же можно сделать? Тут его осенила идея.

— Ведь дело не в деньгах? — спросил он.

— Нет, не в деньгах.

— А все-таки сколько она просит?

— Пятьдесят тысяч.

— Хорошо, возвращайтесь и скажите ей, что вы все обдумали, но не можете обойтись без нее, так как всегда считали ее ценным помощником. Скажите, что вам нужно переслать через Барселону очень важное донесение, и попросите эту даму отвезти его туда и вручить лично английскому генеральному консулу. Пусть заедет к нам в конце недели, ее будет сопровождать один из наших ребят, который знает все ходы и выходы. В конверт вложите две — три бумажные салфетки. Писать ничего не нужно. Я сообщу в Барселону о прибытии этой особы и попрошу задержать ее. Судя по вашему описанию, я думаю, они без труда найдут ей занятие по вкусу. Дайте своей знакомой двадцать пять тысяч за поездку, а пятьдесят обещайте по возвращении.

На прощание Мишель посоветовал благодарному коллеге держать ухо востро. Впоследствии он как-то узнал, что хитрость удалась.

Днем зашел Антоний. Он сообщил Мишелю, что к нему заходили двое полицейских инспекторов и интересовались, живет ли там Мишель. Получив утвердительный ответ, они спросили, дома ли он. Антоний ответил, что Мишель в Париже по делам и что его ждут дня через четыре. После этого полицейские ушли.

— Они придут еще, — подумал вслух Мишель.

— Да, я думаю.

— Самое время переезжать на другую квартиру.

— Давайте подождем, пока они явятся снова, а тем временем Сюзанн подыщет квартиру и приведет ее в порядок.

— Хорошо. Давайте подождем, — согласился Мишель.

— Ну, а я сочиню что-нибудь для этих джентльменов.

Вечером, когда Мишель вернулся к себе, кто-то позвонил. Он никого не ждал. Сюзанн после работы обычно шла прямо домой и к нему заходила только утром, чтобы получить распоряжения на день. Слегка приоткрыв глазок, он увидел, что это Сюзанн, и открыл дверь.

— Мишель, — взволнованно зашептала она, — мне кажется, вам нельзя больше здесь оставаться.

— Почему? Что случилось?

— Полчаса тому назад ко мне в салон зашли два полицейских инспектора. Я уже окончила работу, и, к счастью, никого из наших людей у меня не было. Они задали множество довольно странных вопросов о назначении квартиры при салоне. Я довольно легко разыграла невинного ягненка, которого обидели, а они будто бы поверили. Тем не менее я чувствую, что они

подозревают наличие связи между салоном и вашей квартирой. Что-то здесь назревает.

— Молодец, Сюзанн, — похвалил Мишель. — И Антония они навещали. Все это неспроста. Когда вы шли сюда, вас не выследили?

— За кого вы меня принимаете? — шутливо рассердилась Сюзанн. — Я наблюдала из-за занавески и хорошо видела, как они перешли улицу, внимательно осмотрели дом и пошли дальше. Я незаметно выскользнула на улицу и шла за ними до тех пор, пока они не скрылись из виду на рю д'Антиб.

— Умница! — еще раз похвалил Мишель и начал собирать вещи. — Я предупрежу всех, что эту квартиру на время надо оставить, а завтра вы опишете внешность двух полицейских начальнику полиции, который нам помогает, и тогда узнаем, в чем дело.

Когда она ушла, Мишель стянул ремнями свой чемодан и привязал его за седлом к велосипеду. Весь мусор подобрал и сложил в корзинку для бумаг. Оглядев в последний раз квартиру, которая хорошо послужила ему почти три месяца, он вышел и запер за собой дверь.

Кэтрин с радостью устроила Мишеля у себя и даже была готова предложить ему постоянно жить у нее. В одной из комнат, которая находилась между спальнями ее и Луизы, жил эмигрант, венгерский композитор. В квартире царила веселая и спокойная обстановка. Венгр, очаровательный человек, знал, что Мишель англичанин, им не раз приходилось беседовать. Сейчас, обсуждая в соседней комнате план переезда на новую квартиру, Мишель с удовольствием слушал, как композитор играет на пианино.

Кэтрин предложила Мишелю занять комнату Луизы, пока та не вернется.

Мишель лег рано и уснул как убитый. Несмотря на постоянную угрозу ночного ареста, он не страдал бессонницей и в нужный час никогда не просыпался сам. Не разбуди его кто-нибудь, он мог бы проспать очень долго. Но, что хуже всего, проснувшись, он не сразу приходил в себя. Вот и здесь, на квартире у Кэтрин, он почувствовал себя в полной безопасности и побил все свои прежние рекорды по части сна.

Проснувшись, Мишель увидел, что у кровати стоит Луиза.

— Где я? — спросил он с бессмысленной улыбкой, обводя комнату затуманенным втором.

— Где?! В моей спальне! Пока я бегаю от итальянских патрулей и пробиваюсь через контрольные посты, вы спокойно спите на моей кровати. Вот вы где, дорогой! — добродушно укоряла она.

— Бог свидетель, Луиза, я никак не думал, что вы вернетесь так скоро.

— Но ведь в телеграмме из Лондона ясно сказано, что площадку нужно проверить срочно.

— Лунные ночи наступят с четырнадцатого декабря, а сегодня только второе.

— Ну, это уж…

— Договаривайте, Луиза.

— Черт знает что такое! — выпалила она.

— Я ужасно извиняюсь, что не предупредил вас и погнал как на пожар. Но зато наши летчики успеют теперь заранее сфотографировать поле. Кстати, как поле?

— Превосходнее.

— Ну, тогда приходите в десять часов и расскажите все по порядку.

— В десять часов! — возмутилась Луиза. — Да ведь я не спала всю ночь!

— Готов спорить, что вам самой не терпится поскорее со всем покончить, а уж потом как следует поспать — хоть целый день.

После завтрака Луиза рассказывала о результатах своей поездки.

— Поле чудесное, — начала она, — правда немного уже винонского, но ничуть не короче, а поверхность ровнее. Местный житель, который сопровождал нас с Жаком Латуром, сказал, что там почти не бывает ветров; за исключением мистраля[14], а он дует вдоль поля.

— А деревья?

— Не мешают… Рядом есть еще два поля немного поменьше. Они подойдут для «лизандеров».

— Будем там, посмотрим… Ну а как ехали ночью?

— У Гонтрана было разрешение, действительное до двадцати трех часов. Я сказала, что рискну и буду сама объясняться с патрулями. Нас никто не задержал, и только один не в меру ретивый сержант привел дежурного офицера. Я сочинила длинную историю, будто мы спешим к моему тяжело больному ребенку, который лежит в частной лечебнице в Канне. Когда я увидела, что он колеблется, я пустила несколько слезинок, и это решило все.

— Да, мужчина не вывернулся бы…

— Что у вас с квартирой? Почему вы ночевали здесь? — в свою очередь поинтересовалась Луиза.

Пришлось рассказать обо всем, что произошло в Канне в ее отсутствие.

Луиза так и не ложилась в этот день. Ее неутомимость

поражала Мишеля. Впоследствии за многие месяцы их совместной работы он ни разу не видел ее усталой или измученной. Как бы ей ни хотелось спать, она никогда не выдавала себя даже легким зевком…

В штабе Карте появился новый человек. Представляя его, Карте не поскупился на пышные фразы. Он бежал из лагеря для военнопленных в Германии. Полиция Марселя опознала и схватила его, но он снова умудрился бежать, вывинтив замок у двери дома, куда его временно посадили до отправки в Германию. Таким образом, этот человек имел все основания присоединиться к группе Карте. Звали его Роже Барде.

Жерве продолжал проводить занятия по диверсионной подготовке, все время меняя дома. Уже два раза ему пришлось бежать через черный ход, когда гестапо входило в парадное. Судьба щадила этого человека. Он принадлежал к тем немногим, кому удалось уцелеть, и прожил долгую, полную опасностей жизнь, принося пользу общему делу. Пожалуй, только о нем одном Мишель с полным основанием регулярно писал в своих донесениях: «Это один из самых выдающихся офицеров, которых я здесь знаю».

За это время дважды приезжала Жизель. Со свойственной ей скромностью она спокойно и лаконично излагала новости. Хорошие или плохие, маловажные или сенсационные, они всегда были точны до детали и без малейшего преувеличения. Так, приехав во вторую среду декабря, она объявила:

— В Бресте спешно ремонтируются «Шарнгорст» и «Гнейзенау». Они, очевидно, готовятся к выходу в море. У Оливье есть друг, который работает в доке. Сейчас он в Марселе, в отпуске. Когда вернется, сообщит день выхода и постарается узнать, куда пойдут корабли.

И Мишель, конечно, не сомневался в достоверности ее сообщения.

Правда, начальство в Лондоне указало Мишелю, что не нуждается в подобных сведениях, так как этим занимается агентурная разведка. Мишель тем не менее решил, что, если ему станет известен день выхода кораблей в море, он сообщит его в очередном донесении, а начальство пусть гневается сколько хочет. Даже если аналогичные данные поступят из десятка других источников, лишнее подтверждение не помешает. Если информации уделят столько же внимания, сколько сообщению о двух танкерах, которые сами просились в руки в Гибралтаре, его это не касается.

Мишель водворился в новой квартире. С балкона открывался вид на Средиземное море, и, пока стояли теплые дни, Мишель в

свободные минуты мог посидеть в шезлонге и полюбоваться восхитительным зрелищем.

От госпожи Рондэ ничего не было слышно, и Мишель решил не подгонять события. Он чувствовал, что дни его работы в Канне сочтены.

Глава X
АРЛЬ

12 декабря Луиза, Мишель, Рикэ и Жак Ланглуа собрались ехать в Арль. Арно получил из Лондона радиограмму, в которой сообщалось, что в день вылета самолета по французской программе Би-Би-Си будет передана условная фраза:

«Deux et trois font cinq»[15].

Теперь нужно было сидеть в Арле и каждый вечер слушать передачи. Услышав условную фразу, они должны тотчас ехать на аэродром и ждать самолет от десяти вечера до двух ночи. Задача осложнялась тем, что немцы усиленно заглушали английские радиопередачи для Европы, и чтобы не пропустить сообщение из Лондона, они решили дежурить одновременно у нескольких приемников.

Арно остался в Канне, Сюзанн поручили забирать у него радиограммы из Лондона и через день доставлять Мишелю в Арль.

Рикэ заранее заказал столик в вагон-ресторане, пока поезд еще стоял в Канне. Заняв свои места в купе второго класса, сразу же отправились в вагон-ресторан.

Луиза и Мишель уселись спиной к стеклянной перегородке, Рикэ и Жак Ланглуа — напротив. За несколькими столиками сидели немецкие и итальянские офицеры, но публика не обращала на них никакого внимания.

Друзья весело болтали о разных пустяках, и время пролетело незаметно. Когда принесли счет, Мишель заплатил и положил, как обычно, по два франка на каждый билетик «Фонда зимней помощи» детям. Эти небольшие коричневые бумажки официант заранее раскладывал на столиках. Луиза, конечно, знала об этом из собственного богатого опыта путешествий по железной дороге. Сейчас она была в дерзком настроении. Посмотрев на билетики, Луиза взяла один и сказала со смехом:

— Кажется, я знаю, кому следует раскошелиться в первую очередь!

— Ради бога, Луиза, — взмолился Мишель, — не сделайте какой-нибудь глупости!

Он сразу сообразил, что ничего более худшего сказать не мог. Теперь Луиза обязательно сделает что-нибудь наперекор ему.

Мишель встал, пропустил ее вперед, и они пошли следом за Жаком и Рикэ. Поравнявшись со столиком, за которым сидел пожилой немецкий генерал с моноклем, Луиза внезапно

остановилась и положила перед ним коричневый билетик. Спокойным голосом она произнесла:

— Думаю, что вы, кто придумал эту помощь, заплатите за билетик.

Немедленно воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком колес. Все смотрели на них и ждали, что будет. Генерал плотнее вставил монокль, посмотрел на билетик и поманил к себе официанта. Официант подбежал и, поняв, в чем дело, стал униженно извиняться перед генералом. Он, естественно, подумал, что билетик попал на столик столь важной персоны по ошибке. Генерал молча вытащил двухфранковую монету и, положив ее на билетик, жестом приказал несчастному официанту убрать. Затем поднялся и строго посмотрел на Луизу.

Поединок окончился вничью. Луиза пошла дальше, провожаемая восхищенными взглядами.

Когда они вышли в тамбур, Мишель сказал:

— Великолепно, Луиза, и я понимаю ваши чувства, но, ради бога, оставьте это. С нас и без того хватает опасностей.

Приехав в Арль, они отправились пешком в «Гранд Отель Норд Панюс». Им оставили всего четыре комнаты, так как отель был переполнен немецкими офицерами оккупационных войск. Оказалось, что, кроме Мишеля и его компаньонов, в отеле одни немцы.

В холле за стойкой хозяйничала госпожа Бессьер — жена хозяина отеля, веселая, энергичная француженка. Самого господина Бессьер не было, он вообще показывался здесь редко, предпочитая проводить время в семейной гостиной.

Была середина декабря, наступала рождественская пора, и никто не обращал внимания на молодых французов, толпившихся у стойки. Пусть себе веселится беззаботная молодежь. То, что около семи часов молодые люди всегда исчезали, объяснялось просто: отправлялись куда-нибудь поужинать с друзьями. Таким образом, каждый вечер они беспрепятственно слушали передачи сразу в нескольких домах.

Уже в первый вечер, коротая время у стойки, Мишель заметил, что госпожа Бессьер относится к немцам далеко не дружелюбно. Когда из той части отеля, которая была отведена для офицеров, вышел пожилой полковник и важно прошествовал по вестибюлю к выходу, она сделала ему нос и сердито сплюнула.

— Только подумайте! — воскликнула она довольно громко. — Этот человек имел нахальство предложить мне отказаться от других клиентов и предоставлять комнаты исключительно его офицерам! Боюсь, я была не очень вежлива с ним.

— Где его комната? — спросила Луиза, тут же почуяв в госпоже Бессьер родственную душу.

— На втором этаже, в самом начале коридора. Окно выходит на площадь Форум. Она сразу бросается в глаза: на двери медная дощечка с надписью: «LA CHAMBRE DE L'EMPEREUR»[16].

— Вот как? — сказала Луиза, вставая.

— Куда это вы? — забеспокоился Мишель.

— Неважно.

— Помните, что я вам говорил… — предупредил он, но Луиза, казалось, не слышала его слов.

— Сейчас мадам устроит так, чтобы господину полковнику не очень сладко спалось в постели, — высказала предположение госпожа Бессьер, смеясь.

— Она вполне способна подложить ему даже настоящую ручную гранату в придачу, — пошутил Жак.

Все весело рассмеялись, и, когда хозяйке рассказали о случае в поезде, Мишель стал опасаться, как бы ей, чего доброго, не пришло в голову перещеголять Луизу по части сумасбродных выходок.

Луиза вернулась, и они еще долго весело болтали у стойки. Тем временем полковник прошел по вестибюлю обратно к себе в комнату.

Женщины обменялись лукавыми взглядами и злорадно посмотрели на немца. Предчувствуя, что сейчас что-то произойдет, все смолкли. И вдруг из коридора, где находилась комната полковника, послышались потоки ругани. По вестибюлю забегали вестовые, подхлестываемые гневной бранью своего начальника. Друзья у стойки незаметно переглядывались и с притворным удивлением смотрели на всполошившихся немцев.

— Что вы там натворили, черт возьми? — встревожился Мишель.

— Я и не рассчитывала на такой эффект, — рассмеялась Луиза. — В коридоре стояла швабра. Я внесла ее в комнату новоявленного императора и пристроила у двери так, чтобы она свалилась на входящего. Вот — все… Самое главное, он, очевидно, подумал, что все произошло из-за халатности денщика!..

Наконец немцы угомонились. Рискованная шутка, к счастью, осталась без последствий, и Мишель облегченно вздохнул.

На следующий день он, Луиза, Жак Ланглуа и Жак Латур отправились в Шануан осматривать поле. Оно выглядело именно так, как его описала Луиза. Два других поля, поменьше, действительно идеально подходили для «лизандеров». Мишель велел Сюзанн сообщить их координаты Арно, чтобы тот в свою

очередь передал их в Лондон.

Каждый вечер друзья с трепетом садились к радиоприемникам, но проходили дни, а желанной фразы не передавали.

Приближалось рождество. Резко похолодало, по ночам сильно подмораживало. Выпал снег и покрыл улицы слоем в несколько сантиметров. Мишель и его товарищи томились от вынужденного безделья. Местные достопримечательности, привлекающие уйму туристов, давно всем надоели: нельзя же без конца осматривать одно и то же, тем более что подобное времяпрепровождение в их положении выглядело довольно нелепым.

Карте перевез в Арль свою семью. Он решил, что в Канне и Антибе стало слишком опасно. Его жена и четыре дочери, младшей из которых было всего два года, а старшей восемнадцать лет, привыкли к частым переездам и быстро осваивались сыновой обстановкой. Две старшие дочери помогали своей очаровательной матери по хозяйству и одновременно служили хорошими связниками для отца. Особенно способной и смышленой в таких делах была пятнадцатилетняя дочь. Мишель высоко ценил эту девушку. Она мечтала стать актрисой, и можно было не сомневаться, что, какой бы путь она ни избрала, успех будет сопутствовать ей.

Карте, как всегда, приехал в сопровождении своей свиты, и теперь в этом маленьком городке собралось столько его людей, что возникла проблема питания. Если все они станут обедать в немногочисленных ресторанах города, то неизбежно обратят на себя внимание. Поэтому решили, что люди Карте будут питаться у местных патриотов. К счастью, в рождественские дни сборища людей не вызывали у немцев серьезных подозрений. Все шло хорошо.

Как-то Мишель и Луиза, прогуливаясь по городу, встретили Виктора, руководителя движения Сопротивления в Арле. Он посоветовал им зайти в одну маленькую кондитерскую, где, несмотря на военное время, продавались торты, испеченные из белой муки с сахаром. Просто не верилось, что где-то. еще можно достать настоящий довоенный торт: белая мука полностью шла в госпитали, а рацион сахара сильно сократили и вместо него приходилось довольствоваться сахарином. Поблагодарив Виктора, они тотчас же отправились отыскивать кондитерскую и вскоре были там. У прилавка расплачивался с хозяйкой довольный покупатель. В руках он держал огромную картонную коробку, о содержимом которой Мишель и Луиза догадались без труда. На витрине, кроме обычного серого хлеба и имбирных

пряников, ничего не было.

— Здравствуйте, сударыня, — начал Мишель. — Я узнал, что сегодня у вас есть в продаже довоенные торты.

— К сожалению, сударь, я сию минуту при вас продала последний. И. у нас кончились запасы белой муки и сахара…

Мишель повернулся к выходу, но Луиза отнюдь не собиралась сдаваться без боя и начала уговаривать хозяйку приготовить для них торт. Но та настаивала на своем. Пришлось уйти ни с чем.

— Она нас не знает, — говорил Мишель на улице. — Мы здесь чужие, а торты, очевидно, продаются старым клиентам. Ведь и в Лондоне даже офицеру не продадут пачку приличных сигарет, если его не знают. Забудем о тортах.

Они направились в отель, собираясь по пути зайти в небольшое кафе, где можно было выпить чего-нибудь и поболтать с товарищами, которые наверняка уже там.

Вдруг они опять увидели Виктора.

— Ну, как дела? — поинтересовался он.

— Все продано.

— Ерунда! — воскликнул Виктор. — Приходите в бар Синтра через пятнадцать минут, я все улажу.

Они медленно направились к бару, взвешивая шансы Виктора на успех: может быть, ему, как местному жителю, удастся уговорить хозяйку кондитерской. В баре они устроились в тихом, укромном уголке и заказали себе виноградный сок.

Вскоре пришел Виктор.

— Можете получить свой торт когда вам угодно, — торжественно объявил он с видом человека, для которого творить чудеса — сущий пустяк.

Обрадованные Луиза и Мишель поблагодарили его и, расплатившись, поспешили в кондитерскую.

На этот раз хозяйка встретила их весьма приветливо. Она достала из-под прилавка огромную коробку и, передавая ее Мишелю, как-то особенно посмотрела на него. Лицо ее озарилось широкой, радушной улыбкой.

Мишель улыбнулся в ответ и, вытащив бумажник, спросил:

— Сколько с меня, сударыня?

Цена оказалась довольно умеренной. Распрощавшись с доброй хозяйкой, Луиза и Мишель, довольные, направились в отель, чтобы оценить вкусовые качества торта. По дороге они встретили нескольких друзей и пригласили их на пиршество. Те в свою очередь пригласили еще кого-то, и в комнате Мишеля на пробу торта собралось четырнадцать человек. Все же каждому досталось по солидному куску. Это было настоящее чудо кулинарии, свалившееся им в руки благодаря некому

магическому слову, которым Виктор открыл им путь к сердцу хозяйки кондитерской!

Только позже, в Марселе, Мишелю довелось узнать, что это за «магическое слово». Если бы он услышал его тогда, то и близко не подошел бы к кондитерской, а вкусный торт застрял бы у него в горле…

Период лунных ночей подходил к концу, а Лондон по-прежнему хранил упорное молчание. Мишель никак не мог понять, почему задерживается самолет. Все это время стояла прекрасная погода. Может быть, в Англии погода нелетная? Вряд ли. Мишель знал, что в других пунктах его соотечественники весьма успешно выбрасывают парашютистов. В чем же дело?

В самый сочельник Мишель получил сведения о новой дислокации немецких зенитных батарей и истребителей ПВО на территории Франции. Правда, эти ценные сведения поступили поздно, но все же, добыв их, люди Карте сделали большое дело. Как оказалось, немцы поставили много новых батарей там, где обычно летают английские бомбардировщики, а одну из них — всего в километре от Шануана. Оставалось лишь надеяться, что в Лондоне уже располагают этими сведениями, но тем не менее Мишель решил немедленно переслать их туда через Арно. Больше всего, конечно, мешала батарея под Шануаном, и трудно было сказать, решится ли теперь начальство послать сюда самолет. Если даже на этой батарее примут снижающийся «Гудзон» за свой самолет, все же о нем могут доложить на пост ПВО, и тогда все сразу станет ясно. Правда, помощники Карте могут управиться довольно быстро, и минуты через три самолет будет снова в воздухе, но, во-первых, он не успеет набрать высоту и станет легкой добычей для зениток, а во-вторых, тем, кто останутся на земле, вряд ли удастся скрыться. Ведь машин и так мало, а на самолете прилетят человек десять, да еще с громоздким багажом…

Если в Лондоне ничего не знают об изменении в обстановке, самолет может прилететь сегодня же, так как донесение Мишеля дойдет не раньше рождества. Если бы Арно был здесь, все обстояло бы иначе. Но он остался в Канне, а местный радист, как назло, куда-то уехал. Что делать? Может быть, не принимать самолет? Но тогда, разыскивая людей, он будет кружить чуть ли не над самой батареей. Сколько Мишель ни думал, он только сильнее убеждался в безвыходности положения.

В этот вечер, слушая передачи из Лондона, волновались, как никогда. Но если раньше все только и мечтали услышать условленную фразу, то сейчас каждый дорого бы дал, чтобы в Лондоне ее не произносили ни сегодня, ни завтра. Когда

передачи окончились, все вздохнули с огромным облегчением: диктор так и не произнес роковой фразы. Мишель так переволновался, что на лбу у него выступили крупные капли пота. Мадам Беро, у которой слушали радио, угостила их вином. Никогда Мишель не пил с таким наслаждением.

На следующий день, 26 декабря, в вечерних передачах для них опять ничего не было, и Мишель воспрянул духом. А 27-го Сюзанн привезла ответ из Лондона, подтверждающий получение радиограммы Мишеля. В нем сообщалось, что самолет, вероятно, прилетит этой ночью. Принять и отправить его предлагалось как можно скорее.

Теперь долгожданную фразу старались уловить в эфире с прежним нетерпением. И вот наконец диктор произнес ее. Участники операции оделись потеплее и собрались у Карте. Там уже стояли две машины, на которых они должны были ехать в Шануан. Луиза положила Мишелю в рюкзак десяток донесений, которые его коллеги просили доставить в Лондон.

В машине не было свободного места, и она попрощалась с Мишелем в отеле.

— Вы не забудете зайти к моей тете и передать подарки девочкам? — напомнила она.

— Конечно.

— И вы вернетесь сюда, как обещали, Мишель?

— Разумеется, вернусь, если сегодня все пройдет благополучно.

— Зачем эта оговорка? Все будет в порядке, — улыбнулась она.

— Всякое случается.

— Ну, я всегда надеюсь на удачу, — сказала Луиза.

— Вы оптимистка, Луиза, но я не уверен, что вы ею останетесь. Наша профессия учит реалистическому подходу к вещам.

— Я поверю в реализм, когда увижу вас здесь снова. Большинство реалистов остаются дома, если им предоставляется такая возможность.

— Я вернусь, — сказал Мишель тихо. — Вы увидите… И, Луиза, когда останетесь одни — если нам удастся улететь, — будьте осторожнее. Я хочу встретить вас здесь, когда вернусь. Так что зря не рискуйте, будьте умницей.

— Обещаю, — ответила Луиза с необычным для нее смирением в голосе.

Он поцеловал ей руку и, взяв рюкзак, быстро вышел из комнаты.

Когда Мишель пришел к Карте, он сразу заметил, что все

присутствующие чем-то озабочены.

— Неприятная новость, — начал Поль. — В двух километрах от Шануана расположилось немецкое подразделение, человек сорок мотоциклистов. Зенитная батарея, а теперь еще эти мотоциклисты… Я советую не принимать самолет.

— А я по-прежнему считаю, что, если все проделать быстро, они не успеют что-либо предпринять, — высказал свое мнение капитан Ролан — зуавский офицер из их группы. — Кроме того, мы будем отходить не туда, где мотоциклисты, а в противоположную сторону. Остаток ночи проведем на ферме у скотовода.

— Ваше мнение, Мишель? — спросил Карте.

— Я не могу рисковать самолетом в этих новых условиях, — ответил Мишель. — И потом вряд ли удастся быстро увезти в надежное место десять вновь прибывших, да еще с багажом.

— Ну, — произнес Карте, — я выслушал все доводы, и мое решение таково: рискнуть. Согласен, риск большой, но не можем же мы ждать, пока в нашу пользу будут абсолютно все шансы. Так можно прождать до конца войны! Кто согласен со мной, прошу поднять руку.

Все, кроме более опытного Поля, решительно подняли руки. — Мишель с восхищением посмотрел на этих людей, которые смело шли на риск, и невольно поднял руку: это был скорее салют отважным, чем знак согласия.

С трудом втиснулись в две машины, причем у каждого на коленях сидел еще пассажир. Хотя до Шануана ехали недолго, у Мишеля совсем затекли ноги, и, выйдя из машины у аэродрома, он едва удержался на ногах.

Был уже одиннадцатый час. Самолет мог прилететь в любую минуту, и Мишель поспешил расставить людей с фонариками. Он заранее наметил, кому где стоять, и вскоре люди были на своих местах. Отлетающие в ожидании самолета собрались вокруг Мишеля.

Люди неподвижно стояли на залитом лунным светом поле, изредка перешептываясь. Страшно было подумать, что где-то совсем рядом бдительно несут вахту зенитчики, а дальше километрах в двух дежурят мотоциклисты.

Двенадцать часов, час ночи. Самолета не слышно. Все продрогли.

Два часа. По-прежнему ни звука. Неужели опять разочарование?

— Подождем еще полчаса, — сказал Мишель, обращаясь к Карте, — и можно уходить…

Эти полчаса показались особенно долгими, но прошли и они.

Постояли еще минут пять, напряженно вслушиваясь в безмолвие холодной ночи. Самолета не было.

— Скверно, — нарушил молчание Мишель. — Возможно, они нарвались на огонь зениток. Мне кажется, больше ждать нет смысла.

— Да, — согласился Карте.

Люди медленно двинулись к ферме, куда заранее отправили обе машины. Когда они отошли от аэродрома километра на два, послышался отдаленный гул самолета. Все так и замерли на месте. Самолет летел высоко и с юго-восточной стороны, а не с севера. Может быть, немецкий? Гул стал отчетливым, и все поняли, что самолет направляется к аэродрому, который они только что покинули. Самолет начал резко снижаться, и, когда он пролетел под луной, Мишель распознал знакомый силуэт «Гудзона».

Его душила бессильная ярость. Возвращаться и расстанавливать людей поздно. Значит, и на этом, втором, самолете им не суждено улететь… Но почему он прилетел так поздно? Почему не с севера? Скорее всего, ему пришлось сделать солидный крюк из-за новых позиций зенитной артиллерии. Возможно, он летел над долиной Роны, а потом взял курс на Шануан.

На этот раз самолет не стал кружить над полем, как в Виноне. Низко пролетев над ним, он сразу же повернул на север, к Англии. Очевидно, летчик опасался зенитной батареи, которая находилась поблизости, а может быть, экономил горючее, так как маршрут был намного длиннее.

Некоторое время люди стояли молча, как бы пытаясь осмыслить всю тяжесть постигшего их разочарования, а затем уныло побрели прочь. Мишель ругал себя последними словами за то, что не подождал до трех часов. Тогда он еще не подозревал, какую грубую ошибку допустил…

Вдруг тишину ночи прорезал окрик часового. Это произошло так неожиданно, что люди, мысли которых были далеки от действительности, в первый момент даже не поняли, в чем дело. Но в следующее мгновение все, как по команде, бросились бежать. К счастью, солдат тоже растерялся, и люди исчезли прежде, чем он успел принять решение.

Когда добрались до скотоводческой фермы, было около пяти часов. Здесь их накормили, и с рассветом они вернулись в Арль. В Арле решили задержаться еще на сутки, чтобы прослушать очередные передачи. По правде говоря, никто не верил, что самолет прилетит опять, но это была последняя лунная ночь, и Мишель решил все же подождать, просто так, на всякий случай, а

скорее всего — для очистки совести. На следующий день группа разъехалась.

Карте, понимая, что на этот раз его нельзя упрекнуть в оплошности, во всем обвинял Мишеля. Убежденный, что Мишель — профан в подобных делах, он начал разрабатывать свой план. Карте считал, что сможет организовать все сам, если Лондон окажет ему содействие, а также даст радиста. Его соратники тем не менее не сходились с ним во взглядах. Поль и Марсак, которых поддерживало большинство членов организации, считали, что Карте, решив принимать самолет под самым носом врага, неоправданно рискует. Они вспомнили его прежние опрометчивые решения, в том числе случай в Виноне. Их недовольство достигло кульминационного пункта, когда Карте прямо заявил Мишелю, что питает неприязнь к англичанам и собирается работать с американцами. Этот разговор (в присутствии Поля) начался с того, что Карте обвинил Мишеля в последней неудаче. Тот в ответ припомнил ему случай в Виноне, а также решение запретить Арно работать в домах членов организации. Карте разъярился. Вытащив из кармана пачку банкнот на сумму свыше полумиллиона франков, он швырнул ее на стол и закричал:

— Вот ваша мерзкая британская субсидия. Делайте с ней что хотите. С меня довольно!

И здесь Мишель допустил, по его мнению, самую большую ошибку за время всей своей деятельности в движении Сопротивления. Первым его порывом было схватить деньги и заявить Карте, что он давно действует ему на нервы и что в такой помощи никто не нуждается. Это был прекрасный повод порвать с Карте и передать руководство Полю, разумеется, добившись вначале согласия Лондона. Но, к сожалению, он сдержался. Ему вспомнились слова начальника: «Это скорее дипломатический пост… Не допускайте распрей между своими людьми. Согласованность — основа всей работы». Действуя вопреки тому, что ему подсказывали инстинкт и интуиция, он стал уговаривать Карте взять деньги обратно. Тот, без сомнения, только и ждал этого. Сразу же после неприятной стычки Мишель уехал в Канн, а Карте со своим штабом остался в Арле. После отъезда Мишеля Поль, возмущенный поступком Карте, потребовал созыва своеобразного суда чести. Суд во главе с одним французским генералом решил, что поведение Карте несовместимо с пребыванием на таком посту. Но обо всем этом Мишель узнал позже.

Из Канна Мишель с Луизой сразу же выехали в Марсель,

чтобы принять участие в совещании марсельского отделения движения Сопротивления.

При первой же встрече Мишеля с Оливье последний выразил сочувствие по поводу неудачи в Шануане.

— Как! Вы уже слышали об этом? — удивился Мишель.

— Конечно! И не только об этом… Я даже слышал, как вы добывали в Арле торт!

— О господи! — простонал Мишель. — Каким образом?

— Самый верный источник информации сейчас — это кафе на набережной.

— Не испытывайте моего терпения!

— Ну… — начал Оливье, — однажды я зашел к Оскару— он держит небольшое заведение на берегу бухты. Там было всего два посетителя: владелец быстроходного катера, который иногда выполняет кое-какие мои поручения, и с ним еще кто-то. Я стоял спиной к их столику — мы разговаривали с Оскаром у стойки — и случайно подслушал разговор. Рассказывал, владелец катера — «И знаешь, что он сделал потом?» — «Нет, а что?» — «Он пошел обратно в кондитерскую и сказал хозяйке: „Вы представляете, какой промах только что совершили?“» — «В чем дело? — забеспокоилась женщина. — Что я сделала?» — «Помните парочку, которая заходила сюда пять минут назад? Мужчина — брюнет в очках?» — «Да, помню». — «Вы не дали им торта?» — «Не дала». — «Ну, так знайте же, это был глава британской разведки!»

— Боже всемогущий! — воскликнул Мишель. — Не удивительно, что жизнь агента обычно так коротка!

— И здесь всегда так, — сказал Оливье. — Ничего не поделаешь, с этим приходится мириться.

— Трудно. Ведь только и слышишь, что то тут, то там кого-то схватили и еще одна жизнь ушла:

— А я привык. Работаю здесь с лета прошлого года.

— Пожалуй, только вы продержались так долго.

— Да. Лорана схватили пять месяцев назад. Счастье, что ему удалось бежать… Шарль из Лиона давно улетел домой на «лизандере»…

Больше говорить на эту грустную тему не хотелось, и они перешли к делам.

Глава XI
ТУРНЮ

Теперь нужно было ждать очередного периода лунных ночей. Самолет решили принять на маленьком заброшенном аэродроме, который когда-то принадлежал местному аэроклубу в Турню, немного севернее Макона. Не было необходимости осматривать этот аэродром, так как недавно английские летчики сфотографировали его и доложили, что он вполне подходит для самолетов типа «лизандер». Одному молодому французу, по имени Роже (не Роже из Канна), поручили следить за тем, что происходит на аэродроме и в окрестностях. Мишелю и его помощникам оставалось лишь добраться до Турню за день-два до наступления лунных ночей и ждать там сообщения Би-Би-Си. На этот раз, однако, летели только Карте и Мишель: «лизандер» — самолет небольшой и берет всего двух пассажиров.

Неудачные попытки принять самолет сильно раздосадовали Мишеля. Ведь этим успешно занимались на всей территории оккупированной Европы, а у него не получилось. Что если опять неудача? Мишель начал серьезно сомневаться в своих способностях и часто задумывался над тем, не объясняются ли его прежние успехи просто счастливой случайностью.

Телеграммы, которыми он обменялся с Лондоном по поводу Арля, были следующего содержания:

Из Лондона:

ЧТО ПОМЕШАЛО ВАМ В АРЛЕ?

От Мишеля:

САМОЛЕТ ПРИЛЕТЕЛ В 02.50. МЫ УШЛИ В 02.35. ПРОЖДАЛИ ЛИШНИХ 35 МИНУТ. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ НАШЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Из Лондона:

САМОЛЕТ ПРИЛЕТЕЛ В 01.50 ПО ГРИНВИЧУ, И ЛЕТЧИКИ НИКОГО НЕ УВИДЕЛИ. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ ИХ РАЗОЧАРОВАНИЕ.

От Мишеля:

ПРИЗНАЮ ВИНУ, ГЛУБОКИЕ ИЗВИНЕНИЯ.

Мишель, всегда исключительно пунктуальный даже в мелочах, вдруг допустил такую грубую ошибку: совершенно забыл о разнице между среднеевропейским временем и временем по Гринвичу! Его всегда глубоко возмущала небрежность других, теперь же он негодовал на себя. Как он допустил такое! Может быть, он выдохся? Нет! Просто он болтун и тупица, и ему пора

взяться за ум. Тут Мишель вспомнил Аластера Марса и досадный промах, который тот допустил в своем первом боевом дозоре… Да, ему, как и Марсу, нужно добиться успеха, чтобы заставить всех забыть неудачи. Только бы счастье немножечко улыбнулось ему. Конечно, он не совершит такого сенсационного подвига, как Марс, который одним залпом потопил два итальянских крейсера (об этом Мишель узнал незадолго до своего отъезда в Канн), но у него тоже есть шансы, только действовать нужно энергичнее…

Предстояло много работы. Программа саботажа на железных дорогах выполнялась успешно, и в течение января и февраля Арно передал в Лондон координаты сорока пунктов, куда потом сбросили на парашютах взрывчатку.

В январе по решению суда чести Карте был отстранен от обязанностей главы юго-восточной зоны движения Сопротивления. Вместо него назначили двух руководителей — Поля и Марсака.

Для Мишеля не могло быть более приятного решения, чем это, так как с обоими он отлично ладил. Марсак— неутомимый отважный человек, заслуживший в свои 35 лет всеобщее уважение. Поль — ветеран двух войн — обладал трезвым умом и большим опытом. Они всегда советовались друг с другом и с Мишелем. Но радоваться было рано по той простой причине, что Карте отказался подчиниться решению и немедленно объединил всех, кто оставались верны ему.

Когда Улисс — арльский радист — вернулся к своим обязанностям, Карте ухитрился перетянуть его на свою сторону. И так как ему уже были известны условные передачи Би-Би-Си и точки, где сбрасывались грузы, он продолжал посылать туда своих людей подбирать контейнеры. В его организацию по-прежнему вступали патриоты, которые не имели никакого представления о расколе в руководстве, и, таким образом, недостатка в людях он не испытывал.

Конечно, Карте был вправе продолжать деятельность на свой страх и риск. Но он незаконно использовала Улисса и забирал грузы, которые больше для него не предназначались.

Люди Карте, являясь за грузами, на которые они не имели права, обнаруживали там представителей нового руководства. Стремление опередить друг друга перерастало в открытые стычки. В результате обе стороны стали посылать за грузами все больше и больше людей. Если раньше французы не очень-то считались с присутствием немцев, то теперь они вовсе перестали обращать на них внимание. То и дело по ночам завязывались яростные схватки. Вот если бы они обратили на своего общего врага всю ту ненависть, которую питали друг к другу!..

Когда Мишель узнал от обеспокоенного Поля о первой такой стычке, он серьезно задумался. В Лондоне, конечно, ничего не знают об этом, и прежде всего нужно как-то объяснить всем тем, кто примкнули к клике Карте, что они сделали плохой выбор.

Мишель и Поль послали в Лондон совместную радиограмму:

КАРТЕ ОТКАЗАЛСЯ ПРИНЯТЬ ОТСТАВКУ И ПОСЫЛАЕТ СВОИХ ЛЮДЕЙ ЗА НАШИМИ ГРУЗАМИ. ЧТОБЫ ПОКОНЧИТЬ С НЕРАЗБЕРИХОЙ, ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕДАЙТЕ ПО БИ-БИ-СИ ТРИ НОЧИ ПОДРЯД ФРАЗУ: «ЛЮДИ ПРИХОДЯТ И УХОДЯТ, НО ДЕЛО ОСТАЕТСЯ».

Всех членов организации предупредили, чтобы они слушали передачи из Лондона. Если Би-Би-Си передаст указанную фразу, это будет означать, что Поль и Марсак официально признаны руководителями.

Лондон согласился, и фраза была передана. Однако стычки не прекратились. Мишель с нетерпением ждал февраля, когда будут установлены координаты новых пунктов выброски грузов, не известные Карте.

Между тем настало время ехать в Турню. Вместо Карте теперь, конечно, в Лондон с Мишелем летел Поль. Им необходимо было урегулировать все вопросы, связанные со сменой руководства, а также заручиться конкретными указаниями начальства.

В Турню Роже устроил Поля, Луизу и Мишеля в небольшой гостинице при кафе «Тома». Господин Тома, хозяин кафе и член местной организации, встретил их с распростертыми объятиями. Это был человек веселого нрава, выходец из французского рабочего класса, и его короткие остроумные замечания сразу же расположили к нему Мишеля.

Днем Роже достал автофургон, и они отправились осматривать поле. После десятиминутной езды фургон остановился в двух или трех километрах от Кьюзери у небольшой фермы.

— Вот и приехали, — объявил Роже. Шофер открыл капот и сделал вид, что возится с мотором.

Мишель окинул взглядом поле, на которое ни за что бы не обратил внимания, если бы на него не указывала вытянутая рука Роже. Выражение горечи и удивления застыло на его лице. Месяца три назад он содрогнулся бы от ужаса при виде подобного поля, но теперь он почти привык к тому, что у его коллег-французов довольно странное представление о посадочных площадках. По всему полю были насыпаны кучи кирпича высотой около метра каждая. Бесспорно, это дело рук гестапо, и цель тоже совершенно ясна — помешать именно тому, ради чего они сюда

приехали.

Мишель мрачно посмотрел на Роже:

— Что все это значит?

— Понятия не имею, — ответил молодой человек упавшим голосом. — Три дня тому назад, когда я последний раз проезжал по дороге, кирпичей не было.

— Так вы следили за тем, что здесь происходит? — сурово спросил Мишель. — Я ехал сюда шестьсот километров, а вы показываете мне кирпичный завод.

Роже молчал.

— Вы в топографической карте разбираетесь?

— Да, — ответил Роже.

Мишель развернул на полу автофургона карту этого района.

— Покажите, где мы сейчас находимся.

Молодой француз наугад ткнул пальцем в карту и по счастливой случайности ошибся всего километров на пятнадцать.

Мишель покачал головой и произнес довольно снисходительно:

— Смотрите… это просто. Мы находимся здесь, — он показал карандашом. — Там, где протекают глубокие спокойные реки, такие, как Сона, всегда много громадных лугов. На карте их видно по оттенку. Даже не зная местности, можно заранее сказать, что в этом районе имеется, по меньшей мере, четыре огромных поля, и на каждое сядет что-нибудь около трех воздушно-десантных дивизий. До любого из них отсюда не больше шести километров. Нужно съездить туда на велосипедах и посмотреть, что это за поля.

Машина развернулась, и они поехали обратно в город.

Луиза и Поль остались в Турню, Луиза хотела купить кое-что для своих девочек.

Роже раздобыл три мужских велосипеда, и в сопровождении Тома они отправились к первому полю.

Они ехали по шоссе номер 6 в направлении Макона. Через четыре или пять километров свернули влево на узкую дорогу, которая пересекала железнодорожное полотно. Дальше дорога шла по шаткому мосту через Сону.

На другом берегу реки распростерлось великолепное поле километра четыре в длину и не менее двух в ширину. Они пошли по нему пешком, чтобы проверить поверхность. Поле было твердое и гладкое, как спортивная площадка. На нем не оказалось ни канавки, ни ручейка. На дальнем конце виднелся лес, и когда они дошли до него, то обнаружили проселочную дорогу, которая была обозначена на карте.

— Эта дорога ведет в Турню через деревню Прати, — пояснил

Мишель. — Автофургон может подвезти нас сюда по ней и укрыться за деревьями. Отсюда не видно шоссе номер шесть, а это значит, что никто ничего не заметит, если, конечно, не будет специально наблюдать с вертолета. Здесь можно посадить одновременно десять бомбардировщиков.

— Я начинаю понимать, — сказал Роже.

— Беда в том, — продолжал Мишель, — что теперь слишком поздно менять поле. Что ж, пригодится для другого раза. Если сообщение, которое мы ждем — La tour de Pise penche de plus en plus[17],— будет передано сегодня вечером, я не рискну ждать здесь, хотя и надеюсь, что пилот, пролетая мимо, заметит сигнал. Правда, до прежнего поля всего каких-нибудь пять километров… А вдруг не заметит? Я никогда себе не прощу этого. Так что, Роже, нам придется довольствоваться старым клочком, усыпанным кирпичами и расположенным почти у главной дороги номер семьдесят пять. Будем надеяться, что нам повезет и гестапо не помешает…

— А кирпичи?

— Если мы получим сообщение в девятнадцать тридцать, то около двадцати часов мы будем на поле. Нужно прихватить не меньше десяти человек, чтобы расчистить достаточную площадку как можно дальше от дороги.

— Я найду пять человек, — вставил Тома.

— А я остальных, — добавил Роже.

До шести часов они успели осмотреть три других поля, все они оказались одинаково хороши, только немного поменьше первого. Мишель нанес их на карту. Затем вернулись в город. Когда вечером Мишель вошел в кафе, Поль, Марсак и Луиза уже ждали его. С ними были руководители движения из восьми городов, входящих в зону, которых Марсак вызвал сюда, чтобы обсудить ряд вопросов, пока Поль не улетел. Мишель пожал руки руководителям из Тулузы, Ажена, Монтобана, Экса, Макона, Лиона, Сент-Этьенна и Валенсии. Все стояли у стойки и громко разговаривали о своих делах, не обращая ни на кого внимания. Они не умолкли, даже когда вошел полицейский. Тот стал пробираться к стойке, каждый раз вежливо извиняясь, если кого-нибудь задевал. Тома стоял, облокотившись на стойку, и равнодушно взирал на посетителей. Он протянул полицейскому руку, бросил на него едва заметный лукавый взгляд и молча пододвинул ему прямо через винную лужицу пачку анкет. Они были старые друзья: вместе росли, вместе учились, в молодости играли в одной футбольной команде. Они знали все семейные тайны в городе — даже самые интимные — и все происшествия за последние сто лет.

По выражению лица своего друга полицейский понял, что зашел не вовремя, и, отказавшись от предложенной рюмочки, направился к выходу. Зачем вмешиваться в чужие дела? Тома знает, что делает. Он малый умный.

Мишель наблюдал за этой короткой сценой и перехватил их взгляды. Тома, который все замечал, хотя и казался равнодушным, слегка подмигнул Мишелю и спокойно сказал:

— Свой парень.

Счастье, конечно, что полицейский друг Тома. Все же Мишель решил, что, если самолета сегодня не будет, а шумная компания не разъедется, он ни за что не останется здесь.

Луиза, Поль, Роже и Мишель пошли слушать передачу в один частный дом. Хозяин дома уже поставил на стол несколько бутылок вина и поднос, на котором было около двадцати бокалов. Мишель понял, что после передачи компания соберется здесь в полном составе.

Прослушали передачу, но в ней и намека не было на башню в Пизе. Вскоре стали собираться и те, кто слушали приемник в других домах. Они явно намеревались устроить что-то вроде вечеринки. Поль, Луиза и Мишель незаметно ускользнули.

На другой день они слушали передачу Би-Би-Си в этом же доме и снова безрезультатно.

Был уже десятый час, когда Мишель подозвал к себе Роже и сказал, что хочет взглянуть на поле ночью и выяснить, насколько интенсивно движение на шоссе номер 75. Роже охотно согласился, оба извинились и отправились за велосипедами.

Прежде всего они поехали по шоссе, оставляя поле слева. Ночь была холодная, и луна превосходно освещала окрестности. Кирпичные кучи при лунном свете выглядели зловеще.

Огибая дальний край поля, Мишель и Роже вдруг увидели двух велосипедистов, которые ехали без света в противоположном направлении. Когда они проехали, Мишель спросил:

— Что, здесь это обычное явление?

— Нет, конечно, — ответил Роже.

Проехали еще с четверть мили и вернулись обратно. Доехав до опушки леса, где от шоссе отходил узкий проселок к полю, услышали голос: человек громко знал какого-то Альбера. Поехали медленнее. Оклик повторился, теперь уже явно относился к ним:

— Эй, Альбер! Где, черт возьми, ты пропадал?

— Среди нас нет Альбера, — отозвался Мишель, который различил в темноте юношу. — В чем дело?

— О, ничего особенного, — сказал тот. — У меня спустила шина на прицепе. Когда вы подъезжали, я решил, что это мой

друг Альбер. Он знает, как чинить шину… Мы оба только что проехали мимо вас без света, подумали, что вы полицейские. Слава богу, теперь я вижу, что мы ошиблись. Понимаете, картофелем торгуем на черном рынке…

— Ну, извините, помочь не можем. Но если Альбер где-нибудь поблизости, то он слышит наш разговор и не заставит себя долго ждать, — сказал Мишель, и они отправились дальше. Оба были в недоумении, так как нигде не видели прицепа.

Метров через сто они заметили у обочины человека, который делал вид, что чинит велосипед. Мишель на ходу дружески приветствовал его, но человек не ответил. Если это Альбер, то он более осторожен, чем его друг. Трудно было догадаться, зачем они приехали сюда, а торговля на черном рынке, конечно, выдумка.

Мишель поехал вдоль опушки леса в направлении Турню к узкой дороге, которая была обозначена на карте Роже. Он объяснил, что для автомашины так подъезжать к полю безопаснее, чем просто съезжать туда с шоссе там, где они разговаривали с двумя незнакомцами.

Пока они ехали лесом по этой новой дороге, прошло минут десять. Приближаясь к полю, они услышали громкие голоса. Выглянув из-за деревьев, они увидели, что на поле тут и там мелькают карманные фонарики и какие-то люди, громко переговариваясь, перебрасывают кирпичи.

— Что, по-вашему, они делают? Очищают поле или переносят кучи на другое место? — спросил Мишель.

— Не имею ни малейшего представления.

С полчаса они с интересом наблюдали за работой шумной бригады. Внезапно послышался отдаленный гул самолета. В этом не было ничего не обычного: немецкие самолеты часто летали по ночам над оккупированной территорией. Но их удивило, что люди на поле зашумели еще больше, засуетились и погасили фонарики.

Тут Мишелю стало ясно: какая-то другая организация — бог знает какая — принимает здесь самолет! Просто счастье, что вылет их «лизандера» не назначен на сегодняшнюю ночь. Вот была бы потеха! Куда потешнее, чем случай с Яном Быковским, который собирался высадить со своей фелюги агентов в бухте Антиб в ту же ночь и в тот же час, когда Марс входил туда на своей подводной лодке «П-42» с Мишелем и двумя радистами.

Самолет уже гудел где-то совсем близко. Вот он пролетел над их головами. Теперь не оставалось и тени сомнения, что это «Гудзон». В третий раз слышал Мишель этот звук в ночном небе Франции, а различить знакомый силуэт было не труднее, чем

памятник Нельсону.

— Черт возьми, откуда взялись эти артисты? — спросил Мишель.

— Понятия не имею, — ответил Роже.

— Просто невероятно, что в такой дыре, как Турню, могут работать две организации, ничего не зная друг о друге. А не из Кьюзери ли они? Но там населения всего семьсот человек. Ничего не понимаю! Однако нужно посмотреть, как они все это проделают. На что они надеются? Кругом кирпичи, да и само поле едва достигает нужной длины, а за ним сразу же стена высоких деревьев. «Лизандер», может быть, и сядет, но бомбардировщик…

Люди заторопились, кирпичи так и мелькали в воздухе. Мишель до этого сам прикинул, что сможет очистить короткую дорожку для «лизандера» часа за три, но эти оптимисты начали работу полчаса назад и собирались освободить от кирпичей 1600 метров!

Бомбардировщик терпеливо кружил над полем. Летчик понятия не имел о том, что ждет его, но, как и все летчики, собирался ждать, пока хватит бензина.

Так прошло полчаса. Мишель вытащил флягу, и они с Роже сделали по глотку. Оба чувствовали, что им предстоит стать свидетелями зрелища, какое дано видеть немногим. Мишеля заранее бросало в дрожь: самолету грозила почти неминуемая гибель.

Между тем работа кипела. Изредка даже сквозь шум моторов с поля слышалась брань — это неловко брошенный кирпич задевал кого-нибудь из людей.

Но вот кто-то подал команду — вспыхнули сигнальные фонарики. «Гудзон» стал снижаться и пошел на посадку. Рассекая воздух, он с глухим свистом пронесся совсем близко от Мишеля и Роже. Теперь пилот мог видеть кирпичные кучи, а каков грунт, он узнает через несколько секунд.

Когда колеса самолета коснулись земли метрах в двухстах от Мишеля и Роже, послышался сильный всплеск. Летчик с трудом вывел машину из грязи, каким-то чудом удерживая ее в равновесии. Вырулив к концу полосы, он развернулся против ветра для взлета. Но едва заглохли моторы и самолет замер на месте, колеса стали медленно погружаться в болото.

Открылась дверь, и из самолета вышли десять человек. Тотчас же вместо них туда забрались другие десять, и дверь снова захлопнулась. Все это заняло менее двух минут.

Летчик дал полный газ и отпустил тормоза, но самолет остался на месте: он завяз в грязи. Еще одна попытка— и снова

безрезультатно. Тогда дверь самолета открылась, пассажиры спустились на землю и вместе с вновь прибывшими встали по обе стороны колес и крыльев. Когда летчик давал полные обороты, они энергично толкали. Но все усилия были напрасны. Пилот заглушил моторы. Наступила мертвая тишина.

Дверца кабины распахнулась, и показался летчик.

Отчетливо выговаривая каждое слово, он с сильным английским акцентом громко произнес:

— Кто начальник вашей группы?

Мишеля так и подмывало выскочить из укрытия и пожать руку этому замечательному соотечественнику. Ему хотелось хоть чем-нибудь помочь экипажу, который стал жертвой чужой беспечности. Но он хорошо понимал, что, заметив незнакомца, эти люди немедленно пустят в ход пистолеты, и остался на месте.

К кабине подскочил молодой француз и бойко отрекомендовался:

— Старший здесь я.

— Ну, вам гордиться нечем. Вы посадили меня на задворки кирпичного завода и вдобавок в болото.

Мы знаем, сударь, что английские летчики садятся где угодно, — ответил тот. И в этой чисто галльской лести была доля правды.

— Сесть — да, — сказал пилот, — но будь я проклят, если знаю, как мы взлетим. Да и поле отвратительное. Посмотрите на те деревья. Они самое большее в полутора километрах. С таким грузом я их обязательно задену. Очистите со своими парнями еще одну полоску по диагонали, тогда, может быть, с божьей помощью мне удастся взлететь.

Все, в том числе и экипаж, дружно взялись за работу. Целый час только и слышно было, как хлюпала грязь, когда в нее падали кирпичи. Мишель с тревогой следил за дорогой, на которой в любой момент могли появиться полицейские машины или грузовики с немецкой охраной. Если это случится, он твердо решил выйти из укрытия и предложить летчикам следовать за ним, ведь они были теперь совершенно беспомощны. Французы откроют огонь и задержат полицию, а он тем временем успеет спрятать летчиков в лесу. Мишель принялся обдумывать, как потом вывести их из леса, который наверняка сразу же начнут прочесывать.

Но вот летчики направились к самолету. Вскоре за ними последовали все остальные, включая тех, кто должны были обозначить взлетную полосу. Тридцать с лишним человек с обеих сторон облепили машину и приготовились толкать ее. Кажется, второй пилот и штурман присоединились к ним: в кабину вошел

только один человек.

Заработал мотор, затем второй, но вдруг летчик снова заглушил их и, высунувшись из кабины, показал на дорогу. По дороге шел парень, он вел пару лошадей. Кто-то быстро побежал за ним и, догнав, повел через поле к самолету. Лошадей впрягли цугом и цепью прикрепили упряжь к стойке колеса. Парень поднял кнут.

Снова взревели моторы, люди напрягли все силы. Лошади, напуганные ревом моторов, и без кнута рванули что есть мочи. Огромная машина медленно поползла вперед.

Наконец удалось вытянуть самолет на сухое место. Бедных животных распрягли, парень махнул летчику рукой. Летчик вырулил в дальний угол поля и развернул самолет для взлета. Люди с фонариками встали по местам, а отлетающие поднялись в самолет.

Дан полный газ. Машина, удерживаемая тормозами, задрожала от напряжения, готовясь сделать решающее усилие. Мишель знал, что пассажиры сейчас сгрудились впереди, чтобы перенести центр тяжести ближе к носу. Они с тревогой ждут, что с ними будет дальше. Для пилота это самый ответственный момент. Стиснув зубы, он последний раз окидывает взором грозные препятствия. Нужно поднять самолет, поднять во что бы то ни стало, поднять любой ценой…

Тормоза отпущены — машина устремляется вперед. Оттуда, где стояли Мишель и Роже, казалось, что она несется прямо на кирпичные кучи. Оба затаили дыхание. Но нет, там был проход, и летчик благополучно миновал препятствие. Вот самолет уже пробежал половину полосы. Пора отрываться, до деревьев — рукой подать! Почему он медлит? Ведь это — верная гибель! Слава богу, оторвался… Но успеет ли набрать высоту? Мишель посмотрел на деревья, к которым быстро приближался самолет. Только бы успел! Нет, поздно. Правое крыло задело за верхушки деревьев, и послышался треск ломающихся ветвей: его не заглушил даже рев моторов. У Мишеля сжалось сердце… Но что это? Моторы гудят ровно, гул отдаляется… Значит, все в порядке! Мишель облегченно вздохнул и дрожащей рукой нащупал в кармане флягу. Вытащив, он поднял ее вверх. Это был тост в честь неизвестного пилота.

— К «Кресту Виктории»! — восторженно воскликнул Мишель. — За успешное выполнение невыполнимого!

Утром Мишель, пригласив с собой Поля, направился к месту бурных ночных событий. Ему не терпелось осмотреть местность днем.

Там, где завяз самолет, в грязи остались следы от колес

глубиной в полметра. Вокруг все было изрыто, словно гусеницами танков. Мишель погладил рукой отпечатки шин, и им овладела тоска по родине. Прошло пять месяцев с тех пор, как он покинул Англию.

Поль бродил по полю и откровенно изумлялся:

— Меня поражает, как они выбрались отсюда?

Когда подошли к деревьям, верхушки которых срезало самолетом, обнаружили обломок крыла длиной в три четверти метра.

— Мой бог! — пробормотал Поль.

— Да, — согласился Мишель, — просто чудо!

Обратно шли через поле. Там увидели двух мужчин.

Поль, все еще в состоянии восторга, не мог удержаться и сказал, когда они поравнялись с одним из них:

— Только взгляните на эти следы. Английским летчикам— все нипочем!

— Полностью согласен с вами, — ответил незнакомец многозначительным шепотом, — но не говорите этого так громко. Человек сзади меня — глава гестапо из Лиона!

Глава XII
БАЗИЙАК

Мишель и Луиза вернулись в Канн. Из радиограммы, присланной Лондоном, стало ясно, что в Турню самолет посылали за агентами де Голля, а почему было использовано поле, которое выбрали для «лизандера», так и осталось загадкой. Работники штаба де Голля на Дюк-стрит («друзья через дорогу», как называли их англичане), очевидно, не поддерживали тесного контакта с личным составом отдела специальных операций, хотя тех и других обслуживали английские BBC.

Теперь Мишелю нужно было ехать встречать самолет— уже в пятый раз — на аэродром в Базийак, в десяти километрах от Периге. Самолет прилетал через несколько дней.

До Периге свыше 800 километров. Добраться туда можно только поездом с двумя пересадками — в Марселе и Тулузе. В Периге надо было искать какой-то транспорт, чтобы попасть на аэродром.

Мишель и Луиза в день отъезда были настолько заняты, что едва успели собраться в дорогу. Снова договорились с Арно об условном телефонном разговоре: Арно сообщит в Лондон, свободно поле или нет.

В Марселе их встретил Марсак. Он передал Луизе портативный приемник, чтобы слушать передачи Би-Би-Си. (Периге находился за пределами их зоны, и достать приемник на месте было не у кого.) В назначенный день Лондон передаст фразу: «Les femmes sont parfois volages»[18].

Поль и Жак Латур приезжали в Периге днем позже Луизы и Мишеля, их задержали какие-то срочные дела в Лионе. Встретиться договорились в кафе на главной площади города. Время встречи точно не назначили. Поль и Жак не знали, когда освободятся и каким поездом приедут, а Мишель и Луиза не могли заранее сказать, в котором часу вернутся с аэродрома.

Прямо с вокзала Мишель и Луиза, которые порядком измучились в дороге, направились со своими чемоданами в самый большой отель «Домино». Они не имели ни малейшего представления, есть ли там — или в любом другом отеле — свободные номера. Как и Арль, этот городок с населением в 37 тысяч человек кишел немцами. К счастью, оказались два свободных номера, правда в мансарде. Перед ними извинились, что не могут предложить ничего лучшего, а они были рады и этому. Мишель объяснил хозяину отеля, что им надо дождаться

друзей, которые пригласили их к себе, но временно находятся в отъезде.

Приведя себя в порядок после дороги, Луиза и Мишель спустились в ресторан. Здесь их поразило обилие изысканных блюд, таких, каких они не встречали во время войны ни в одном другом городе Франции.

После роскошного завтрака наняли два велотакси и отправились в деревню Базийак. Еще не доехав до деревни, увидели слева аэродром с ангаром и несколькими постройками у вышки. Дорога на территорию аэродрома была в довольно хорошем состоянии, а это свидетельствовало о том, что здесь есть обслуживающий персонал или что он уехал отсюда совсем недавно. Последнее предположение тотчас же отпало: из постройки вышли два человека, одежда которых напоминала синюю форму французских ВВС. Значит, люди здесь все-таки есть — пусть даже небольшая аэродромная команда.

«Проклятие! — выругался про себя Мишель. — Интересно, сколько их там и кто они такие?.. Скверно работать, когда никого не знаешь среди местного населения…»

Расплатившись за велотакси, Мишель взял Луизу под руку, и они не спеша зашагали по проселочной дороге, которая огибала аэродром.

Аэродром оказался маленьким, вероятно не больше километра в длину и метров четыреста в ширину. Но этого было вполне достаточно. В ожидании самолета можно будет укрыться от постороннего взгляда за высокой насыпью, до нее от построек менее пятисот метров.

Похоже, аэродром не использовался, и, не будь здесь этих людей, место можно было бы считать идеальным. Правда, и теперь Мишель не терял надежды, что самолет вылетит только завтра, в субботу, а сюда прилетит поздно ночью, когда люди заснут после доброй порции вина. Но можно ли идти на такой риск?

Конечно, все произойдет очень быстро: самолет сядет и почти сразу же взлетит. Но что ожидает тех, кто останутся на земле? А ведь на самолете прилетит пассажир, а то и два. Если бы Луиза и Жак остались одни, им, вероятно, удалось бы скрыться быстро. Но те двое, ведь они будут с багажом?

Изучая аэродром, Мишель мучительно искал ответа на вопрос: рисковать или нет? Осторожность и благоразумие подсказывали «нет». Но, с другой стороны, с этим делом пора кончать. Если он не решится, придется возвращаться в Канн, а это еще 800 километров. В Турню и обратно тоже зря проделали 1300 километров… Так, пожалуй, и война кончится, пока он гоняется

по Франции за неуловимыми «лизандерами»! Если бы не запутанное дело Карте, он, наверное, вообще отказался бы от этой затеи.

Мишель поделился своими сомнениями с Луизой, но она, по-видимому, не понимала всей важности присутствия людей на поле. Во всяком случае, если даже и понимала, что опасность преследования грозит именно ей, то смотрела на это глазами оптимиста. Так или иначе, соображения личной безопасности не влияли на ее точку зрения, и Мишелю предстояло решать самому.

В Периге возвращались пешком. Мишель все еще раздумывал, какое принять решение, и вдруг поймал себя на том, что беспокоится за Луизу как-то совсем по-иному, чем за других своих коллег, будь то мужчины или женщины. Он почувствовал, что не может оставаться беспристрастным. Может быть, именно это положило конец колебаниям, и он решил вызвать самолет.

В Периге Луиза сразу же отправилась звонить Арно, а после они пошли искать Поля и Жака Латура.

Обошли все кафе на главной площади — и напрасно. Лишь когда раздосадованные вернулись в отель, там неожиданно столкнулись с Жаком, он как раз спускался по лестнице. Жак отвел их к Полю, и состоялся «военный совет».

Жак тоже уже успел осмотреть аэродром. У самой вышки он встретил человека и завязал с ним разговор. Однако ничего определенного не выяснил. Мишель заметил, что это было ошибкой и если разговор показался подозрительным, люди на аэродроме будут теперь начеку.

Но тем не менее Мишель не был склонен придавать большое значение возможным последствиям опрометчивого поступка Жака. Очевидно, сказывалось присутствие Поля: его спокойствие было поистине заразительным.

Луиза приготовила на дорогу продукты (самолет мог прилететь сегодня) и упаковала их в рюкзак Мишеля, где лежали донесения в Лондон.

Договорились, что Мишель пойдет к себе слушать передачи, а остальные будут ждать его к ужину в отеле «Фенелон», где остановился Поль. Если услышит условленное сообщение, незамедлительно же прибежит и скажет, а если нет, то по окончании передач придет ужинать.

Вернувшись в отель, Мишель сразу же поднялся в комнату, включил приемник и поймал Лондон. Была отвратительная слышимость, и Мишель ничего не мог разобрать. Между тем до конца передач оставались считанные минуты. Вдруг он вспомнил еще одну волну в другом диапазоне. Переключив приемник, он быстро настроился на нее. И как раз вовремя. Первые слова,

которые он услышал, были: «Повторяю: les femmes sont parfois volages».

— Вот здорово! Какая удача! — произнес он, задыхаясь от волнения, и выключил приемник.

Через несколько секунд он спускался по лестнице с рюкзаком на плече и радиоприемником под мышкой, упакованным в картонную коробку.

Попросив у портье счет, Мишель объяснил, что его друзья приехали и что он хотел бы расплатиться за обе комнаты, включая стоимость за ночь, хотя они и не будут ночевать. А за чемоданом, добавил он, сейчас кто-нибудь придет.

Через несколько минут он сидел со своими коллегами в ресторане отеля «Фенелон». Со спокойствием, на какое он только был тогда способен, Мишель сообщил им, что ужин не состоится.

Жак зашел за чемоданом Луизы, Поль расплатился за номер, и в восемь часов вся группа шагала в Базийак по залитой лунным светом дороге.

К без четверти десять, завершив десятикилометровый переход, они дошли до поворота на аэродром. Был густой туман. С того места, где они стояли, было трудно определить, высоко ли поднимается туман над землей.

Спустились на проселок, огибающий поле, и двинулись дальше, держась придорожных деревьев. Наконец дошли до насыпи и укрылись за ней. Теперь их не было видно ни со стороны вышки, ни с дороги.

Мишель внимательно оглядел аэродром. Туман стелился плотным слоем толщиной более метра. Если он не рассеется, летчику будет довольно трудно посадить самолет.

Мишель указал своим спутникам места и объяснил, что делать.

Затем, оставив на земле белые носовые платки, по которым каждый мог потом легко найти свое место, все снова собрались за насыпью и решили закусить. Было половина одиннадцатого.

Туман понемногу рассеивался. Вокруг царила мертвая тишина. Ни на вышке, ни в постройках света не было. Возможно, люди спали или они вообще отсутствовали. Они могли уйти в кино в Периге.

Все с аппетитом ели бутерброды, как будто собрались сюда на ночной пикник. Мишель отдал Луизе свою продовольственную карточку, чтобы она пользовалась ею в его отсутствие. Стрелки часов медленно подползали к одиннадцати.

— Как бы мне хотелось, чтобы они не прилетели до полуночи, — сказал Мишель. Едва он произнес эти слова, как послышался отдаленный гул одномоторного самолета. Все

вскочили.

— Легок на помине! — воскликнул Мишель.

Луиза поспешно завернула остатки еды и, сунув сверток обратно в рюкзак, затянула лямку. Все разбежались по своим местам. Поль и Мишель встали рядом.

«Лизандер» шел прямо на них на высоте 200–250 метров. Мишель посигналил фонариком, но самолет пронесся мимо, не дав ответного сигнала.

Мишель подбежал к Луизе:

— Не пойму, в чем дело. Они явно заметили сигнал и вскоре вернутся. Снимите свой макинтош. Он белый, и его видно издалека. Лучше сядьте на него. Вдруг кто-нибудь…

— Хорошо, Мишель, — ответила она, снимая макинтош.

Мишель бросился к Жаку:

— Наблюдайте за постройками, Жак! Скорее всего люди появятся оттуда… В случае чего я дам отмашку фонариком. Тогда бегите с Луизой через мост и по той дороге в город.

— Хорошо!

Мишель вернулся на свое место к Полю.

— Странно, не правда ли? — спросил он.

— Признаться, я тоже ничего не понимаю. Он, вроде, и не собирался садиться здесь. Пролетел прямо на юг…

— Тише! — прошептал вдруг Мишель и схватил Поля за рукав. — Кто-то идет… Ложись!

От вышки прямо на них, спокойно переговариваясь, шли два человека. Они приближались все ближе и ближе. Казалось, теперь эти люди могут слышать биение сердец притаившихся смельчаков. Незнакомцы прошли от них в каких-нибудь десяти метрах, и Мишель молил бога, чтобы «лизандер» не выбрал для возвращения именно этот момент. Напряженно всматриваясь в ту сторону, откуда вот-вот донесется рокот самолета, Мишель прослушал, о чем разговаривали проходившие. «И какого черта самолет прилетел так рано? — думал он. — Сейчас только двадцать три десять, а ведь в Шануан самолет прилетел почти на четыре часа позже…»

Наконец два человека вышли на дорогу и скрылись из виду. Мишель подошел к Луизе.

— Я думала, они идут прямо на вас, — взволнованно прошептала Луиза. — Не могу понять, как они не заметили вас?

— Сейчас будет самолет, — прервал ее Мишель. — Если из построек выбегут люди, я помашу фонариком. К вам подбежит Жак, и вы с ним удирайте через мост. Нас с Полем не ждите. Лучше разделиться на две группы.

— Хорошо, Мишель. Но в постройках нет света.

— Надеюсь, и людей там нет.

— Слушайте! — воскликнула Луиза. — Самолет! Слышу… Идет сюда…

Мишель нежно похлопал ее по плечу, улыбнулся и побежал обратно к Полю.

С фонариками наготове, Мишель и Поль напряженно всматривались в горизонт.

Самолет был уже совсем близко. Сейчас он снова пронесется над полем. Мишель нащупал большим пальцем кнопку фонарика, собираясь дать сигнал. И вдруг в трехстах метрах от них вспыхнул и замигал в направлении вышки сигнальный прожектор. Там явно ждали этого сигнала: тотчас же повсюду в постройках вспыхнул свет. Кто-то громко закричал:

— Выключить свет, глупцы! Пусть сядет, и мы схватим всех сразу!

Все стало ясно, Мишель помахал фонариком из стороны в сторону — это был сигнал к бегству. Жак и Луиза не нуждались в повторном сигнале и через несколько секунд скрылись в придорожных деревьях. Поль с Мишелем побежали в противоположном направлении.

Пробежали километров пять и только тогда перешли на шаг, держась ближе к придорожному кустарнику.

Оба тяжело дышали и обливались потом: готовясь к полету, они оделись во все теплое.

— Интересно, как дела у Луизы с Жаком? — спросил Мишель.

— У них все будет в порядке, — успокоил Поль. — Жак парень ловкий, выкрутится из любого положения…

Дальше шли молча, оба думали об одном и том же. Когда достигли последнего поворота перед Периге, Мишель предложил сделать привал.

— Не следует показываться сейчас в городе, Поль, — сказал он. — Там полно немцев, и если им уже сообщили о самолете, они разошлют патрули по всем улицам. Лучше поспать здесь и вернуться в город с рассветом.

— Согласен.

Они забрались в густые заросли кустарника в стороне от дороги. Сели на землю и открыли рюкзак. В нем было еще много еды, но есть не хотелось. Мишель достал бутылку коньяку.

— Единственный способ заснуть в такую холодную ночь — это как следует выпить, — посоветовал он, передавая бутылку Полю.

Поль сделал несколько маленьких глотков и вернул бутылку.

— Так не годится! — пожурил его Мишель. — Надо, чтобы

внутри все горело. Пейте больше — вот так!

И довольно ловко продемонстрировав, как это делается, он снова протянул бутылку Полю.

Поль улыбнулся и сделал еще один глоток. Они улеглись рядом, чтобы было теплее. Было десять градусов ниже нуля по Цельсию, но Мишель после пережитого нервного напряжения уснул почти мгновенно.

Он проснулся примерно через четыре часа. Рассветало. Земля покрылась инеем. Поль, заложив руки за спину, медленно вышагивал по небольшой полянке. Увидев, что Мишель не спит, Поль подошел к нему и сказал, что проснулся часа два назад, так как совсем закоченел.

— Мало выпили, дорогой, — посочувствовал Мишель.

В половине восьмого они вернулись в город. Долго ходили из кафе в кафе в поисках своих друзей. Они выпили уже несколько чашек отвратительного искусственного кофе, чтобы согреться, В десятом часу после безрезультатных поисков, мрачные и усталые, они вернулись на главную площадь и уселись за столик на застекленной веранде отеля «Домино», откуда могли наблюдать за площадью. И вот, наконец, появились их коллеги.

Луиза весело шагала рядом с Жаком. Выглядела она, как всегда, свежей и бодрой. Мишель и Поль, сразу повеселев, помахали им через стекло, и вскоре все четверо сидели за столиком, наслаждаясь теплом и уютом.

Обстановка требовала, чтобы они немедленно уехали из этого города, но по воскресеньям экспресс отходил только под вечер.

В большинстве небольших городов Франции в военное время рестораны работали поочередно по определенным дням, как аптеки. Это означало, что те, кто не столовались дома, непременно встречались друг с другом в ресторанах.

Поэтому в ресторане «Монтэнь», где друзья обедали в это воскресенье, обслуживали сразу представителей двух воюющих сторон: за соседним столиком сидели четверо гестаповцев, один из них — в форме.

Позже Поль, который когда-то жил в Эльзасе и знал немецкий, рассказал, о чем разговаривали гестаповцы. Оказывается, вся территория в радиусе пяти километров от аэродрома, была оцеплена, и немцы надеялись, что еще до сумерек найдут террористов живыми или замерзшими.

Глава XIII
БЕГСТВО

Тулузский экспресс уже отошел от Периге, а Луиза и Мишель все никак не могли успокоиться — столько им пришлось перенервничать на обледеневшей платформе вокзала. Там было полно немцев и упитанных субъектов в штатском, которые совсем не походили на французов. Сказались и переживания минувшей ночи. Правда, они счастливо отделались, но ведь везение не может продолжаться бесконечно.

Днем до отъезда Луиза успела рассказать, как они с Жаком бежали с аэродрома. Оказывается, за ними гнались и у преследователей была немецкая овчарка.

Луиза машинально побежала к реке, вместо того чтобы бежать через мост, Жак бросился за ней.

Брести восемь километров вдоль берега по воде — дело не из приятных, но зато удалось сбить собаку со следа.

Они решили идти прямо в город: насквозь промокшие, они неминуемо замерзли бы, если бы уснули на морозе. В город пришли в половине второго ночи. Жак разбудил хозяина кафе. Луиза постирала свою промокшую одежду и, повесив ее сушить, крепко уснула на кровати. Жак прилег на диване.

— Просто счастье, что вас не схватили, когда вы входили в город во время комендантского часа! — заметил Мишель.

— Мы подготовили отговорку, но нас не окликнули.

В Тулузе Мишель и Луиза обо всем рассказали Эжену. В то время Эжен чувствовал себя довольно уверенно и с радостью устроил их в одном из надежных домов.

Мишель понимал, что положение в Канне не могло улучшиться за время его отсутствия, скорее, наоборот. Поэтому они с Луизой решили подождать здесь возвращения Жизель из ее бесконечных поездок. Это было разумное решение, хотя, конечно, Тулуза не была раем для агентов. За день до их приезда гестаповцы задержали буквально всех пассажиров, прибывших с марсельским поездом, рассовали их по автомашинам и отправили в штаб для проверки. Каждый должен был доказать, что он — это он, и объяснить причину поездки. Показания потом тщательно проверялись, и многие не вернулись из штаба. Если несчастные уцелеют, то их отправят в Германию на принудительные работы. В 1943 году один агент штаба специальных операций закончил свою подпольную деятельность именно так.

Приехала Жизель. Новости она привезла безотрадные.

Полковник Вотрэн, узнав, что ему грозит арест, ускользнул через испанскую границу. Его помощник по службе во втором отделе тоже бежал, причем с комфортом— на машине, уплатив за это, по слухам, миллион франков. Прошли времена, когда проводнику за переход границы платили двенадцать тысяч. Теперь франко-испанская граница охранялась немецкими войсками, и мало кто брался за это.

Полиция совершила налет на квартиру Мишеля. Осталась только квартира Кэтрин. Арно все еще работал, но настоятельно рекомендовал изменить обстановку, с чем Мишель был склонен согласиться.

В Антибе схватили инструктора по диверсионной подготовке, остальные вовремя скрылись. Жерве работал в Марселе.

Антоний упрямо не желал расставаться со своей виллой. К нему опять наведывались полицейские, они справлялись о Мишеле. Теперь уже не приходилось рассчитывать на помощь Вотрэна. В общем, Жизель образно сравнила положение Мишеля с положением человека, который сидит на бочке с порохом и гадает, когда догорит фитиль.

Сюзанн как ни в чем не бывало, с помощью разных ухищрений косметики продолжала приводить в божеский вид лица своих престарелых клиенток.

Одним словом, возвращаться в Канн было опасно. Но там еще нужно было уладить кое-какие дела: расплатиться с людьми и вывезти одежду до окончательного провала. Предстояло решить, где обосновать новый штаб.

Поль и Жак с несколькими друзьями остались в Периге, чтобы завязать определенные связи, ради которых, по их мнению, стоило рисковать. Они прибыли в Тулузу лишь через два дня после Мишеля.

Не успели они приехать, как штаб местной организации подвергся налету. Большинству удалось скрыться, но двоих все же схватили.

Поль очень расстроился — для него это был первый провал. Мишель уже давно опасался подобного исхода — еще тогда, когда впервые увидел, какие сборища устраивают французы без всяких мер предосторожности. Вскоре поступили сведения об арестах в Марселе, а затем в Монтобане.

Стало ясно, что полного провала не миновать. Чтобы сохранить организацию, Поль и Марсак решили перебраться дальше на север, в Верхнюю Савойю. Выбор пал на тихую деревушку Сен-Жорио в девяти километрах от Аннеси и всего в сорока трех от Женевы.

— Мы с Луизой и Арно присоединимся к вам при условии,

что Арно найдут жилье и квартиры для работы на рации на расстоянии не ближе десяти километров от ваших, — сказал Мишель, — и что Луиза и я будем жить по меньшей мере в пяти километрах от вашего штаба. Нельзя больше селиться, как в муравейнике, а то в один прекрасный день нас окружат и схватят всех вместе.

— Согласен, — сказал Марсак. — У нас есть там свои люди. Превосходная группа патриотов в Фаверже. Это шестнадцать километров от Сен-Жорио, и Арно может поселиться там. Что касается вас и Луизы, то в вашем распоряжении будет гостиница «Отель де ля Пост». Мы снимем дом поблизости.

— Прекрасно. Но прежде чем мы покончим с этим вопросом, я должен потребовать, чтобы никто ни в коем случае не навещал нас в гостинице. Встречаться будем где-нибудь в другом месте.

— Вы совершенно правы! — воскликнул Поль.

Теперь нужно было организовать переселение Арно и его аппаратуры из Канна на новое место. Там он сможет отдохнуть, а затем приняться за дело, используя для передач обещанные квартиры в Фаверже. Эти квартиры Мишель решил проверить лично. До приезда Арно надо было предусмотреть все до мельчайших деталей. Никаких случайностей.

Сопровождать Арно с его компрометирующим грузом поручили Рикэ, он охотно согласился выполнить это поручение.

Через двое суток оба были в Тулузе. Затем Арно предстояло отправиться в Монреже, чтобы, воспользовавшись гостеприимством известного пивовара и его очаровательной жены, укрыться на некоторое время в их доме. До отхода поезда оставалось два часа. Мишель, Луиза, Эжен и Арно обменялись новостями.

— Куда мы теперь поедем? — спросил Арно.

— В горы Савойи.

— Черт возьми! От Приморских Альп к Альпам Савойи! Опять проклятые горы!

— На этот раз вы будете работать на самом верху. Там не будет машин с радиопеленгаторами.

— Но мне не пробиться через гранитные громады!

— Пробьетесь, Арно! — успокоил его Мишель. — Я найду место, открытое с севера. Кроме того, расстояние до Лондона сократится километров на пятьсот.

— Хорошо бы… — промычал Арно.

— Вы не начнете работать, пока не найдете идеального места.

Все улыбнулись, Арно подозрительно посмотрел на Мишеля.

Покончив с этим, Мишель и Луиза простились с Эженом. Больше им не суждено было увидеться.

Лишь несколько лет спустя Мишель узнал, что Эжен (капитан Морис Перчук) стал жертвой предательства своего помощника-француза. Он попал в лагерь смерти «Бухенвальд», где его казнили 29 марта 1945 года.

Мишель и Луиза отправились в Канн. Но Мишель в Канне с поезда не сошел, а проехал дальше в Антиб и лишь оттуда на автобусе поехал в Канн. Остановился он у друзей на ферме Ла Бокка. Луиза остановилась у Кэтрин. Она вела дела Мишеля, и ей приходилось ездить на ферму два раза в день. Она оставалась по-прежнему неутомимой оптимисткой. Нельзя было подумать, что эта элегантная женщина разъезжает на велосипеде по явочным квартирам, связывая оборванные нити большой организации, штаб которой перемещается в другое место.

Покончив с делами, Мишель и Луиза с чувством облегчения покинули Канн. Был уже февраль. Поезд, громыхая, тащился по помрачневшему от дождей Лазурному Берегу, где Мишель пропел почти шесть месяцев.

Сколько радужных планов зарождалось в его голове, когда он ехал сюда по этому же побережью, тогда освещенному яркими лучами летнего солнца! А теперь — лишь мрачные предчувствия. Если бы не присутствие Луизы, поездка была бы мучением. Как мало сделано за шесть месяцев, а сколько пережито! Можно ли дальше рассчитывать на удачу? Что ему удалось? Он получил Арно, получил Луизу. Бесспорно, в этом ему повезло. С ними он готов на любые трудности. Вот, пожалуй, и все.

Луиза сидела рядом. Он смотрел на ее спокойное решительное лицо, и мрачные мысли постепенно рассеивались.

Когда поезд, подходя к Марселю, замедлил ход, Мишель проснулся и увидел, что его голова покоится на ее плече.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава I
ВЕРХНЯЯ САВОЙЯ

На вокзале в Аннеси их встретила жена Марсака. Они сели в автобус и поехали в Сен-Жорио.

Гостиница «Отель де ля Пост» стояла на перекрестке дорог в центре маленькой деревушки с населением в сотню человек. Это потемневшее от времени деревянное строение дачного типа было совершенно непохоже на городские отели, где их всегда подстерегало столько опасностей. Царившее вокруг спокойствие вселило в Мишеля новые надежды. Полной грудью вдыхал он прохладный утренний воздух, чувствуя в себе прилив сил и бодрости.

На автобусной остановке Мишеля и Луизу ждал Марсак. Он повел их в гостиницу. Там они выпили по чашке превосходного кофе — такого Мишелю еще не доводилось пробовать во Франции. Марсак вручил Мишелю новое удостоверение личности.

— Мы решили, что вам лучше начать жизнь здесь под другой фамилией, поскольку Пьер Шовэ довольно долго фигурировал в полицейских картотеках.

Мишель открыл удостоверение и увидел под фотографией, которую он дал Марсаку еще в Тулузе, имя зятя Лаваля — Пьер Шамбрен. Он рассмеялся:

— Ну, если это и помирит меня с немцами, то я, вероятно, буду убит рукой патриота как коллаборационист!

Всем стало смешно: выбор имени не мог быть более парадоксальным.

Затем, Марсак провел их в контору гостиницы, сразу же за баром, и представил хозяину Жану Коттэ.

— Господин Шамбрен, — начал он, — английский офицер. Вряд ли вам это пришло бы в голову.

Мишеля ошеломила такая откровенность, а также и ответ хозяина:

— Откуда вы знаете, что не рискуете, приведя его в мой дом?

— О, у нас есть много способов проверки лояльности людей, и нам известно, что ваши убеждения совпадают с нашими.

Мишель поздоровался с Жаном Коттэ. Это был человек могучего сложения, сравнительно молодой для владельца гостиницы — Мишель давал ему 28–29 лет. Через очки в роговой оправе Коттэ в упор посмотрел на Мишеля своими карими глазами, загадочными и непроницаемыми. Тот и не подозревал, что Жан Коттэ давно жаждал внести свой вклад в дело борьбы за

свободу родины. Наконец судьба даровала ему эту возможность. Ни Жан, ни Луиза, ни Мишель не знали тогда, что станут друзьями на всю жизнь.

Вскоре в контору вошла красивая женщина лет 25, жена Жана. Жан представил ее гостям. Звали ее Симона.

Распрощавшись с хозяином, вернулись в бар. Там уже сидели Жак Ланглуа и Жак Латур, которые выглядели довольно неуклюже в своих канадках с меховыми воротниками.

— Мы обыскали все вокруг в поисках подходящего дома, — заговорил Марсак, — и нас устраивает только вон тот. — Он показал рукой через окно на прямоугольное, похожее на коробку строение, стоящее обособленно всего метрах в трехстах от гостиницы.

— Вижу, — сказал Мишель.

— Поль устроился со своей женой в небольшом домике за озером и два раза в день приплывает к нам на лодке.

— Кто еще с вами? — спросил Мишель.

— Моя жена, секретарша Сюзанн, мой заместитель Роже Барде, полковник Ламбер и мадам Лелонг, которая нам готовит. Кроме того, сюда периодически наведываются человек шесть связников. Сейчас здесь Ланглуа, Латур, Луи-бельгиец и Рикэ. Жерве остановился отдельно в маленькой деревушке в трех километрах отсюда.

«Молодец Жерве, — подумал Мишель, — по крайней мере, у него есть шансы спастись, так же как и у Арно, если нас с Луизой схватят».

— Как вы думаете, Рикэ сможет достать два велосипеда— наши идут багажом из Канна — и показать мне сегодня днем Фаверж? — спросил он Марсака.

— Конечно.

— Спасибо, — сказал Мишель, — я зайду за Рикэ без четверти два.

У Луизы было медицинское свидетельство, в котором говорилось, что по состоянию здоровья ей необходимо жить на высоте 400 метров над уровнем моря (Сен-Жорио расположена примерно на высоте 500 метров). Жана и Симону Коттэ очень обрадовала подобная предусмотрительность, потому что другие постояльцы, которых было человек 25–30, неизбежно заинтересуются новой парой. Что же касается родственных отношений, то для французов это далеко не столь важно, как для англичан.

В назначенное время Мишель зашел за Рикэ, и они поехали на велосипедах в Фаверж— небольшую деревню, приютившуюся у подножия высоких, поросших лесом гор. Здесь они направились

прямо к владельцу лесопилки господину Фавру. Их встретил невысокий спокойный человек в очках. Прежде чем они вошли в дом, Фавр показал на дерево, заметив при этом, что оно может подойти для антенны. Мишель взглянул на дом, потом на дерево и с удовлетворением отметил, что с северной стороны от них простирается долина.

Фавр охотно согласился, чтобы у него не только жили, но и работали на рации. Добродушная миловидная жена Фавра показала комнату, которую они с мужем отвели для Арно. Мишель поблагодарил супругов, и они с Рикэ пошли навестить другого патриота, Милло. Милло держал маленький бар с отдельным прилавком, где продавались сигареты и различные канцелярские принадлежности, как это принято в небольших деревнях.

В баре, кроме жены Милло, никого не было. Она встретила их любезной улыбкой и сказала, что муж сейчас в задней комнате.

Открыв застекленную дверь, она провела их туда и вернулась к своим делам.

Милло оказался коренастым, почти квадратным, человеком тридцати с лишним лет. Над прямым лбом поднималась копна непослушных волос цвета соломы. Открытый взгляд голубых глаз как-то не вязался с решительным подбородком. Одет он был по-домашнему, без воротничка и галстука.

Громовым басом он весело приветствовал Мишеля и зажал, словно в тиски, его протянутую руку. Дружеское рукопожатие этого здоровяка оказалось довольно чувствительным.

Милло сказал, что Арно может установить рацию на горе в домике лесника. Не теряя времени, он завел свой «Рено» и повез их вверх по заснеженной горной дороге.

Место оказалось превосходным, открытым с севера, так что помех для радиосвязи с Лондоном не было. С точки зрения безопасности оно также вполне устраивало: было заметно любого, кто приближался к домику. Здесь Арно мог работать совершенно спокойно, а в случае налета — бежать в любом из трех направлений.

Пока Милло с головокружительной быстротой вез их вниз, Мишель размышлял об итогах сегодняшнего дня. Все как будто шло хорошо.

И, наконец, они посетили дом местного страхового агента господина Симона. Он держался с поистине наполеоновским достоинством, из-за чего получил прозвище Префект, которое шутя принимал как должное. Он приветствовал Мишеля и представил его своей жене. Этот дом убежденных англофилов стал убежищем для английских летчиков, которые возвращались

на родину не обычным путем, через Испанию, а через Швейцарию.

— У меня наверху сейчас прячутся двое ваших соотечественников, — сказал Симон Мишелю. — Не хотите ли встретиться с ними?

— Очень хочу.

Симон озорно посмотрел на Мишеля и предложил:

— Я скажу, что вы из гестапо!

— Ради бога, не надо! — взмолился тот. — Вы же напугаете их до смерти!

— Идемте! — сказал он, беря Мишеля за руку.

Рикэ остался с мадам Симон, которая бурно протестовала против сомнительной шутки мужа, пока Мишель и Симон поднимались вверх по лестнице.

Открыв дверь спальни, Симон произнес по-французски:

— Я привел к вам соотечественника, — и оставил их одних.

Двое молодых людей, одетых в нескладно сидящие на них гражданские костюмы, вопросительно посмотрели на Мишеля, они ничего не поняли из того, что сказал хозяин.

— Привет, ребята, — приветствовал их Мишель.

— Привет, — неуверенно ответил один с легким новозеландским акцентом.

Их, несомненно, предупредили, что все образованные немцы владеют английской разговорной речью и с помощью различных словечек, которых не ждешь услышать от иностранца, пытаются вызвать людей на откровенность и вытянуть нужную информацию. Они смотрели на Мишеля так, словно ждали, что он вот-вот станет уговаривать их, начав с избитой фразы: «Ну, ребята, для вас война кончилась…»

Между летчиками и Мишелем лежала пропасть, и Мишель не знал, как преодолеть ее. Ему не хотелось признаваться, что он английский офицер. Он знал, что не похож на военного и они все равно не поверят.

— Вы с бомбардировщика, ребята? — продолжал Мишель.

— Да.

— Что случилась с остальными? — спросил он и сразу сам почувствовал, что это прозвучало подозрительно.

— Один погиб — у него парашют не раскрылся. Остальные разошлись кто куда…

— Да, жалко… Вы знаете, — продолжал он, меняя тему, — народ здесь хороший. Меня просили передать, что завтра вечером вас повезут к швейцарской границе.

— Спасибо.

— Если хотите, я сообщу о вас начальству в Англию и родные будут знать, что вы возвращаетесь.

— А вам-то что?

— Хотите верьте, хотите нет, я — английский офицер.

— Что же вы здесь делаете?

— Разве вы не слышали? Здесь много нас таких, в штатском. Делаем, что можем.

— Подумать только… — изумился один из летчиков, наконец поверив, что перед ним свой.

Оба написали сведения о себе и передали Мишелю.

— Мы этого никогда не забудем, — сказал один из летчиков.

— Обо мне можете забыть, — сказал Мишель. — Но всегда помните об этих людях, — закончил он, кивнув в сторону двери, за которой остались хозяева-французы.

Положив на стол пачку сигарет, Мишель простился с летчиками.

— Привет родине, — сказал он в дверях.

Когда он и Рикэ возвращались в Сен-Жорио, Мишель думал, что неплохо бы остаться здесь до конца подпольной работы среди этих замечательных людей.

Рикэ уехал в Монреже за Арно. Через двое суток он вернулся и в свойственной ему манере коротко доложил, что радист в Фавреже и уже наладил связь с Лондоном из домика лесника, где решил работать все время, предпочитая это место долине. Рикэ добавил, что сейчас Арно ждет Мишеля на почте.

Мишель сел на велосипед и через десять минут уже подъезжал к почте. Он несказанно обрадовался, когда увидел могучую фигуру своего помощника, атлетические пропорции которой не мог скрыть даже просторный серый костюм из твида. Арно тоже был явно рад встрече. Его красивое лицо светилось теплотой, губы приветливо улыбались. Больше Мишель не сомневался, что дружеские чувства стали наконец взаимными.

— Эжен шлет всем привет и наилучшие пожелания, — начал он. — Мне пришлось порядком поработать на него, так как у Урбана опять испортилась рация. Но теперь ее починили… Я сообщил в Лондон о выходе из Бреста «Шарнгорста» и «Гнейзенау» задолго до назначенного дня. Но ведь ты знаешь, как там реагируют на такие радиограммы, — они раскуривают ими свои проклятые трубки! И какого черта мы тут возимся. Лучше плюнуть на все и заняться лыжами.

Они еще минут десять поговорили о разных делах и разошлись, условившись, что завтра с Арно встретится Луиза. Она и впредь будет поддерживать связь между ними.

На следующий день Роже Барде доставил со станции велосипед. Когда он ушел, Луиза сказала Мишелю:

— Не нравится мне этот человек, у него хитрые глаза.

— Что же прикажете с ним сделать? Утопить в озере?

— Я серьезно, Мишель. Он плохой человек.

— Ну, может быть, вы и правы. Но пока его поведение не возбуждает подозрений. Даже если они и возникнут, пусть Роже займутся сами французы. У них есть здесь люди, которым ничего не стоит его прикончить. Вчера Марсак познакомил меня с парой таких ребят. Во всяком случае, нельзя убирать человека только за то, что у него хитрые глаза. Нужны веские доказательства…

— Будет слишком поздно, когда появятся доказательства.

— Я, иностранец, не могу советовать Полю или Марсаку следить за ним. Кроме того, оба они — да и я тоже — просто поражены сообразительностью и мужеством Роже, проявленными недавно в деле.

Больше они об этом не говорили. Если бы только Луиза сказала: «Умоляю, предупредите Поля. Скажите ему, что необходимо следить за каждым шагом этого человека, подслушивать все его телефонные разговоры…» или если бы Мишель понял это сам, многие события приняли бы для них другой оборот.

Пошла вторая неделя марта 1943 года — третья неделя с тех пор, как они поселились на новом месте. Кажется, им удалось наконец сбить гестаповцев со следа.

На парашютах сбрасывалось все больше грузов, программа организации диверсий на железных дорогах опять выполнялась вполне удовлетворительно.

В это время Поль сообщил Мишелю, что Карте удалось улететь из Шануана на «Гудзоне», который он принял собственными силами. Говорили также, что сразу же вслед за этим в Арле было арестовано семнадцать человек, среди них кое-кто из членов семьи Карте. Сообщение о вылете Карте подтвердилось, но Мишелю так и не удалось узнать, насколько достоверны слухи об арестах. Тем не менее, судя по обстановке, которая сложилась в Арле — а она вряд ли с тех пор изменилась к лучшему, — сомневаться в достоверности слухов почти не приходилось.

С прибытием Карте в Лондон руководители французского направления не могли не оказаться в довольно затруднительном положении. С одной стороны, их представитель во Франции сотрудничает с соперниками Карте, назначение которых они сами же одобрили, о чем открыто сообщили по Би-Би-Си всем патриотам, с другой стороны, Карте — отвергнутый вождь, которому они до сих пор помогали и даже вывезли из страны.

Поль также сказал, что якобы перед отъездом Карте Би-Би-Си передавала сообщения, опровергающие содержание предыдущих

передач о смене руководства. Из этих сообщений явствовало, что Карте снова снискал расположение Лондона. Если это так, тогда, значит, Карте не только удалось склонить на свою сторону лондонских начальников, но и вынудить их вонзить нож в спину Мишелю — их же представителю. Мишель был вне себя от ярости. Он с ними поговорит, когда вернется в Лондон! Так поговорит, что всем чертям тошно станет! Особенно с типами, повинными в предательстве! Ненависть к врагу была куда слабее той, которую он вдруг почувствовал к этим своим соотечественникам. Пусть его засадят на пару лет в Тауэр, но он покажет этим людишкам!..

Он долго не мог прийти в себя после столь потрясающих новостей, а когда через несколько часов немного остыл, то решил, что говорить о случившемся Арно пока не стоит. Нужно продолжать борьбу — продолжать, несмотря ни на что! Он и Поль сейчас любой ценой должны попасть домой, чтобы выяснить обстановку.

В этот вечер Жан Коттэ, которому Мишель больше не докучал, сам пригласил его к себе на рюмочку коньяку. Он сообщил, что на Плато Глиэр — отсюда не более четырех миль по прямой— собрались тысячи две французов. Они скрываются там, чтобы избежать отправки на принудительные работы в Германию.

— Среди них шесть офицеров, — добавил Жан, — а главным у них лейтенант Том Морель — решительный молодой человек. Ему нетрудно заниматься этим делом, так как официально он является директором конторы в Аннеси по вербовке людей на работу в Германию.

— Это интересно! — воскликнул Мишель, подавшись вперед. — Но Том Морель… Это, по-моему, не французское имя?

— Возможно. Тем не менее он француз и у его людей серьезные намерения. Но им нужно оружие.

— Понимаю. Я серьезно подумаю об этом.

— Ходят слухи, — добавил Жан, — что войска Виши намереваются окружить Плато восемнадцатого марта.

Мишель допил коньяк в своей рюмке и поднялся.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал он, прощаясь.

Вернувшись к себе, Мишель оторвал листок бумаги и написал самую длинную радиограмму из всех, которые когда-либо посылал:

ВЕСЬМА СРОЧНО. 2000 ПОЛНЫХ РЕШИМОСТИ ФРАНЦУЗОВ ВО ГЛАВЕ С ОФИЦЕРАМИ СОБРАЛИСЬ В РАЙОНЕ АННЕСИ, М-16. 18 МАРТА ОЖИДАЕТСЯ АТАКА КРУПНЫХ СИЛ ВИШИ. ПРОШУ КАК МОЖНО СКОРЕЕ СНАБДИТЬ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ОРУЖИЕМ, ИХ ПОБЕДА — БЕСЦЕННЫЙ ПРИМЕР ДЛЯ ДРУГИХ.

Опасаясь, что Арно может сократить радиограмму или что-нибудь изменить в ней, Мишель решил пойти к нему сам.

Мишель передал Арно радиограмму и, пока тот читал, внимательно следил за выражением его лица.

— Мой бог! — воскликнул радист, окончив чтение. — Вот это настоящее дело! Я попробую добиться специальной радиосвязи завтра на утро. Тогда к твоему приходу будет уже ответ!

— Молодец, Арно, — сказал Мишель. Они простились и разошлись.

Мишель почти не спал в эту ночь, и утром, идя к месту встречи, он всерьез сомневался, что так быстро получит ответ из Лондона.

Арно уже ждал его, пунктуальный, как всегда. Он отдал Мишелю три небольших листка бумаги, не сказав ни слова, кроме обычных приветствий. Мишель с радостью прочел первую радиограмму.

ПРЕВОСХОДНО. ЭТО ТО, ЧЕГО МЫ ДАВНО ЖДАЛИ. РАСПОРЯДИТЕСЬ ПРИГОТОВИТЬ ТРИ БОЛЬШИХ КОСТРА С ИНТЕРВАЛАМИ СТО МЕТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ВЕТРА. ЗАЖЕЧЬ ТОЛЬКО ПРИ ПРИБЛИЖЕНИИ ЭСКАДРИЛЬИ. ОЖИДАЙТЕ ДОСТАВКИ 120 КОНТЕЙНЕРОВ НАЧИНАЯ С ПОЛУНОЧИ ДО ДВУХ ЧАСОВ 13 МАРТА В ЛЮБУЮ ПОГОДУ. СООБЩЕНИЯ БИ-БИ-СИ НЕ БУДЕТ.

— Обязательно поеду сам, — сказал Мишель, наблюдая, как скручивается бумага над пламенем его зажигалки.

— Читай дальше, — сказал Арно.

Следующая радиограмма гласила:

«ЛИЗАНДЕР» ПРИБУДЕТ ЗА ВАМИ НА БОЛЬШОЕ ПОЛЕ В ТУРНЮ. ЖДИТЕ НАЧИНАЯ С 14 МАРТА. СООБЩЕНИЕ ПО БИ-БИ-СИ: «ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА».

— О! — простонал Мишель. — Торчать здесь семь проклятых месяцев и пропустить единственное настоящее дело…

— Ты все-таки хорошо поработал, Мишель, а я до сих пор не видел, ничего толкового. Это дело вознаградит меня за терпение.

— И ты заслужил, дорогой, — сказал Мишель, положив ему руку на плечо. Он был рад за Арно и забыл о постигшем его разочаровании. — Справедливости ради это следует возложить на тебя…

Оба немного помолчали, потом Арно мрачно произнес:

— Прочитайте лучше третью радиограмму.

Мишель прочел:

«ЛИЗАНДЕР» ПРИВЕЗЕТ РОЖЭ, НАЗНАЧЕННОГО ВМЕСТО ВАС. ПУСТЬ ЕГО ВСТРЕТЯТ И УСТРОЯТ.

Мишель не поднимал глаз на друга, но чувствовал, что тот

сейчас похож на быка, выпущенного на арену. И он его понимал. Когда Мишель молча сжигал последнюю радиограмму, Арно прервал молчание:

— Если они думают, что мной могут командовать всякие новобранцы, которых они посылают, то ошибаются!

— Не говори глупостей, Арно.

— Наглость… Что это им вздумалось посылать кого-то вместо тебя? Учить нас собираются! Мы не нуждаемся в их учителях! Я отказываюсь передавать его радиограммы! Решительно отказываюсь!.. Я знаю, Луиза к этому отнесется так же.

— Послушай, Арно, — начал Мишель, заранее набираясь терпения. — Ты хорошо знаешь, что Рожэ полностью введут в курс дела и снабдят новейшими инструкциями. Наверняка он уже ознакомился со всеми нашими донесениями. Вообрази его состояние, когда он встретит такое отношение с твоей стороны после всего того, что ему там наговорили! Что касается Луизы, то нетрудно догадаться, кто может настроить ее на такой тон.

— Луиза сама знает, что ей делать! — сказал Арно, и, конечно, в его словах была большая доля правды.

— Во время моего отсутствия, Арно, я оставлю Луизу за старшего. Ты, пожалуйста, выполняй ее распоряжения и… заботься о ней.

— Хорошо, Мишель… но ты не вернешься.

— Обязательно вернусь.

— Я поверю в это, когда снова увижу тебя здесь.

— Увидишь… И, Арно, не забывай того, что я сказал. Не настраивай себя заранее против моего преемника. Помни, в первые дни всегда приходится тяжело. До свидания, старина.

— Прощай, — просто ответил Арно, крепко пожав протянутую руку.

На обратном пути в Сен-Жорио Мишель заехал к Жерве. К счастью, тот оказался дома.

Рассказав ему о том, что намечается на Плато Глиэр, и о своем отъезде, Мишель добавил:

— Вам предстоит основательно потрудиться. Нужно обучить этих парней обращаться с нашим оружием. Отправляйтесь на Плато Глиэр через день после прибытия груза. Том Морель, который руководит делом, будет ждать вас. Помогите им привести оружие и. боеприпасы в порядок и начинайте занятия. Со стрельбой осторожнее. Это может привлечь внимание шпионов Виши. В каждом из контейнеров, как всегда, подробные инструкции на французском языке. Оставайтесь там до тех пор, пока будете им нужны, но мой совет — не приказание, а именно совет — уходите от них до начала боя, потому что это дело

французов, в некотором роде гражданская война. К тому же вы мне понадобитесь для других дел, когда я вернусь.

Кивнув в знак того, что все ясно, Жерве протянул Мишелю руку и спокойно сказал:

— Хорошо, Мишель. Счастливого пути и счастливою возвращения.

Новости о событиях, намечающихся на Плато Глиэр, взволновали членов организации. Вскоре через одного шофера санитарной машины эти новости сообщили и людям в горах. Нетрудно представить себе их радость. Теперь они могли не только защищаться, но и сами нанести удар, который отзовется по всей Франции.

Известие, что Мишель улетает, не особенно удивило Луизу. Но самого его очень удивило, как она отнеслась к сообщению о прибытии нового начальства: она прореагировала точно, как Арно. Мишель, в глубине души довольный этим, стал горячо разубеждать Луизу.

Она остается за старшего, сказал он, и Арно уже знает об этом. Он, Мишель, непременно вернется и просит ее беречь себя.

— На этот раз вы улетите, — сказала Луиза.

— Почему вы так думаете?

— Чувствую…

В эту же ночь он выскользнул через окно в спальне Коттэ. Когда он занес ногу на подоконник, маленькая Жозетта проснулась и сонным голоском спросила мать:

— Куда идет господин Шамбрен?

Мишель улыбнулся и посмотрел на Симону:

— Скажите ей, что я иду ловить бабочек. — И он исчез в темноте ночи.

Глава II
КОМПЬЕН

Самолет в Турню так и не прилетел. В течение семи дней Мишель напрасно ждал его в близлежащей деревушке, где он скрывался от руководителей Сопротивления, которых ничему не научили недавние тяжелые потери и которые продолжали устраивать веселые сборища, еще более многолюдные, чем прежде. Полю приходилось посещать их вопреки здравому рассудку.

На седьмой день связник доставил депешу от Арно. Радист сообщал, что самолет нужно встречать на поле в семнадцати километрах от Компьена. Им нужно было попасть туда к 23 марта, а было уже 20-е. Спешно собрали «военный совет» и решили, что делать.

Вскоре к отелю Тома тарахтя подкатила старая машина. В нее кое-как втиснулись Поль, Рикэ, Жак Ланглуа и Мишель. Багаж они поместили на решетку, укрепленную на крыше. Жак ехал с ними только до Парижа, так что помогать принимать самолет будет один Рикэ. Решили привязать фонарики к палкам и включить их лишь в последний момент. Когда все закончится, Рикэ соберет фонарики, отведет куда-нибудь вновь прибывшего и там укроет до рассвета. Нужно еще найти куда. В Турню все было бы значительно проще.

Когда они подъезжали к демаркационной линии, проходившей по реке Соне, водитель опасливо покосился на портфель, который Мишель всю дорогу держал на коленях, и спросил, что в нем. Мишель ответил:

— Письма.

— С письмами через линию ехать нельзя. Это именно то, чем интересуются боши.

Он остановил машину, и все начали обсуждать, как выйти из положения.

Услышав, что в пяти километрах от шоссе есть дорога, которая ведет к реке, Рикэ вызвался идти с портфелем пешком и встретить их в Шалоне, на другом берегу.

— Как вы намереваетесь перебраться через такую широкую реку? — спросил Мишель.

— Украду лодку. Я наверняка отыщу ее на берегу, — ответил неустрашимый юноша.

— Хорошая мысль! — сказал Мишель, и машина тронулась.

Когда доехали до дороги, Рикэ вышел из машины.

— До скорого свидания! — сказал он и ушел. Вскоре за некрутым поворотом шоссе показался шлагбаум.

К машине подошел немолодой немецкий солдат:

— Куда следуете?

— В Шалон.

— Письма везете?

— Писем нет.

И они поехали дальше.

Высадив своих пассажиров на вокзале в Шалоне, шофер получил деньги и уехал с такой поспешностью, точно убегал от прокаженных. Жак пошел покупать билеты, а остальные остались на платформе. Поезд на Париж прибывал через 15 минут. Мишель сомневался, что Рикэ успеет. Однако Поль и Жак не особенно волновались: они были уверены, что он догонит их в Париже. У них еще оставался день в запасе.

Когда к платформе пыхтя подошел поезд, из тоннеля вышел Рикэ и небрежно зашагал по перрону. Все трое сохранили спокойствие, когда он подошел к ним. А когда они стояли в переполненном вагоне в конце коридора, Мишель пожал Рикэ руку и улыбнулся. Если кто-нибудь заслужил «Военный крест», так это Рикэ. Возможно, он никогда не получит его, но Мишель всегда будет считать, что юноша достоин этой награды.

Поздно вечером приехали в Париж. Мишель позвонил своему коллеге Шарлю Фолю, которого не видел четыре года.

Ответила жена Фоля. Мишель сказал:

— Здравствуйте, Биш. Не удивляйтесь. Это я, Пьер. Мне следовало приехать давным-давно, но я не спешил, загорал на юге Франции.

Он произнес длинную фразу, чтобы дать ей время собраться с мыслями.

Последовало молчание, потом до него донесся шепот: «Это Пьер!»

— Дай мне трубку, — послышался знакомый голос Шарля. — Привет, старина! — сказал он в трубку. — Как жизнь? Откуда звонишь?

— Живу неплохо, а звоню из станции метро, — ответил Мишель.

— Так приезжай. Я спущусь вниз, чтобы швейцар не задержал. До меня идти двадцать минут.

Через полчаса Мишель уже пил коньяк со своими друзьями. Их немного смутила его необычная одежда и рюкзак, и он объяснил им, что может пробыть здесь всего две ночи. Если же швейцар заинтересуется Мишелем, достаточно сказать, что это старый друг Фоля, который проводил отпуск в горах.

Следующий день запомнился ему по нескольким причинам: с утра он часок поболтал с матерью Биш, очаровательной собеседницей; навестил своего друга Луи Шевалье, который, увидев Мишеля, чуть не подпрыгнул от неожиданности; затем, прогуливаясь, оказался среди матросов немецкой подводной лодки, которые отдавали честь могиле Неизвестного солдата у Триумфальной арки, и закончил день тем, что прослушал по радио речь Уинстона Черчилля.

После приятной передышки группа в сокращенном составе (выбыл Жак) села в поезд на Компьен.

Там в крошечном отеле около станции они сняли комнаты и начали искать, на чем бы добраться до Эстрэ-Сен-Дени, недалеко от которого находилась ферма Сент-Бёв. Из радиограммы явствовало, что все остальное устроит госпожа Сент-Бёв.

Велосипедов не нашлось. Рикэ где-то нашел лошадь, запряженную в рессорную двуколку, и друзья отправились на рекогносцировку.

Они проехали мимо компьенского концентрационного лагеря, где томились патриоты, среди которых были и их друзья. Отсюда пленных отправляли в Германию. Вид этого ужасного места сразу напомнил, что ждет их в случае неудачи.

Через два часа они подъехали к ферме.

Госпожа Сент-Бёв, француженка-аристократка с преждевременно поседевшими волосами, не стала тратить время на лишние разговоры. Как только Мишель назвал пароль, она пригласила его в двуколку и повезла через свои владения к небольшому полю.

— Надеюсь, вы получите сообщение сегодня, — сказала она, — потому что завтра поле собираются вспахать. Я ничего не могу поделать, чтобы задержать пахоту: люди, работающие на меня, не знают о моих симпатиях…

— Не разрешите ли остаться у вас и прослушать передачи, чтобы не ездить так далеко?

— Нет, не могу. — И гордый печальный взгляд ее красивых глаз сказал ему остальное: «Как бы сильно я ни желала».

К Компьену подъезжали уже в темноте. Мрачные бараки лагеря, мимо которого они снова проезжали, при свете прожекторов выглядели зловеще.

Рикэ отправился слушать передачи, Мишель с Полем остались в небольшом ресторанчике. Близкое соседство лагеря, где они могут оказаться, действовало на них удручающе. Оба сидели понурив головы.

Наконец вернулся Рикэ. Он объявил:

— К сожалению, слушал напрасно.

— Так, — сказал Мишель, — завтра поле вспашут. Ждать больше нечего, нам лучше вернуться в Париж. Мы еще успеем на поезд в девятнадцать пятьдесят. Кстати, я рад убраться отсюда подальше. У меня кровь стынет при виде этой обители скорби.

Они расплатились и пошли за вещами.

Прошли через вокзал. Рикэ повел группу по перрону вдоль затемненного поезда. Дойдя до своего вагона, они открыли дверь и ввалились внутрь. Молча закурили. Вскоре на соседнем пути тронулся поезд, но почему-то в сторону Парижа. Мишель вскочил:

— Это же наш поезд! Мы ошиблись!

Рикэ и Поль весело расхохотались.

Мишель в недоумении уставился на них и вдруг понял: значит, сообщение передавали и «Лизандер» вылетает! Друзья просто решили разыграть его…

Еще днем, когда они были на ферме, Мишель попросил Поля как следует изучить дорогу до ближайшей станции, откуда им предстоит идти пешком до места посадки самолета. Но едва они отошли от станции, как Поль в нерешительности остановился: ночью ориентироваться трудно, нужна особая привычка, которой Поль, очевидно, не обладал. Все-таки он вывел их на дорогу, но у первой же развилки окончательно растерялся, явно не зная, куда идти.

Мишель был в отчаянии. Подумать только, проехать, рискуя всем, тысячу километров и заблудиться в каких-нибудь пяти километрах от места, где они надеялись наконец после шести неудачных попыток сесть в самолет! И это когда, казалось, есть все шансы на успех!

Между тем Поль неуверенно пробормотал:

— По-моему, нужно сворачивать направо…

К счастью, Рикэ, руководствуясь одним чутьем, сумел вывести их к цели. Было без четверти десять, когда они увидели ферму.

Указав на железнодорожное полотно, Рикэ сказал:

— Я узнал, что там на переезде дежурят два француза. Здесь во избежание диверсий по ночам охраняются все мосты и переезды.

— Хитро придумано, — заметил Поль, — если что-нибудь случается на каком-то участке, местных жителей хватают как заложников. Каждый знает, что произойдет с ним, если подобная история повторится. Этот дьявольский метод рассчитан на то, чтобы запугать население, но существенных результатов он все равно не дает.

— Я надеюсь, местных жителей не сочтут виновными, если сегодня что-нибудь произойдет, — сказал Мишель.

— Об этом узнают только они, а они, я думаю, не станут

болтать. Какое счастье, что завтра поле будет вспахано.

Когда Мишель, Поль и Рикэ подходили к полю, оттуда раздался условный свист — позывные Би-Би-Си для Европы;

— Это Марсак, — сразу узнал Мишель. — Хотел бы я знать, какого черта он здесь делает? Напугал нас до смерти…

Рикэ пошел вперед и вскоре вернулся с Марсаком и незнакомым человеком, которого представил как члена парижской группы. Все пожимали друг другу руки с таким видом, точно случайно встретились на Елисейских Полях. Мишель подумал, что он вряд ли когда-нибудь привыкнет к странным манерам своих друзей.

— Рад видеть вас, — солгал Мишель. — Но стоило ли беспокоиться?

— Я подумал, что значительно проще отвезти Рикэ и вновь прибывшего прямо в Париж на машине моего друга, а не заставлять их мерзнуть всю ночь где-нибудь в стоге сена.

— А как насчет комендантского часа и патрулей?

— Наши документы действительны и ночью. Парижская группа — солидная организация. У них есть немецкие бланки и люди, которые умеют подделывать подписи.

— Молодцы! — воскликнул Мишель, восхищенный их смелостью.

Теперь, когда нежданно явились новые помощники, отпала необходимость прикреплять фонарики к палкам. Мишель объяснил, где кому стоять. Каждый отметил свое место, как обычно, белым носовым платком, а затем все собрались вместе и стали ждать самолет.

Матовый лунный свет освещал окрестности. В тишине ночи слышно было, как на переезде покашливает сторож. На ферме погас последний огонек. А всего в 14 километрах от них тысячи французов за электрической проволокой беспокойно метались на жестких нарах, моля о блаженном сне и забвении…

Наконец послышался отдаленный рокот мотора. Все бросились по местам. Мишель сжал фонарик, позабыв обо всем на свете.

Когда самолет пролетел над ними, он подал сигнал к повторил его несколько раз. Ответа не последовало. Самолет пролетел мимо. Они опять собрались вместе и стали ожидать его возвращения. Повторилось то же, что в Базийаке. Оставалось надеяться, что на этот раз им не помешают.

Теперь после стольких попыток они, кажется, могли предвидеть любые случайности. Ничто не помешает им, если только самолет заметит сигнал. Если понадобится, они пробудут здесь всю ночь, не считаясь ни с чем.

Вот они опять услышали самолет. Снова все разбежались по местам и стали ждать команды Мишеля.

И снова попытка Мишеля привлечь внимание летчика не увенчалась успехом. Но почему? Ведь сигнал бывает заметен с высоты пяти с лишним километров, а самолет прошел на высоте не больше шестисот метров.

«Проснись, друг!» — про себя умолял Мишель пилота.

Но тот не услышал его мольбы, не отозвался на сигнал. И к счастью — это был немецкий «юнкерс», выполняющий свое задание.

Так продолжалось далеко за полночь. В воздухе то и дело появлялись немецкие самолеты. Мишель боялся, как бы не пропустить «Лизандер», приняв его за немецкий самолет. Он совсем оглох от рева «юнкерсов».

Решив подкрепиться, они разделили между собой холодного кролика и бутылку вина. Но вдали снова загудел самолет, и все вскочили.

— Не беспокойтесь, — сказал Мишель, обгладывая косточку, — я не собираюсь больше выдавать нашу позицию немцам и не стану сигналить до тех пор, пока не опознаю «Лизандер» по силуэту.

— Странная вещь, — сказал Рикэ, — они ухитрились добраться до нас на юг Франции к двадцати двум пятнадцати, а здесь мы так близко к Англии. Почему их так долго нет?

— Как вы думаете, они прилетят, Мишель? — спросил Марсак.

— До сих пор, когда была передача Би-Би-Си, они всегда прилетали.

Допили вино. Мишель посмотрел на часы — около двух ночи.

И снова шум мотора нарушил тишину. На этот раз чувствовалось, что самолет летит низко и прямо на них. Ближе, ближе. Это, конечно, он. Все напряженно всматривались в ночную мглу.

Едва опознав знакомый силуэт, Мишель засигналил и тотчас же получил ответный сигнал — замелькала лампочка под фюзеляжем.

— Вот и он! До свидания! — крикнул Мишель друзьям, которые разбежались включать фонарики.

Самолет сделал круг и пошел на снижение. Его колеса коснулись земли метрах в шести — семи от Мишеля и Поля. У второго фонарика он остановился и, развернувшись, пополз к ним обратно. Снова развернулся и замер, готовый к взлету.

Из кабины высунулся пилот и приветливо махнул рукой.

— Ну и поле! — воскликнул он. — Пальчики оближешь!

Мишель и Поль ждали, пока высадится Рожэ. С ним был кто-то еще — он подавал сверху багаж. Как только оба оказались на земле, Мишель кивнул Полю:

— Забирайтесь… Я за вами.

Мишель поздоровался с Рожэ:

— Добро пожаловать, коллега… Вас ждет машина. Желаю удачи!

Потом повернулся к его спутнику.

— Как, Шарль, это вы? Здравствуйте! — приветствовал он старого друга из Лиона.

Разговаривать было некогда. Мишель быстро поднялся в самолет и помахал Рожэ и Шарлю. Когда он закрывал кабину, мотор взревел, и самолет устремился вперед. Пробежав метров шестьдесят, он оторвался от земли, и Мишель увидел двух человек с фонариками, которые махали им с земли.

Самолет взмывал во вражеское небо все выше и выше. Мишель ликовал. Ведь ради этого трехсоткилометрового перелета, который не продлится и двух часов, пришлось проделать пять тысяч километров по суше и прождать сто пятьдесят дней! И вот наконец-то! Он свое дело сделал, и если теперь их собьют зенитки или ночные истребители — это не его забота. Он хлопнул Поля по колену и радостно улыбнулся. Тот в ответ пожал ему руку. Он тоже чувствовал себя счастливым.

Вскоре они были над Ла-Маншем, но тут попали в полосу густого тумана. Мишель подумал, что, если везде такой туман, сесть будет невозможно. Но ничего — пилот знает свое дело!

Начали снижаться. Впереди, всего километрах в полутора, Мишель увидел лучи мощных прожекторов, скрестившихся над аэродромом.

Пилот резко бросил машину вниз и приземлился в центре яркого света. Тотчас же заглушил мотор. Прожекторы погасли.

Глава III
КОРОТКАЯ ПЕРЕДЫШКА

Дело сделано. Они благополучно приземлились на землю затемненной Англии. Оглушенные после полета пассажиры молча стояли у самолета. Затем послышалась английская речь и к ним подошли люди.

С ними обошлись очень заботливо: сразу же отвели в столовую, где предложили по солидной порции яичницы с беконом.

Как только распространился слух об их прибытии, в столовую собрались летчики «лизандеров» и наперебой начали угощать их виски с содовой. Мишеля засыпали вопросами: среди лётчиков у него было много друзей.

— Какого дьявола вы бежали с поля под Базийаком?

— Еще налить?

— А, вот кто туда летал…

— Налить?

— «Налить», «налить»! Смилуйтесь, ради бога! Не могу же я выпить все это! В Базийаке я только сохранил вам жизнь, не подав сигнала. Они хотели схватить нас всех…

— Да оставьте моих пассажиров в покое! Какое они мне поле приготовили! Прелесть!

— Тебе всегда достаются лакомые кусочки!

И так, казалась, без конца…

Наконец они получили возможность проглотить по кусочку. Мишель посмотрел на тарелку и увидел, что она стоит на первой полосе «Ивнинг Стандарт». Мишель обратил внимание на заголовок правой колонки: «НАГРАЖДЕНИЕ ЛЕТЧИКОВ ВВС ОРДЕНОМ „ЗА ОТЛИЧНУЮ СЛУЖБУ“». Отодвинув бокал, он прочел дальше:

«Майор Пикар награжден пряжкой к ордену „За отличную службу“. Подробности — военная тайна».

— Мой бог! — воскликнул Мишель, уронив нож и оглядывая пилотов. — Это же Турню! Я видел все! Он достоин «Креста Виктории»!

— Кто его знает, дружище, — ответил один, — может быть, и не Турню… Вылеты каждый вечер. А садиться приходится прямо на кладбища.

Когда Мишель с Полем согрелись и пришли в себя, они распрощались с гостеприимными летчиками. И вот уже их машина в туманной предрассветной мгле мчится в Лондон.

Около девяти часов утра подъехали к Орчард Корт. Там их ждал Бакмастер и несколько его офицеров, многих из которых Мишель знал. Поздоровавшись с Полем, Бакмастер отвел Мишеля в сторону и сказал:

— Ну, Мишель, приятна видеть вас здесь после всех этих неудачных попыток. Дел у нас сегодня много, так что, если есть вопросы, — выкладывайте сразу.

— Первое, о чем я хотел бы спросить, это что заставило вас позволить итальянцам пройти через тоннели, когда я мог так легко остановить их?

— Это касается оценки общей обстановки. Когда вы сообщили, какие дивизии должны оккупировать юг, мы узнали, откуда они прибывают. Перебрасывая дивизии, противник ослаблял какой-то участок: либо тот, откуда они уходили, либо какой-то другой — откуда снимали войска взамен перебрасываемых. На этот счет нам удалось получить сведения из других источников. Мы также учли, что вы сможете не менее успешно продолжать свою деятельность при итальянцах. А по стратегическим соображениям было выгоднее оттянуть оккупацию этого района немцами.

— Ясно, Бак, — сказал Мишель. — Но сколько разочарований приносят подобные вещи человеку там…

— Понимаю. Но сейчас война, и просто нет времени давать подробные объяснения по эфиру…

— А почему не захватили танкеры в Гибралтаре?

— Таково решение адмиралтейства. Они там по горло были заняты Мадагаскаром и общей проблемой судоходства на Средиземном море. И вы сами знаете, как у них туго с подводными лодками. Мы вели долгую оборонительную войну. Правда, сейчас события принимают иной оборот.

Наконец перешли к самому важному вопросу — о Карте. После того как Мишель в общих чертах изложил свою точку зрения, Бакмастер объяснил:

— Поль здесь уже второй раз, и мы его знаем. Нам он нравится, и мы признаем его как руководителя. Что касается сообщений Би-Би-Си, которые, как вы заявляете, были направлены против вас, то их передали просто для того, чтобы помочь людям Карте принять «Гудзон» и отправить его в Лондон. У нас были свои основания вызвать сюда Карте, но мы вовсе не собирались справляться у него о вашей деятельности.

Из этого разговора Мишель понял, что зря тогда раскипятился и напрасно осудил своих соотечественников. Теперь ему стало ясно, как трудно им иногда приходится. Ведь у них столько агентов, и с каждым могут возникнуть недоразумения,

подобные тем, которые он только что разрешил. В разговоре Бакмастер бросил фразу «Все мы ошибаемся, но мы не способны на вероломство или сознательную халатность», и Мишель представил себе, сколько добросовестности и терпения они здесь проявляют в решении многочисленных вопросов, сколько делают для того, чтобы помочь своим людям в тылу врага.

— …А где теперь Карте?

— Пока в Лондоне, собирается в Соединенные Штаты.

— Значит, осуществились его мечты.

— Что вы хотите этим сказать?

— Он говорил мне, что предпочитает работать с нашими союзниками…

Мишель убедился, что прежний скромный аппарат французского направления разросся до таких размеров, что теперь среди множества новых людей он чувствовал себя здесь почти чужим. И он стремился вернуться к своей работе по ту сторону фронта.

Один случай Мишель не мог вспоминать без улыбки. Его вызвал к себе какой-то начальник — молодой человек с высоким званием, один из новичков, — и стал распекать за то, что Арно выражается в эфире слишком фривольным языком. Он помахал перед носом Мишеля несколькими радиограммами Арно в качестве вещественного доказательства.

— Неужели вы не можете заставить вашего радиста воздерживаться от подобных выражений?

— За выражения извиняюсь, — ответил Мишель, — но по существу дела он прав. Пусть кто-нибудь другой заставит его употреблять другие выражения. Не нравится— попробуйте, найдите нового радиста.

— Я думаю, едва ли вы можете советовать мне, как поступать, — ответило недовольное начальство.

На этом разговор окончился. Теперь Мишель не сомневался, что любое подписанное им представление о награждении Арно орденом «За отличную службу» или «Военным крестом» полетит в корзинку для мусора.

Тем не менее одно представление — к званию — Бакмастер уже утвердил, и когда Луизе сообщили о благополучном прибытии Поля и Мишеля, в радиограмму включили фразу:

ДЛЯ АРНО. ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ЧИНОМ КАПИТАНА.

В поезде на пути домой, к родителям, Мишель задумался об изменениях во французском направлении. В том, как его приняли сейчас, не было ничего похожего на триумф, с которым он вернулся из Франции более года тому назад: тогда его поздравляли, словно прославленного спортсмена, который привез

на родину редчайший приз.

Тем не менее он решил, что нельзя торопиться с выводами. Возможно, он заблуждается и отношение этих людей показалось ему бездушным только потому, что он стал мнительным после перенесенных потрясений и страхов. И, конечно, сказался удар, который обрушился на него в день возвращения, — только теперь ему осторожно сообщили, что его брат, летчик-истребитель, погиб семь месяцев тому назад, в тот день, когда он, Мишель, впервые появился в Канне.

* * *

Короткий отпуск кончился. Мишелю пришлось оставить убитую горем мать и вернуться в Лондон.

Тем временем из Франции поступили далеко не утешительные сведения. Марсака схватили в Париже после его возвращения из Эстрэ-Сен-Дени; к счастью, Рожэ (преемнику Мишеля) удалось скрыться и добраться до Сен-Жорио.

Вскоре Мишеля вызвал Бакмастер. Явно чем-то встревоженный, он протянул ему расшифрованную радиограмму и сказал:

— Взгляните на это!

Мишель прочел:

ОТ ЛУИЗЫ. ОФИЦЕР НЕМЕЦКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ ПО ИМЕНИ АНРИ ВСТРЕТИЛСЯ СО МНОЙ В СЕН-ЖОРИО И ВЫЗВАЛСЯ ОСВОБОДИТЬ МАРСАКА, ЕСЛИ ВЫ ОБЕСПЕЧИТЕ «ГУДЗОН», НА КОТОРОМ МЫ С НИМ ВЫЛЕТИМ В ЛОНДОН, ЧТОБЫ ОБСУДИТЬ СРЕДСТВО ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ.

— Ну и ну! — воскликнул Мишель.

— Ваше мнение?

— Я думаю, что Марсак дал адрес Луизы и что Анри, захватив наш бомбардировщик, надеется получить орден «Рыцарского креста». Дело это настолько опасно, что его нужно бояться не меньше, чем черт боится ладана. По-моему, Луизе следует предложить укрыться за озером, а Арно нельзя больше жить в Фаверже. Пусть переберется в домик лесника, где у него есть рация.

— Именно так, — сказал Бакмастер. — Вы знаете, Мишель, — продолжал он, — вам незачем возвращаться туда. За Луизой и Арно мы пошлем «Лизандер», и со временем вы можете поехать куда-нибудь в другое место или остаться здесь.

— Мне хочется вернуться туда. Теперь, когда люди на Плато Глиэр вооружены, я хотел бы присоединиться к ним и закончить

войну с оружием в руках. Честное слово, эту постоянную дуэль умов, в которой так мало шансов уцелеть, стоит променять на открытую борьбу.

— Ну, как знаете, Мишель. Вы занимаетесь этим делом достаточно долго и знаете, где лучше подойдете… Я думаю, вы успеете вылететь еще в апреле. Где предпочитаете прыгать?

— Раз Анри известна гостиница «Отель де ля Пост» и он завел речь о бомбардировщике, его люди, вероятно, уже поджидают меня в наших излюбленных местах. Пусть Луиза и Арно сами решат. Мне все равно.

И Бакмастер послал следующую радиограмму:

АНРИ ОЧЕНЬ ОПАСЕН. УКРОЙТЕСЬ ЗА ОЗЕРОМ И ПРЕКРАТИТЕ СО ВСЕМИ ВСТРЕЧИ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ АРНО, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН ПЕРЕБРАТЬСЯ ИЗ ФАВЕРЖА В ДОМИК ЛЕСНИКА. ПОДБЕРИТЕ ПЛОЩАДКУ ДЛЯ МИШЕЛЯ В ЛЮБОМ МЕСТЕ ПО СОБСТВЕННОМУ УСМОТРЕНИЮ. ОН ВСКОРЕ БУДЕТ.

Через сутки пришел ответ:

ИЗУЧАЕМ РАЙОН СЕМНОЗ, АННЕСИ П-14. ЖДИТЕ СООБЩЕНИЯ В ЭТУ НОЧЬ ПО ОСОБОМУ ГРАФИКУ.

На следующий день Бакмастер объявил Мишелю, что в три часа ночи пришла радиограмма, в которой подтверждается названное ранее место. В ответ во Францию передали текст условного сообщения Би-Би-Си и предупредили, что одновременно сбросят пять контейнеров. Затем Бакмастер вытащил карту этого района, и они вместе стали изучать ее.

Рядом с избранным местом стояла звездочка, указывающая, что отсюда лучше всего любоваться горными пейзажами, а также цифра «1704» —1704 метра над уровнем моря. Мишель ужаснулся:

— Вот это влип! Они, кажется, буквально поняли ваши слова «в любом месте». Думают, я действительно могу прыгать где угодно!

— Похоже так, — усмехнулся Бакмастер.

До конца лунного периода оставалось три дня, и Мишель немедленно отправился в лагерь номер 61.

На этот раз ждать не пришлось. Вскоре из лагеря его доставили на аэродром и представили штурману «Галифакса» — человеку с седеющими волосами. Видавшая виды синяя форменная тужурка, украшенная многочисленными орденскими ленточками, свидетельствовала о том, что он человек бывалый и в ВВС пробрался, сбросив себе по меньшей мере десяток лет.

— Эта вершина — ничего, — начал он на чистом французском языке, указывая карандашом место на карте. — Я уже сбросил в подобных местах пятьдесят семь клиентов, и если

вы прыгнете точно, когда я подам сигнал, то приземлитесь даже на пятачке…

Мишель улыбнулся и вошел в кабину. После обычной процедуры взлета, которую он знал наизусть, самолет поднялся.

Было 22 часа 30 минут, 15 апреля.

Глава IV
СЕМНОЗ

В это самое время Луиза, Арно, Жан и Симона Коттэ шагали по горной дороге к назначенному месту. Они торопились. Им еще предстояло вскарабкаться по крутой лесной тропинке на высоту 800 метров, а до вершины нужно было добраться прежде, чем туда прилетит «Галифакс». Они, конечно, не могли знать, что самолет только что поднялся с аэродрома и ему предстоит пролететь тысячу с лишним километров. Ведь обычно самолеты прилетали в любое время от десяти вечера до двух ночи.

В дневное время по хорошей сухой тропинке в гору можно подниматься со скоростью примерно 300 метров в час, то есть они могли бы достичь вершины через три часа — около половины второго. Подниматься же с такой скоростью ночью, по глубокому снегу значило бы побить все рекорды по восхождению. Но и в этом случае их шансы успеть вовремя были один к четырем, увы не в их пользу. Поэтому четверо друзей спешили изо всех сил.

Но почему они оказались здесь так поздно? Это требует некоторого объяснения.

Получив радиограмму, в которой сообщалось о возвращении Мишеля и предлагалось подобрать для него площадку, Луиза и Арно задумались.

Их совершенно ошеломили события последних дней: внезапный арест Марсака, странный визит Анри. Усилилось подозрение, что Роже Барде — предатель. Арно собирался пристрелить его на месте при первой же встрече, и Луизе с большим трудом удалось отговорить его от этого.

Перебрали в памяти все удобные для выброски места, но они показались слишком опасными. Надо выбрать место на какой-нибудь горе, чтобы ничего не было видно из долины. Выбор пал на Семноз. Жан Коттэ рассказал, что там на вершине есть превосходная седловина, где расположен отель для туристов. С начала войны он закрыт.

Теперь предстояло обследовать это место. Восьмисотметровый подъем на вершину начинался в деревушке, до которой от гостиницы «Отель де ля Пост» было по кратчайшей дороге одиннадцать километров. В четыре часа дня Луиза и Арно отправились туда.

Место оказалось вполне подходящим. Правда, выброска должна быть произведена исключительно точно, но об этом они не беспокоились. Английские летчики мастера в подобных делах,

а Мишель прыгает не задерживаясь. Чтобы штурман лучше ориентировался, решили разжечь большой костер. Заранее набрали побольше хворосту и сложили его в заброшенный деревянный домик.

В гостиницу вернулись в одиннадцать часов вечера. Арно нужно было еще ехать на велосипеде 16 километров до Фавержа, а оттуда карабкаться метров 600 в гору, чтобы попасть в домик лесника, где стояла рация. Так что радиограмму он смог послать только в три часа ночи. В ответ он получил текст условного сообщения Би-Би-Си.

Вечером в половине восьмого Би-Би-Си передала этот же текст, известив их таким образом о вылете Мишеля.

Жан Коттэ вызвался подвезти Луизу и Арно на машине до деревушки, где начинался подъем. Луиза очень обрадовалась, что не придется шагать пешком. Симона тоже поехала с ними.

Жан побежал, в гараж, чтобы завести свой старый форд, снабженный из-за отсутствия бензина газогенератором, который работал на древесном угле. Машина долго стояла без употребления, и сразу завести ее не удалось. Но наконец мотор затарахтел, и гараж наполнился удушливым черным дымом.

Было двадцать минут девятого, когда они выехали на дорогу. С газогенератором мощность машины сокращается на одну треть, и Жан решил ехать по дальней дороге, где было меньше крутых подъемов.

Вскоре мотор стал пошаливать и через некоторое время совсем заглох. Все попытки вызвать его к жизни оказались тщетными. Так рухнули планы добраться до горной тропинки с комфортом. Пришлось продолжать путь пешком.

Вот почему в половине одиннадцатого они еще не дошли до подъема, тогда как если бы они сразу пошли по кратчайшей дороге пешком, то без четверти девять уже вышли бы на тропу. Луиза заставляла себя идти быстрее, но это было сверх ее сил. Ведь такой же утомительный путь она проделала вчера.

Отыскать между домами выход к тропинке ночью в заснувшей деревне тоже оказалось делом нелегким. Все же в конце концов они оказались на тропинке и начали подниматься. Пройдя немного, они вынуждены были остановиться, так как никто не мог сказать, куда идти дальше.

Луна освещала противоположный скат горы, а здесь не было видно ни зги, и они не могли отыскать следы, которые оставили днем раньше.

Незадачливые альпинисты едва не впали в панику. Куда повернуть? Куда идти?

Указав вверх налево, Арно сказал со свойственной ему

уверенностью:

— Ручаюсь, это — кратчайший путь к вершине.

Луиза запротестовала, полагаясь скорее на инстинкт, чем на свои довольно сомнительные способности ориентироваться:

— Нет! Так мы уклонимся на несколько километров.

— Что вы скажете, Жан? — спросил Арно, повернувшись к Коттэ, который прожил в этих краях всю свою жизнь.

— Признаться, не знаю…

— Смотрите, — сказала Луиза, показывая на телеграфный столб. — Я помню, эти столбы идут по склону до самой вершины. Один стоит недалеко от того места, которое мы выбрали для приземления Мишеля. Разве вы не заметили, Арно?

— На вершине, кажется, заметил. Но я не уверен, что они тянутся от самого подножия…

Для Арно подобная фраза была крайней уступкой, на которую он мог пойти в споре, и теперь Луизе без труда удалось убедить всех, что, придерживаясь столбов, они доберутся до цели по самому верному и самому быстрому маршруту.

В полночь они остановились на несколько секунд, чтобы передохнуть. Прислушались — ни звука. Каждый слышал лишь учащенное биение своего сердца.

В половине первого остановились опять, затем еще раз — в час. Снова и снова тщетно вслушивались в тишину ночи. Симоне такой темп оказался не по силам. Заверив мужа, что по столбам найдет дорогу сама, она отстала.

Арно первым отчаялся в успехе. Повернувшись к Луизе, он произнес тяжело дыша:

— Безнадежно! Не успеем… Прошло столько времени… Если они не увидят света, то повернут обратно, и Мишель уснет в Англии крепким сном прежде, чем мы доберемся до вершины.

— Живей, Арно, не тратьте сил на разговоры! Мы попадем туда вовремя. Вы увидите… К тому же разница во времени с Гринвичем в нашу пользу.

Воздух стал разряженным, у всех начало звенеть в ушах.

Было около половины второго, когда Арно услышал радостный возглас Луизы:

— Взгляните, Арно, взгляните!

Он посмотрел в ту сторону, куда указывала Луиза, и увидел, что лесной пояс кончился. Впереди в каких-нибудь восьмистах метрах от них круто поднимался покрытый снегом горный хребет, из-за облаков показалась луна. Она осветила макушки сосен, под которыми они стояли.

Напрягая последние силы, друзья думали только об одном: успеть разжечь костер, успеть во что бы то ни стало….

Когда пройдены километры, последние восемьсот метров — расстояние немалое. Луиза невольно вспомнила слова Мишеля: «Когда нужно сделать десять шагов, а девять уже сделано, можно сказать, что вы на полпути». Она знала, что это не он придумал. Так говорит китайская пословица. Но только теперь Луиза оценила всю ее мудрость.

До вершины добрались вконец измученные и, не передохнув ни минуты, стали перетаскивать хворост и складывать костер. Арно особенно старался: ему было стыдно за ту слабость, которой он тогда поддался. И теперь он хотел искупить свою вину, а главное — сделать как можно больше за Луизу, чтобы она окончательно не свалилась с ног.

Едва сложили костер, Луиза, еле живая от усталости, повалилась рядом с хворостом прямо в снег.

Никогда еще Арно так не восхищался ею.

Жан достал фляжку с коньяком и пытался заставить Луизу выпить немного. Затем он отправился навстречу Симоне.

Вдруг Арно, который сидел с керосином и спичками наготове, услышал отдаленный гул. А вдруг это просто в ушах звенит? Он прислушался… Сомнений не оставалось — самолет!

— Летит! — закричал он, поливая керосином ветки. Видя, что керосин льется недостаточно быстро, он отбил о ботинок горлышко бутылки и выплеснул всю жидкость. Чиркнув спичкой, он бросил ее на хворост — вспыхнуло пламя.

Самолет был уже почти над ними. Затаив дыхание, они ждали, что вот-вот раскроется люк и оттуда выпрыгнет человек. Но самолет пролетел мимо, слегка накренившись на левое крыло.

— Господи! — простонала Луиза. — Я не выдержу. Столько трудились…

— Не глупите, — обрезал Арно, — наш костер виден за сотни километров. Они только разворачиваются, чтобы зайти вдоль хребта. Не забывайте, им нужно сбросить парашютиста и пять контейнеров на каких-то трехстах метрах.

* * *

Полковник Филипп Ливри-Леваль, штурман-француз, заметил костер. По переговорному устройству он тотчас же сообщил выпускающему и всем остальным:

— Впереди костер! Приготовиться!

Выпускающий раскрыл люк, подвел к нему Мишеля и карабином зацепил вытяжной фал парашюта за трос. Мишель сел на край люка спиной к моторам.

Зажегся красный предупредительный сигнал. Мишель быстро взглянул вниз и увидел покрытый снегом склон горы.

Выпускающий похлопал Мишеля по руке и крикнул ему в самое ухо:

— Мы сделаем еще заход, чтобы лучше подойти!

Предупредительная красная лампочка погасла, и самолет стал медленно разворачиваться. Прямо под собой километрах в полутора Мишель увидел темно-зеленую гладь озера Аннеси. Самолет развернулся, и снова перед ними вырос склон. Вспыхнула красная лампочка. По спине пробежал знакомый холодок, страх сковал все внутри — как всегда перед прыжком. Мишель почувствовал, что выпущены закрылки. Скорость упала до 250 километров в час.

Сейчас загорится зеленый сигнал, выпускающий махнет рукой — рукой судьбы — и крикнет: «Пошел!» То будет голос рока. Если он не прыгнет точно в эту секунду, то приземлится не там и…

Стиснув зубы, он ждал.

Вот и зеленый сигнал. Взмах руки выпускающего, и он прыгнул, закрыв глаза и защитив руками лицо, чтобы ветром не сорвало очки. Встречным потоком его резко швырнуло назад, и тут же рывок лямок в паху и под мышками подсказал, что парашют благополучно раскрылся. Его развернуло в обратную сторону, и теперь он смотрел вслед самолету, который не успел отлететь и ста метров. Один за другим раскрылись еще пять парашютов. Покачиваясь, они повисли почти у него над головой.

Посмотрев вниз, Мишель вспомнил слова штурмана: «Приземлитесь на пятачке». Он опускался прямо в костер! Лихорадочно схватившись за стропы, он успел изменить направление. Счастье, что это упражнение включено в программу парашютного дела.

У костра виднелись две фигуры: гигантская и рядом — маленькая. Гигант метнулся принимать второй парашют, и Мишель обрадовался — он приземлится рядом с маленькой фигуркой. Теперь казалось, что он спускается ей прямо на голову. В этот момент восходящий поток наполнил купол парашюта, и скорость спуска резко снизилась. На какое-то мгновение Мишель словно повис над землей. Луиза напряженно всматривалась в противоположную сторону и не видела его. Тогда он крикнул:

— Хэллоу, Луиза! Если вы сделаете шаг назад, я приземлюсь вам на голову!

Мгновенно обернувшись, Луиза увидела его и, отступив назад, протянула к нему руки, точно желая поймать его. Мишель приземлился в мягкий снег прямо перед ней. Он забыл согнуть

ноги в коленях, как это обычно делают, чтобы смягчить толчок.

Луиза прильнула к нему, шелковый купол безжизненно упал на снег, и в треске костра Мишель слышал, как она ласково повторяла его имя: «Пьер… Пьер…». В голосе ее звучало все то, что больше всего жаждет услышать мужчина. Это был самый восхитительный момент в их жизни.

В свете костра появился гигант. Он кричал:

— Черт возьми, Мишель!

И когда Мишель сорвал с головы резиновый шлем, Арно сжал его в своих медвежьих объятиях.

Мишель стоял между друзьями, обняв обоих за плечи. Он счастливо улыбался. Увидев Жана Коттэ, который тактично стоял по другую сторону костра, Мишель расстегнул пряжку, освободился от парашюта и подошел к нему.

— Здравствуй, Жан, — сказал он, — тепло тряся его руку. — Рад видеть тебя здесь, — добавил он, переходя на приятельский тон. — Я думаю, по такому случаю можно отбросить формальности.

— Рад видеть тебя снова, Мишель, — отвечал тот, употребляя приятельское «ты» и этим показывая свое согласие.

Вскоре пришла Симона, теперь группа была в сборе. Позабыв об усталости, они принялись таскать огромные ящики, разбросанные по снегу.

Взломав ставни, проникли в здание отеля, куда решили занести ящики. Когда перетаскали весь груз, собрали парашюты и с сожалением бросили их в огонь. Затем, усевшись вокруг костра, по очереди подкрепились из фляжки коньяком.

Наконец можно идти обратно. На то, чтобы подобрать и спрятать груз, ушло больше двух часов, и было уже четыре часа утра.

Арно оставили в отеле охранять ящики, пока его не сменят люди Тома Мореля, которые смогут прийти часов через двенадцать после того, как получат сообщение Луизы.

Мишель попросил Арно открыть один ящик, незаметно намекнув остальным, что там для радиста приготовлен сюрприз. Арно открыл ящик, на который указал Мишель, и начал вытаскивать один за другим давно обещанные ему предметы: два новых костюма, макинтош, две пары ботинок на толстой подошве, меховые перчатки, два кольта, бельгийский браунинг, патроны, запасные радиодетали, новые кварцевые кристаллы, батареи. Он довольно бормотал:

— Ну вот… Наконец-то… Черт возьми!

А когда обнаружил секретную задвижку в полене, где был спрятан «Стен», радость его перешла все границы.

Друзья ушли, и счастливый Арно остался один среди своих сокровищ. Плохо придется тому, кто осмелится побеспокоить его!

Мишель с теплотой думал о друге, довольный, что смог доставить ему эту радость.

Глава V
ПРЕДДВЕРИЕ МРАКА

Луиза, Мишель и супруги Коттэ двинулись в обратный путь. Тропы они не нашли и спускались в долину по прямой, барахтаясь в снегу. Мишель удивлялся, как они сумели отыскать дорогу на вершину.

Скат был крутой, местами почти отвесный. Если в гору Луиза взбиралась, как серна, то спускаться она не умела и все время цеплялась за руку Мишеля, который светил перед собой фонариком, держа его в другой руке. Мишель терпеть не мог подъемов, а на спусках чувствовал себя в своей стихии. Правда, сейчас у него обе руки были заняты, но он только радовался этому. Жан и Симона спускались без малейших затруднений.

Луиза отнюдь не помогала делу, торопясь рассказать о всех событиях, которые недавно произошли здесь. Она ошибочно полагала, что он может сосредоточиться на трех вещах сразу, и ничего не замечала перед собой, увлеченная разговором и всецело полагаясь на него.

Даже днем на таком крутом спуске не лишней была бы веревка, а они рискнули спускаться ночью при свете фонарика!

В одном опасном месте ему не удалось удержать Луизу, и она скатилась с десятиметрового крутого склона. Мишель похолодел от ужаса. Он ринулся вниз и через несколько секунд склонился над ней. Она без сознания лежала на спине поперек поваленного дерева. Даже при свете фонарика было видно, что лицо Луизы покрыла смертельная бледность. Мишель решил, что у нее сломан позвоночник. Он стал растирать Луизе лоб снегом, то и дело похлопывая ее по щекам, чтобы привести в чувство. Он совсем обезумел от мысли, что может потерять ее.

— Луиза, Луиза, ради бога, скажи, слышишь ли ты меня? — умолял он.

Жан влил ей в рот несколько капель коньяку.

Луиза приоткрыла глаза. Она посмотрела сначала на одного, потом на другого, наконец, на Симону и спросила:

— Чего мы ждем?

В этот момент Мишель уверовал в то, что жизнь Луизы заколдована.

Они добрались до гостиницы в восемь утра.

Луиза пошла к себе в комнату, помылась, переоделась и в половине девятого спустилась вниз на чашку кофе. Она еще успела на автобусе Аннеси. Ей надо было повидать там Тома

Мореля и других людей.

Тем временем Мишель привел в порядок свои вещи, а затем слонялся без дела до половины первого, пока она не вернулась. Он перевез ее на лодке через озеро. Они навестили жену Поля и сообщили ей последние новости о муже. После этого сняли комнаты в небольшом тихом доме, в стороне от проторенного пути. Мишель хотел сегодня же вечером переселиться сюда, но Луиза, которая знала обстановку лучше, убедила его, что раньше чем через сутки Анри не появится. Мишелю не следовало бы доверяться ее интуиции, но Луиза так успешно вела дела в его отсутствие, что он подумал, пусть решает она.

Вечером к ним зашел Арно, которого уже сменили люди Мореля, и они весело поужинали втроем. Мишель написал радиограмму:

ЛЕТЧИКИ МОЛОДЦЫ. ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

Арно устал, и ему очень не хотелось тащиться сегодня к себе еще 19 километров. Но его убедили. Он неохотно сел на велосипед и поехал, увозя с собой радиограмму, которой было суждено стать последней радиограммой Мишеля.

Луиза ушла отдыхать, Мишель не замедлил последовать ее примеру.

* * *

Гостиница уснула. Только в конторе еще горел свет — это супруги Коттэ заканчивали разбирать счета.

Вдруг открылась входная дверь и вошел Луи-бельгиец — один из связников. С беспокойством на лице он сообщил хозяевам, что принес плохие вести. Необходимо срочно предупредить Луизу, если она еще здесь, что вот-вот появится Анри.

Луи был свой человек, и Жан предложил ему присесть, пока Симона сходит наверх за Луизой.

Постучав к ней в дверь, Симона сказала:

— Луи-бельгиец пришел. Он хочет сказать вам что-то важное.

— Иду, — отозвалась Луиза.

Ничего не подозревая, она надела халат и пошла вниз. Спустившись по лестнице, она наткнулась прямо на пистолет Анри.

— Не пытайтесь кричать, Луиза, — сказал он вкрадчиво. — Станете кричать, Мишель выпрыгнет из окна, а я должен предупредить вас, что гостиница окружена и людям приказано стрелять.

Луиза была ошеломлена. Она бросила на Луи презрительный взгляд. Наемник гестапо и помощник Роже Барде, он в смущении потупил взор.

Вестибюль наполнился людьми.

Анри продолжал тем же вкрадчивым тоном:

— Вы хорошо играли, Луиза. Но ваша карта бита, так что будьте добры, проводите нас в комнату Мишеля.

Луиза поняла, что если она не выполнит его требование, то станут обыскивать все комнаты подряд и перепугают до смерти других постояльцев и детей Коттэ. Мишель услышит шум и выпрыгнет из окна навстречу верной смерти. Да, игра проиграна…

С тяжелым сердцем повела она врага к комнате человека, за которого всегда была и будет готова отдать жизнь.

Открыли дверь и включили свет. Мишель проснулся и увидел у своей кровати Анри, гестаповцев и людей из итальянской тайной полиции. Он никого не знал, но сразу понял, что произошло.

— Ваша фамилия? — спросил по-французски высокий черноволосый немец.

— Шамбрен, — ответил Мишель, машинально назвав последнее имя.

— Шамбрен! — повторил тот саркастически. — Или, возможно, Шовэ… Оба они означают одно: капитан Питер Черчилль, диверсант и мерзкий шпион… Руки вверх!

В лицо мрачно уставились дула пистолетов. Спорить было бесполезно. Ему приказали одеться. Он одевался нарочито медленно. Мозг лихорадочно работал, оценивая обстановку. Но ясно было одно — это начало последнего акта. Он мысленно проклинал себя за то, что его схватили спящим, что он не настоял на переезде, как того требовала простая осторожность. Он проклинал судьбу за то, что она не позволила ему рассчитаться за все с оружием в руках на поле боя и вместо легкой смерти обрекает на мучительную агонию во вражеском застенке. Конечно, при попытке к бегству его убьют, но он отогнал от себя эту мысль, так как это лишь увеличило бы страдания Луизы. На что она сможет надеяться одна? Мишель чувствовал, что в одиночку она не станет и помышлять о побеге.

Он не обратил внимания на то, что Луиза вошла в его комнату в халате. Не заметил он и того, как она вытащила бумажник из его пиджака, который висел на вешалке у кровати, пока гестаповцы, следя за каждым его движением, тщательно обыскивали комнату. В бумажнике, кроме 30 тысяч франков, были новые коды для пяти радистов и другие улики.

Луиза, как всегда, позаботилась о Мишеле и положила в небольшой саквояж смену белья и запас носовых платков — все его вещи были разбросаны по комнате в результате бесплодного обыска.

Когда Луиза вернулась уже одетая и увидела на руках Мишеля наручники, она подхватила второе пальто и положила его между руками так, чтобы прикрыть предательскую сталь. В ее улыбке, обращенной к нему, он прочел все…

Медленно, тяжелой поступью Мишель зашагал по коридору гостиницы «Отель де ля Пост». Луиза шла рядом. Он чувствовал, что в спину им направлены пистолеты, спрятанные в карманах макинтошей гестаповцев.

В вестибюле стоял Жан Коттэ, белый, как полотно.

Мишель остановился и посмотрел на своего друга, который подал ему мысль вооружить людей на Плато Глиэр и во всем помогал, не задавая вопросов.

— Господин Коттэ, — сказал он, — извиняюсь, что причинил вам такую неприятность. Вы не могли, конечно, подозревать, что я британский офицер.

Жан пожал плечами, с благодарностью принимая намек.

— Столько людей приезжает к нам, что нелегко разобраться, кто они на самом деле, — проговорил он.

Подошли к машине. Когда все заняли места, Анри спросил Мишеля, в какой тюрьме он предпочел бы находиться — в немецкой или итальянской?

— Какое может иметь значение мой ответ, — сказал Мишель. — Вы в любом случае заберете нас от своих итальянских союзников. Но поскольку вы спрашиваете, то я отвечу, что предпочитаю итальянцев.

Машина тронулась.

Луиза, сделав вид, что поправляет подвязку, подсунула бумажник Мишеля под сиденье. Никто не заметил этого ловкого движения — даже Мишель. Гестапо располагало доносом предателя Роже Барде на целых десяти страницах, зато имена людей в заметках, спрятанных под задним сиденьем, останутся неизвестными. Человек, который найдет бумажник, с радостью оставит себе 30 тысяч франков и предаст остальное огню.

Когда за Мишелем впервые закрылась дверь мрачной тюремной камеры, сердце у него дрогнуло. Он почувствовал себя, как дикий зверь, по неосторожности попавший в западню, из которой нельзя выбраться…

В другой камере Луиза, лежа на тюремной койке, не могла уснуть. Ее мучило, что Анри захлопнул западню раньше, чем она распознала в нем провокатора, и теперь нужно расплачиваться за

это дорогой ценой. Мишель должен разделить с ней печальную судьбу.

Хуже всего то, что, если даже ему когда-нибудь удастся бежать, он обязательно свяжется с Роже Барде. Ведь он все еще не знает, что это предатель. Она поклялась выгораживать Мишеля всеми доступными средствами и стараться спасти ему жизнь.

Несмотря на душевную боль, Луиза была полна решимости пройти через все страдания и беды, сохраняя хладнокровие, которое ей не изменяло никогда — ни в радости, ни в горе. В течение долгого мучительного заключения она действительно переносила все с таким достоинством, что покрыла себя славой, которая смущала даже ее тюремщиков.

Так Луиза и Мишель скрылись во мраке и начали долгий путь навстречу смерти или жизни.

notes

Примечания

1

Здравствуйте, мадам. Я здесь проездом (*франц.*).

2

Я приехал из Швейцарии и еду в Америку (*франц.*).

3

Прозвище командующего ВМС Англии на Средиземноморском театре военных действий. — *Прим. автора*.

4

Боязнь ограниченного пространства.

5

Большие соревнования на гребных судах, ежегодно проводимые в Англии на Темзе. — *Прим. ред.*

6

Луи (д-р Леви) — еврей. Имущество евреев подлежало конфискации, и поэтому он купил дом на имя дочерей, национальность которых надеялся скрыть с помощью поддельных свидетельств о рождении. — *Прим. автора*.

7

Всего шесть месяцев спустя немецким диверсантам удалось вывести из строя радиостанцию «Рэгби». — *Прим. автора*.

8

Добрый вечер, сударь. Я Франциск Ассизский (*франц.*).

9

Причины появления батальона выяснились позже. Накануне какой-то французский патриот средь бела дня взорвал одну из опор. Он не принадлежал к Сопротивлению, но понимал, что радиостанция — превосходный объект для диверсии. Достав взрывчатку через одного агента де Голля, он сговорился с тремя или четырьмя друзьями, и они отправились на велосипедах на Сену, будто бы рыбачить. Оказавшись в запретной зоне, они кое-как приладили взрывчатку к оттяжкам первой попавшейся опоры. Взрыв вызвал сильное повреждение опоры, но антенна не упала и повреждение быстро исправили. Результатом этого бесстрашного поступка было то, что на территории станции немедленно появился для охраны немецкий батальон. Один из группы французов вскоре предал остальных участников, их схватили и отправили в концентрационный лагерь, из которого они после войны каким-то чудом вернулись живыми. — *Прим. автора*.

10

Скачки лошадей-трехлеток. Ежегодно проводятся в Эпсоне, близ Лондона, в первую среду июня. Названы по имени лорда Дерби, который впервые организовал их в 1778 году. — *Прим. ред.*

11

Завтра моя дочь первый раз пойдет к причастию (*франц.*).

12

Замок в Лондоне, который в средние века служил политической тюрьмой. С 1820 года — арсенал с большой коллекцией средневекового оружия и орудий пытки. Здесь это название употреблено в значении «в заточении», «в тюрьме». — *Прим. ред.*

13

В сентябре 1940 года силы возглавляемого де Голлем движения «Свободная Франция» совместно с английскими войсками предприняли неудачную попытку овладеть Дакаром — крупным портом и военно-морской базой во Французской Западной Африке. — *Прим. ред*.

14

Холодный северо-западный ветер на юге Франции.

15

«Два плюс три — пять» (*франц.*).

16

Комната императора (*франц.*).

17

Башня в Пизе наклоняется все больше и больше (*франц.*).

18

Женщины иногда бывают легкомысленны (*франц.*).